

МУЗЕЕВЕДЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ СЕВЕРНОЙ АЗИИ

ТРУДЫ МУЗЕЕВЕДОВ
XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Институт искусств и культуры
Кафедра музеологии,
культурного и природного наследия

**МУЗЕЕВЕДЧЕСКОЕ
НАСЛЕДИЕ
СЕВЕРНОЙ АЗИИ:
ТРУДЫ МУЗЕЕВЕДОВ
XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА**

Издательство
Томского университета
2019

УДК 94:069 (571)“19/20”

М90

Научные редакторы:

доктора исторических наук
Н.М. Дмитриенко и Э.И. Черняк

Рецензенты:

доктор филологических наук Н.В. Жиликова,
кандидат исторических наук Л.А. Лозовая

М90 Музееведческое наследие Северной Азии. Вып. 2: Труды музееведов последней трети XIX – первых десятилетий XX века / Н.М. Дмитриенко, Э.И. Черняк, А.Д. Дементьев, И.А. Голев, С.Е. Григорьева. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2019. – 252 с.

ISBN 978-5-7511-2595-0

Представлены музееведческие статьи Н.М. Ядринцева, Д.А. Клеменца, А.К. Кузнецова, Ф.Я. Кона, А.Я. Тугаринова, музейные проекты В.М. Флоринского и группы томских авторов, каталог буддийской выставки Г.Н. Потанина и И.А. Подгорбунского. Публикуемые материалы, давно ставшие библиографической редкостью, освещают историю и состояние музейного дела восточных территорий страны в конце XIX – начале XX в., показывают глубокую заинтересованность и внимание общественности, поддержку музеев со стороны органов государственной власти и городского самоуправления.

Для историков, специалистов музейного дела и читателей, интересующихся историей и культурой Северной Азии.

На обложке: Иркутский областной краеведческий музей. Ресурсы Интернета, 2000-е

УДК 94:069 (571)“19/20”

ISBN 978-5-7511-2595-0

© Н.М. Дмитриенко, научное редактирование,
вступительная статья, публикация, комментарии, 2019
© Э.И. Черняк, научное редактирование, вступительная
статья, публикация, комментарии, 2019
© А.Д. Дементьев, публикация, комментарии,
именной указатель, 2019
© И.А. Голев, публикация, комментарии,
именной указатель, 2019
© С.Е. Григорьева, публикация, комментарии, 2019

ТРУДЫ СИБИРСКИХ МУЗЕЕВЕДОВ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Решение проблемы актуализации разнообразных памятников культурного наследия напрямую связано с укреплением роли музеев, создание и деятельность которых изначально направлены на сохранение и использование культурных ценностей.

Достаточно еще раз вспомнить В.С. Иконникова, который первым высказал не устаревшую, хотя до сих пор не вполне реализованную идею о том, что музеи – это хранилища памятников, собиравшихся с целью их изучения и передачи будущим поколениям¹. С некоторыми изменениями мысль Иконникова была воспроизведена в «Положении об областном, краевом, республиканском (АССР) краеведческом музее», утвержденном Правительством РСФСР в 1948 г. В нем, в частности, говорилось, что краеведческий музей является «основным хранилищем памятников материальной и духовной культуры в крае»². Осознавая важность высказанного, считаем необходимым конкретизировать поставленную задачу и выдвинуть как самое насущное изучение памятников музейной деятельности, или музееведческого наследия, обеспечивающее возвращение к жизни редких источников. Первый опыт такого обращения предпринят нами в коллективной монографии «Музееведческое наследие Северной Азии»³, в которой опубликованы статьи сибирских музееведов 1920-х гг. –

¹ Иконников В.С. *Опыт русской историографии*. Киев, 1892. Т. 1, кн. 2. С. 1351-1355.

² Положение об областном, краевом, республиканском (АССР) краеведческом музее // *Очередные задачи перестройки работы краеведческих музеев*. М.: Госкультпросветиздат, 1950. С. 216.

³ *Музееведческое наследие Северной Азии*. Вып. 1: *Труды музееведов 1920-х гг.* / Э.И. Черняк, Н.М. Дмитриенко, И.А. Сизова и др. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2018. 184 с.

А.Н. Тихомирова, М.Б. Шатилова, П.П. Хороших, Ф.В. Мелехина и Н.Н. Жукова. Начатое нуждается в продолжении,

⁴ Черняк Э.И. Труды музееведов как комплекс памятников культурного наследия Северной Азии // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. Томск, 2019. № 35. С. 289-290.

требуются дальнейший поиск и выявление обзоров музеев и жизнеописания видных музееведов. Нужно расширить содержательный спектр публикаций, искать, находить и публиковать несправедливо забытые музейные проекты, музеографические издания (каталоги, путеводители), а, возможно, и материалы музейных экспедиций, описание экспозиционной деятельности, опыт реставрационных работ⁴.

Руководствуясь сказанным, авторы нынешнего, второго, выпуска «Музееведческого наследия» задались целью выявить памятники музейной истории второй половины XIX – начала XX века: обзоры деятельности сибирских музеев Н.М. Ядринцева, А.К. Кузнецова, А.Я. Тугаринова, проект музея, разработанный В.М. Флоринским, и Положение о создании Сибирского научно-художественного музея в Томске, а также каталог Буддийской выставки, организованной Г.Н. Потаниным и И.А. Подгорбунским в Иркутском музее. Кроме того, представлены музееведческие взгляды Д.А. Клеменца и Ф.Я. Кона. Уже только перечень авторов публикаций позволяет говорить, что музееведческая проблематика привлекала виднейших исследователей, выказавших глубокие знания истории и современного им состояния музейного дела восточных территорий страны. Их участие в музейной жизни Сибири поднимало ее уровень, обеспечивало научный характер музееведческой деятельности. И действительно, учреждению нового музея обязательно предшествовала разработка научного проекта, организация выставок сопровождалась изданием каталога, всякая музейная акция привлекала доброжелательное внимание общественности и поддержку со стороны органов государственной власти и городского самоуправления.

Соблюдая правила археографической обработки, мы разместили все выявленные тексты по хронологии их опубликования в изданиях XIX – начала XX в. Каждому из

документов, заглавия которых даны публикаторами, предположительно предисловие, прилагается легенда, содержащая полное библиографическое описание публикуемых работ. Тексты публикуются с использованием современной орфографии и пунктуации, но полностью сохранены авторские форма и стиль изложения, со всеми вышедшими из употребления словами и выражениями и с обязательными текстуальными примечаниями. Все числовые обозначения даются арабскими цифрами, века обозначены римскими цифрами. Расшифровки авторских сокращений, как и некоторые пропущенные по смыслу слова, даются в квадратных скобках; многоточием в угловых скобках обозначены некоторые сокращения текста, не имеющие прямого отношения к избранной теме. Список принятых сокращений помещается в конце книги. Авторские примечания и необходимые пояснения приведены в постраничных сносках, содержательные комментарии – в концевых сносках каждой публикации.

Публикаторы выражают благодарность магистрам Е. Ланкиной, С. Дудникову, С. Ревушкину, Е. Степановой, которые во время обучения в магистратуре на кафедре музеологии, культурного и природного наследия провели оцифровку и распознавание некоторых из публикуемых статей.

Н.М. Дмитриенко,
профессор кафедры музеологии,
культурного и природного наследия
Э.И. Черняк,
профессор, завкафедрой музеологии,
культурного и природного наследия

ПРОЕКТ ПУБЛИЧНОГО ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ, РАЗРАБОТАННЫЙ В.М. ФЛОРИНСКИМ

Василий Маркович Флоринский (1833–1899) – выпускник Санкт-Петербургской медико-хирургической академии, доктор медицины, успешно практиковавший как врач, был профессором по кафедре акушерства, гинекологии и педиатрии в Alma Mater, позже занимал профессорскую кафедру в Императорском Казанском университете. Он был автором популярного среди россиян лечебника «Домашняя медицина», а также многочисленных научных трудов, в одном из которых – «Усовершенствование и вырождение человеческого рода» – высказал мысли, гораздо позже положенные в основу медицинской генетики. В.М. Флоринский был председателем Строительного комитета по возведению зданий Императорского Томского университета, а как попечитель Западно-Сибирского учебного округа (с 1885 г.) занимался формированием штатов университета, руководил университетской жизнью вплоть до отъезда из Томска в 1898 г.

Еще в студенческие годы В.М. Флоринский увлекся древностями, во время поездки в Европу после окончания медико-хирургической академии побывал во многих музеях, а оказавшись в Казани, осматривал археологические памятники приволжских территорий и начал собирать собственную коллекцию археологических предметов. Не случайно, видимо, созданное в 1877 г. Общество археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете поручило профессору В.М. Флоринскому разработать проект музея. Он охотно и в короткие сроки выполнил данное ему поручение, и его Проект публичного историко-

этнографического музея был опубликован в «Известиях Общества археологии, истории и этнографии», а в 1879 г. вышел отдельным изданием.

Знакомство с проектом позволяет утверждать, что В.М. Флоринский сформулировал музейные задачи, которые не утратили своей актуальности в современном музееведении. Он считал, что историко-этнографический музей должен содержать не только древности прошедших веков, но также и свидетельства современности, особое внимание уделял музейному предмету, сделав акцент на то, что в музее должны быть представлены местные материалы, причем только подлинники. В.М. Флоринский тщательно прописал методологию комплектования и организации фондов, разработал структуру будущего музейного собрания, особо остановился на проблемах систематизации и научной обработки музейных коллекций, подчеркивал значение учета и предложил собственный вариант учетной документации. Тщательно разработанный проект не был реализован в Казани, но не пропал даром. Известно, что в декабре 1882 г. еще до завершения строительных работ Флоринский инициировал создание первого в Томском университете Археологического музея. А поскольку университет открылся в 1888 г. в урезанном виде, то и штаты для этого музея не полагались, поэтому им заведовал сам В.М. Флоринский и в продолжение 17 лет был его единственным сотрудником, работал без всякого вознаграждения. В свободное от служебных обязанностей время он описал музейное собрание и издал каталог, включивший более 4,5 тысяч предметов по археологии, этнографии, истории, нумизматике. Судя по каталогу в Археологическом музее осуществился казанский музейный проект, что и позволило Флоринскому в кратчайшие сроки открыть музей и построить интересную экспозицию, привлекавшую внимание многих посетителей.

А.Д. Дементьев

[ПРЕДИСЛОВИЕ]

Сохранение для истории следов человеческой жизни есть потребность и обязанность всякой образованной нации. С целью разыскать и разгадать эти следы прошедшего и увековечить для потомства быстро изменяющиеся формы народного быта существуют отдельные науки, созидаются обширные музеи, жертвуются значительные средства и сотни просвещенных людей в каждой образованной стране трудятся на этом поприще. Археология, нумизматика, история наук и искусств, этнография, общественные книгохранилища и многочисленные исторические музеи — суть выражения одной и той же идеи — сохранить в человеческой памяти следы прежней жизни. Несмотря, однако, на все уважение, которым пользуется народная старина, мы должны признать, что в существующих музеях до сих пор удалось сохранить ее в самых ничтожных размерах. Это произошло от того, что до сих пор искали и ценили только предметы, вышедшие из употребления, а не заботились о сохранении тех, которые составляют этнографическую принадлежность текущего времени. Поэтому от прошлых веков остались нам только случайные находки, грубые отрывочные обломки старинной жизни, по которым трудно воссоздать полный образ прежнего народного быта. Поздно спохватившись беречь старину, мы дорожим теперь всякою мелочью, всяким черепком, сохранившимся от разрушительного действия времени. Оставив в стороне эпохи отдаленные, много ли найдем мы уцелевших предметов обыденной жизни даже наших прадедов? Весьма немного. Кое-что можно еще найти из образчиков старого оружия, монет, металлической утвари, принадлежностей царского и вельможного быта; но по этим образцам нельзя воскресить облика народной жизни. А между тем как было бы важно и полезно видеть живую русскую историю, не в книжном описании выдающихся событий, а в наглядных образцах нашего прежнего культурного развития. По этим образцам мы могли бы судить о постепенном движении нашей цивилизации, о вкусах и привычках, об удобствах

и неудобствах жизни наших предков, об их стремлениях, потребностях и изобретательности, словом, могли бы шаг за шагом воспроизвести всю прошлую историю нашего культурного развития. К сожалению, в настоящее время мы уже не можем пополнить этого существенного недостатка. Переходные степени прежних форм исчезли почти бесследно; но, по крайней мере, пусть это послужит нам уроком на будущее время.

Исторические музеи необходимо созидать заблаговременно. Входящие в них предметы не должны носить случайного, отрывочного характера, а должны изображать полную и стройную картину быта данного времени и тех видоизменений его, какие преемственно следовали с развитием или упадком народной культуры. Поэтому при составлении музеев следует задаваться мыслью не столько приобретать вещи давно прошедшего исторического времени, сколько сохранять на память потомству вещи современного употребления. Приобретение их в надлежащей полноте для современников не составит ни большого труда, ни значительных затрат, а между тем через несколько десятилетий эти предметы, как вышедшие из употребления, будут иметь историческое значение. Ничто так не изменяется в жизни, как принадлежности житейской обстановки. Под влиянием развивающегося вкуса, моды, усовершенствования технических производств, в зависимости от экономических и других условий предметы домашнего и промышленного обихода постоянно видоизменяются, если не по существу, то по форме. Из отживших форм редкие сохраняются как образчики старины, в двух-трех поколениях, а большая часть утрачивается навсегда, как вещи не прочные и никому не нужные. Напрасно мы стали бы искать теперь принадлежностей домашнего обихода, напр[имер], допетровской Руси, даже более – екатерининских времен. Точного облика этой жизни мы не найдем ни в каких вещественных памятниках.

То же самое замещение форм совершается и теперь, может быть, даже в больших размерах и более быстрыми шагами. Благодаря улучшаемым путям сообщения и более оживленным сношениям между отдельными частями России

и заграничными центрами, новые формы бытовых принадлежностей быстро распространяются по самым глухим уголкам нашего Отечества, вытесняя собою прежде существовавшие. Вследствие этого старые типы русского национального быта и творчества сглаживаются и вымирают, постепенно заменяясь общеевропейскими. Простонародье менее поддается этим переменам, но и относительно его было бы несправедливо думать, что в нем нет ни увлечений моды, ни заимствований более совершенных образцов. В большей или меньшей степени жизнь кладет печать современности на всякое общество, и во всех своих проявлениях она выражается переменою форм. Если у нас привыкли думать, что формы деревенской жизни отличаются неподвижностью, то это можно объяснить только недостатком материалов для сравнения. Если бы мы имели теперь перед глазами этнографический музей, напр[имер], петровского периода, то, наверное, заметили бы громадную разницу принадлежностей крестьянского быта того и настоящего времени. То же самое будет и с последующими поколениями. Чтобы не оставить их в таком же неведении относительно прошедшего, в каком находимся мы, следует позаботиться о составлении современного этнографического музея, который впоследствии получит значение исторического.

Ни частное лицо, ни другое ученое общество не может иметь таких средств и оснований заняться подобным делом, как Общество археологии, истории и этнографии. Создание историко-этнографического музея как нельзя более соответствует задачам его деятельности. Оно взяло на себя труд изучать старую и современную бытовую сторону русской жизни, следовательно, оно может посвятить долю своей деятельности и собиранию материалов для подобного изучения. Наше Казанское общество, предпринимая подобную задачу с первого же года своего существования, выразило бы этим одну из постоянных и весьма важных целей для настоящих и будущих трудов, доступных большинству наших членов, сотрудников и ревнителей. При коллективном труде, при деятельном участии наших просвещенных членов и при содействии образованного населения Казани и

казанского округа дело основания и обогащения историко-этнографического музея может пойти успешно, несмотря на ограниченность наших материальных средств. Поэтому я позволяю себе предложить на обсуждение почтеннейшего собрания проект основания историко-этнографического музея при Казанском обществе археологии, истории и этнографии, при устройстве которого, мне кажется, можно было бы руководиться следующими соображениями:

1) В состав музея должны входить предметы по всем проявлениям русской и инородческой народной жизни, как ныне употребляемые, так и бывшие в употреблении в прежние времена. Все они должны быть русского изделия и по возможности русского изобретения, т. е. не копии с иностранных моделей. Они должны характеризовать русский вкус, изобретательность и бытовой склад нашей жизни. Вещи, приготовленные по иностранным образцам, но видоизмененные в России по русскому вкусу и по условиям нашей промышленности, могут иметь место в музее.

2) Каждый предмет должен быть снабжен описанием: когда и откуда он получен, в каких губерниях и областях он употребляется, по какой цене продается, какое название он носит на месте употребления и в других местах. Предметы не общепотребительные, напр[имер], относящиеся к какому-либо местному, специальному техническому производству, должны иметь более подробное описание способа их употребления. То же самое необходимо по отношению к предметам, вышедшим из употребления, с обозначением когда и где они употреблялись. Составленные таким образом подробные описательные каталоги вместе с наличностью предметов могут служить к обстоятельному ознакомлению с этнографией русского народа или по крайней мере здешнего края, во всех проявлениях народной жизни.

3) Поступающие предметы должны быть записываемы:

а) в общую инвентарную книгу за номером по порядку поступления, без классификации на разряды. Здесь отмечается только название поступившего предмета, время поступления его в музей, с обозначением кем данный предмет пожертвован или за сколько и где приобретен. На каждый

предмет наклеивается соответствующий ему номер инвентаря, с буквами И. К. (инвентарная книга);

б) в разрядную книгу соответственно принятой классификации. По каждому разряду предметов должна существовать отдельная книга или тетрадь, куда записываются входящие вещи по отдельной для каждой тетради нумерации в порядке поступления предметов. Номер разрядной книги, с буквами Р.К., точно так же наклеивается на соответствующий ему предмет. В разрядную книгу каждый поступающий предмет вносится с более подробным описанием значения или употребления его, времени, места, цены и обстоятельств приобретения и, где возможно, синонимов местного его названия. Для предметов исторических и археологических должно быть обозначено: откуда и при каких обстоятельствах они получены, кем определено их название и значение, с присоединением, где возможно, кратких исторических разъяснений;

в) записи разрядной книги, в копии или в извлечении, должны быть помещаемы на особых для каждого предмета карточках (на толстой александрийской¹ бумаге) в осьмушку листа с соответствующим номером. Эти карточки должны быть пришнурованы или к самому предмету, или находиться вблизи его в той же витрине (для мелких предметов). Записи на карточках и в разрядных книгах должны быть написаны не очень мелким, четким почерком; почему ведение их было бы полезно поручить особому писцу под наблюдением лица, заведующего музеем.

4) Для облегчения труда и для более успешного изыскания средств на обогащение музея можно было бы поручить членам общества, изъявившим на то желание, по одному или по несколько разрядов входящих в музей предметов, с тем, чтобы каждый заведующий вел порядок своего отдела и занимался о его пополнении. Независимо от того, общее наблюдение за музеем, ведение инвентаря, заботы о сбережении и расположении вещей, общая отчетность и проч. должны быть возложены на одно лицо с званием директора музея.

ПРОГРАММА МУЗЕЯ С НАИМЕНОВАНИЕМ ЕГО «СОБРАНИЕ ДРЕВНОСТЕЙ И ПРЕДМЕТОВ СОВРЕМЕННОГО БЫТА»

Входящие в музей предметы распределяются на две главные группы: А) предметы древности и В) предметы нового времени (текущего столетия).

А) Древности подразделяются на следующие разряды: первый разряд – доисторические древности, куда относятся предметы каменного, бронзового и железного века. Второй разряд – предметы исторических народностей, обитавших по Волге и ее притокам, равно и в других частях нынешней России, до водворения здесь русского владычества, с подразделением этих предметов по месту находки, напр[имер], бильярские и болгарские древности, увекские и сарайские древности и проч. Третий разряд – русские древности до XVIII века. Четвертый разряд – русские древности XVIII века. Пятый разряд – собрание монет и медалей, с подразделением их на: а) русские, б) восточные и в) прочие иностранные монеты и медали.

В) Группа предметов нового времени (текущего столетия и современного быта) подразделяется на следующие отделы: 1) русский отдел, 2) инородческий отдел и 3) дополнительный азиатский отдел. Второй, инородческий, отдел подразделяется на следующие части, смотря по национальностям: а) татарская часть (татары – магометане и крещен[ые], башкиры); б) киргизо-туркменская часть; в) калмыцкая, г) чувашская, д) черемисская, е) мордовская, ж) вотяцкая, з) зыряно-пермякская и вогульская, и) остяцко-самоедская и других северных инородцев.

Русский и инородческий отделы по распределению предметов разделяются на следующие разряды:

Первый разряд.

Предметы и принадлежности религии

Сюда относятся кресты, складни², образа православные и старообрядческие, картины духовного содержания, четки и лестовки³, лампадки, курильницы, богослужебные и религиозно-нравственные книги и рукописи, православные

и старообрядческие, одежды и принадлежности раскольников богослужения и т. п. По инородческому отделу — предметы богослужения и религии магометанской, иудейской и языческой.

Второй разряд. Одежда и обувь

а) Мужские головные уборы: шляпы, шапки, картузы, малахай, башлыки, шляпы и шапки духовных особ и монашествующих; каски и фуражки военных образцов, форменные фуражки гражданских чиновников и воспитанников учебных заведений; кучерские и ямщицкие шляпы и т. п.; б) женские головные уборы: кокошники, кички, шашмуры⁴, косынки, головные платки и повязки и т. п.; в) обувь: лапти, бахилы, разные формы кожаной обуви, мужской и женской, образцы валяной обуви; г) платье и белье: мужское и женское, зимнее и летнее, преимущественно выходящее из употребления или отличающееся оригинальностью и какими-либо местными особенностями; д) принадлежности одеяний: рукавицы, варежки, перчатки, муфты, кушаки, пояса, печатные платки и шали, передники, шейные шарфы, нагрудники и манишки, жилеты и т. п.; е) украшения мужские и женские: перстни, кольца, серьги, запонки, пуговицы, пряжки, запястья, ожерелья, женские головные гребенки, кружева и ленты, карманные часы и цепочки, брелоки и т. п.*

* Инородческий отдел располагается, по возможности, по тому же порядку отдельно от русского (прим. автора).

Третий разряд.

Предметы чистоплотности и туалета

Гребешки и гребни деревянные, металлические и роговые; зеркала и зеркальца, употребляемые в крестьянском быту; умывальники, рукомойники и кувшины для мытья лица и рук (берестяные, деревянные, глиняные, жестяные, чугунные и медные разных образцов); банные принадлежности; образцы мыла, употребляемого по деревням для тела и белья; принадлежности стирки белья; щетки и метелки для платья и полов; ухвертки, зубочистки, орудия для истребления насекомых (клопов, тараканов и проч.); образцы румян, белил и помады.

Четвертый разряд.

Предметы освещения и отопления

Свечек для лучины и образцы лучины, ночники, шандалы, подсвечники, съёмцы⁵ и щипцы для снятия нагоревшей свечильни, фонари, приборы для литья домашних сальных свечей, лампы и лампочки для масла и керосина. Трут и его суррогаты, огнива и кремни для высекания огня, самодельные и фабричные спички. Модели русских, голландских и других печей. Печные приборы. Образцы кизяка и других суррогатов топлива.

Пятый разряд. Предметы для приготовления, сохранения и употребления пищи и питья

а) кухонная и столовая посуда, по преимуществу старых образцов, или отличающаяся какими либо местными особенностями; б) посуда для питья и хранения жидкостей: жбаны, бураки, кружки разных образцов, ковши, баклаги, образцы деревенской чайной и кофейной посуды, самовары и чайные подносы, стеклянная посуда, ведра и коромысла, подойники и другие принадлежности молочного хозяйства, образцы кабачной* посуды; в) некоторые образцы пищи и лакомств, удобных для сохранения в музее.

При выборе их обращается преимущественное внимание на внешнюю форму произведения. Сюда относятся: коллекции пряников, разных форм и узоров, формы калачей, кренделей и баранков, образцы конфет**, пастил и других сладостей, формы хлебов, пирогов, оладей, пряжеников, сыров и т. п.

** Так в тексте,
правильно – кабацкой.*

*** Так в тексте,
правильно – конфет.*

Шестой разряд.

Предметы для употребления табаку

Тавлинки⁶, рожки для табаку и табатерки*** берестяные, корковые и роговые; трубки и чубуки разных сортов, мундштуки, табачные кисеты, портсигары и табачницы, машинки для приготовления папирос, кальяны, пепельницы, образцы табаку, сигар и папирос и т. п.

**** Так в тексте,
правильно – табакерка.*

Седьмой разряд.

Предметы воспитания и образования

Детские люльки и зыбки, рожки и соски, образцы свивальников, чепчиков и пеленок, стойки для поддержки детей, начинающих ходить; детские игрушки, преимущественно русских типов и русского производства, азбуки и учебники, указки, сказки и народные книжки, принадлежности письма и школы.

Восьмой разряд.

Игры и музыкальные инструменты

Мячи, бабки, городки, шашки, свайки, бирюльки⁷ и проч. Свистульки, дудки, балалайки, гармоники, гитары, гусли, музыкальные ящики, органы и т. п.

Девятый разряд.

Предметы эстетики и деревенского искусства

Коллекции лубочных картин и гравюр, рамки для картин, резьба по дереву и кости (преимущественно обращать внимание на типы рисунков, точеные вещи, изящные деревянные, бумажные, металлические, каменные и другие поделки); плетение из конского и человеческого волоса, искусственные цветы, произведения из воска и т. п.

Десятый разряд. Ткани и женские рукоделия

Образцы холста беленого и крашеного, образцы набивных холстов (набойки) разных рисунков; русский миткаль и ситец; шерстяные, суконные и шелковые ткани; кружева и прошивки, шитье цветной шерстью, гарусом, шелком, серебром и золотом. Образцы русских и инородческих ковров и кошем.

Одиннадцатый разряд. Меры и веса и средства для охраны имущества

Безмены, веса и гири, орудия меры, счеты, бирки и проч. Кошельки, бумажники, денежные сумки и пояса, копилки. Замки висячие и внутренние, крючки и задвижки, сундуки, шкатулки, ларцы, укладки, чемоданы, шкафы и каммоды* русских типов и т. п.

* Так в тексте,
правильно – комод.

Двенадцатый разряд. Модели жилищ

Типы великорусских, северорусских, сибирских и ино-
родческих построек. Образцы резных и точеных домовых укра-
шений и мебели. Типы оконных рам. Типы расположения дво-
ров, крылец и надворных построек. Типы бань и колодцев.

Тринадцатый разряд. Орудия передвижения

Модели телег, роспусков, долгуш, плетушек, таранта-
сов, дровней, саней, возков, пошевней⁸; седла, стремена, дуги,
кнуты и нагайки, конская сбруя, колокольчики и бубенчи-
ки; коньки, лыжи, ходули, носилки. Модели лодок, паромов
и речных судов.

Четырнадцатый разряд. Оружие и принадлежности охоты и рыболовства

а) луки и стрелы, копьа, рогатины, кистени, дубинки,
огнестрельное и холодное оружие, пороховницы, образцы
дробь и пуль и орудия для их отливания; б) капканы, ловуш-
ки, силки и прочие принадлежности охоты; в) сети, невода,
сачки, морды, вятили, остроги, удочки, орудия для лучения
и глушения рыбы⁹.

Пятнадцатый разряд. Ткацкое производство

Веретена разных сортов, пряслицы, челноки, цевки
и берда, тюрлика, мотовила для сматывания пряжи, греб-
ни для чесания льна и кудели, кросна (в модели), паль-
цы, коклюшки для вязания кружев¹⁰, орудия для трепанья
и чесания льна и т. п.

Шестнадцатый разряд. Шерстяное и валяльное производство*

* Этот разряд
не заполнен.

Семнадцатый разряд. Кожевенное производство Выделка кож и чеботарное дело¹¹.

Восемнадцатый разряд.

Плотничное, столярное и слесарное производство**

** Разряд
не заполнен.

Девятнадцатый разряд. Земледелие

а) орудия земледельческие – косы, горбуши, серпы, сохи, плуги, сабаны и бороны (в моделях), цепи (молотила), грабли, вилы. Модели овина, риги, формы складывания снопов и скирд, модели мельниц ветряных и водяных, ручные мельницы, толчеи, маслобойни и т. п.

Двадцатый разряд.

Предметы наказания\и заключения

Орудия наказания: шпицрутены (палки), плети, клейма, модели эшафота и кобылы¹². Кандалы, железные ошейники и проч. Модели мест заключения. Арестантские костюмы.

Кроме вещей и моделей в вышеперечисленных группах могут быть помещаемы по принадлежности фотографические снимки и рисунки, напр[имер], национальных типов и народных костюмов, общественных и частных зданий, замечательных почему-либо местностей, ярмарок, народных праздников и т. п.

Согласно вышеизложенному распределению предметов, для записывания их в разрядные каталоги необходимо иметь, кроме общего инвентаря, следующие книги: пять книг с общим заглавием «Древности».

Первая из этих книг предназначается для доисторических древностей, куда будут записываться все предметы каменного, бронзового и железного доисторического века, по порядку поступления их без подразделения на частные категории.

Вторая книга (второй разряд древностей) будет заключать в себе предметы исторических народностей до водворения в их землях русского владычества. Эта книга должна иметь по крайней мере три подразделения: одно для болгарских и билярских древностей, другое для увекских и сарайских¹³ и третье для всех остальных.

В третьей книге будут записываться русские древности до XVIII века.

В четвертой — русские древности XVIII века.

В пятой — собрание монет и медалей. Эта книга должна иметь три подразделения: 1) русские монеты и медали,

2) восточные и 3) все остальные. В каждой книге (разряде) и в каждом подразделении ее (части) должна быть особая нумерация предметов. Соответственно этому на каждой предметной карточке должно быть обозначено:

Группа А)

Разряд о

Часть о

№ о

или общий заголовок разрядной книги и ее части, напр[имер], *булгарские древности № о, русские древности XVIII в. № о* и т. д.

Разрядные каталоги нового времени, по причине большой дробности их (20 разрядов русского отдела и столько же инородческого), могут быть пока ведены либо на отдельных тетрадах для каждого разряда, либо на передвижных карточках с надписью для каждой из них общего заголовка разряда. Так, напр[имер]:

Группа В) Предметы нового времени. Русский отдел

Разряд о

№ о

или: *Новое время. Русский (инородческий) отдел.*

Разряд о. Одежда и обувь № о.

По каждому разряду нумерация поступающих предметов должна быть особая. Каталоги инородческого отдела могут не подразделяться по народностям, как это предположено в программе для размещения предметов в музее (9 групп), но должны быть разделяемы только по разрядам значения предметов. Так, напр[имер], в разряде одежды и обуви должны быть записываемы по одному порядку нумерации одежды татарские, вотяцкие, калмыцкие и проч. В противном случае пришлось бы впасть в слишком большую дробность деления тетрадей (20 разрядов $\times$ на 9 народностей = 180 тетрадей), причем многие из них имели бы слишком мало содержания.

Для дополнительного азиатского отдела должна быть особая книга, без подразделения на разряды. Сюда по порядку поступления должны быть записываемы все предметы, относящиеся к азиатским народностям, живущим вне пределов России (Китай, Япония, Корея, среднеазиатские ханства,

Персия, магометанский Кавказ, Малая Азия). Эти предметы могут быть соответственным образом классифицированы при самом размещении в музее, но не в каталоге.

Образцы записи на карточках

Группа В. Русский отдел. Разряд 4. Освещение. №	Съёмцы, съёмы, снимы, щипцы
употребляются для снятия нагоревшей свечильни с сальных свечей. Более нарядные съёмы подаются на стол на особом, принадлежащем к ним, подносе. Съёмы вошли в общее употребление в 20-х годах текущего столетия, по мере распространения в среднем и низшем классе народа сальных свечей вместо лучины и ночников. Съёмы вырабатываются преимущественно в <...>, цена им от 00 до 00 коп. Пожертвованы в музей г. N в 1879 г.	
Группа В. Русский отдел. Разряд 2. Одежда и обувь. №	Шуба-ягá
зимняя одежда, употребляемая во время извоза или вообще при отдаленных поездках в очень холодное время. Надевается сверх обыкновенной шубы или полушубка шерстью вверх, не подпоясывая. Употребительна в Пермской и Тобольской губерниях. Доставлена из Шадринского уезда, села Песков. Цена 8 руб. Пожертвована NN в 1879 г.	

Предлагая на обсуждение вышеизложенную программу устройства историко-этнографического музея, я предвижу основательные возражения относительно своевременности и возможности этого дела для Общества [археологии, истории и этнографии]. Не думаю, чтобы кто-либо стал сомневаться в полезности такого предприятия; но, по всей вероятности, многие найдут его трудно осуществимым, во-первых, по недостатку у общества средств на такое крупное дело, во-вторых, по неимению для музея соответствующего помещения. То и другое опасение было бы, безусловно, верным, если бы музей предполагалось устроить в очень короткое время в вышеуказанных размерах. Я не имею этого в виду, а рассчитываю и считаю возможным в настоящее время положить лишь основание для такого, в высшей

степени важного для нас, учреждения. Собираание материалов, почти исключительно путем частных пожертвований, без сомнения, будет подвигаться медленно; следовательно, для первого времени у нас, может быть, будет достаточно и помещения и, быть может, окажутся и кое-какие средства для размещения поступающих предметов. Но раз начатое по известному плану дело само в себе будет иметь задатки для дальнейшего развития. Труднее собрать материалы, чем разместить их. Потому я полагаю, что в случае успешного хода предприятия общества и избытка накопившихся для музея предметов гораздо легче будет впоследствии изыскать средства для приличного и удобного размещения их, если только общество не утратит присущую ему ныне энергию и любовь к своему делу и будет пользоваться таким же вниманием и сочувствием большинства просвещенных людей здешнего края. Видя наши труды на пользу русской археологии, истории и этнографии и имея надежные задатки на осуществление проектируемого музея, не бесполезного для русской науки вообще и для здешнего края в особенности, быть может, со временем, казанское городское общество, земство или правительство подадут нам руку помощи для довершения задуманного нами предприятия*.

Публикуется по: *Флоринский В.М. Проект публичного историко-этнографического музея при Казанском обществе археологии, истории и этнографии. Казань: тип. Казанского университета, 1879. 15 с.*

КОММЕНТАРИИ**

¹ Александрийская бумага — высококачественная, плотная бумага для рисования и черчения большого размера.

² Складень — складная икона, написанная на доске либо на медной или серебряной основе.

³ Четки — нитка бус или ремешок с узлами, замкнутая в кольцо, для счета молитв и поклонов. Лестовки — кожаные четки старообрядцев.

* Проект завершается следующим сообщением: «По постановлению совета Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете печатать разрешается. Казань, 11 апреля 1879 г. Секретарь Н. Загоскин».

** Сост. по: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. 6-е изд. М., 1989. Т.1–4.

⁴ Кокошник – головной убор русских крестьянок в виде округлого щита вокруг головы; кичка, или повойник, – женский убор в виде платка или повязки вокруг головы; шамшура – чепец или теплая шапочка, надеваемая под платок или кокошник.

⁵ Светец – подставка для горящей лучины; шандал – подсвечник; съемцы – щипцы для снятия нагара со свечи.

⁶ Тавлинка – табакерка из бересты.

⁷ Свайка – шип с шарообразной головкой для игры (ее брали за хвост и броском втыкали в землю в намеченное место). Бирюлька – мелкая деревянная игрушка для игры (из вороха бирюлек нужно было вытащить одну, не потревожив вороха).

⁸ Роспуск – повозка без кузова; долгуша – повозка на длинном ходу; плетушка – плетеный кузов; тарантас – дорожная четырехколесная повозка; дровни – крестьянские сани без кузова для перевозки дров; пошевни – широкие крестьянские сани, обшитые лубом, чаще – липовым подкорьем.

⁹ Морда – сплетенное из лозы рыболовное орудие с двойной воронкой; вятель – рыболовная снасть из прутьев; острога – рыболовное орудие с несколькими зубьями. Лучение – рыбная ловля в ночное время с лодки. Освещаемую горячей лучиной рыбу били острогой.

¹⁰ Веретено – приспособление в форме точеного деревянного стержня, который использовался для прядения (навивания пряжи, перерабатываемой в нить). Пряслице – деревянная подставка, к которой привязывалась кудель (волокнистая часть льна или пеньки) при прядении. Челнок – приспособление для ткацкого станка, в углубление которого прокладывалась уточная (поперечная) нить ткани. Цевка – деревянная трубка, или катушка, для наматывания уточной нити и вставки ее в челнок. Бердо – принадлежность ткацкого станка, гребень для прибавления уточных (поперечных) нитей ткани. Тюрик – приспособление для наматывания пряжи в виде полого деревянного цилиндра с отверстиями для оси, вокруг которой он вращается. Мотовило – приспособление для наматывания пряжи. Кросна – ткацкий станок.

¹¹ Чеботарное дело – изготовление сапог и башмаков.

¹² Кобыла – скамья, к которой привязывали преступника, подвергаемого телесному наказанию.

¹³ Булгарские, биярские, увекские и сарайские древности – археологические памятники, найденные на территории Волжско-Камской Булгарии X–XIII вв. и в золотоордынских городах XIII–XIV вв. Увеке и Сарая.

КАТАЛОГ БУДДИЙСКОЙ ВЫСТАВКИ В ИРКУТСКЕ

Выдающийся исследователь Северной и Центральной Азии Григорий Николаевич Потанин (1835–1920), назначенный в 1887 г. правителем дел Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, возглавил Иркутский музей, входивший в состав отдела. Он развернул работы по комплектованию, систематизации и описанию музейных фондов, а в 1888 г. организовал первую в истории музея большую выставку предметов буддийской культуры. В подготовке и проведении выставки участвовал Иннокентий Александрович Подгорбунский (1862–1913), выпускник миссионерского отделения Казанской духовной академии, преподаватель Иркутской духовной семинарии, знаток буддизма. По итогам выставки, которую посетило около 400 человек, был подготовлен и издан каталог, включавший описание более 560 пронумерованных экспонатов, которые были распределены по четырем отделам, а внутри отделов – по разделам и группам предметов, отражавшим духовную и материальную историю буддизма в сопредельных территориях России, Монголии и Китая. Наряду с подлинными богослужебными предметами на выставке экспонировались (и в каталоге описаны) макеты храмов и монастырей, изобразительные памятники, рукописные и печатные книги, а также изделия бытового и медицинского назначения, изготовленные ламами. Перечень экспонатов в каталоге сопровождался пояснениями исторического, религиоведческого и музееведческого характера, а в описании выставочной экспозиции обязательно указывались тип и вид памятника, фамилия владельца или

дарителя и в случае, если предмет был извлечен из фондов Иркутского музея, – инвентарный номер. Все это позволяет рассматривать выставочный каталог как уникальный памятник музееведческого наследия.

И.А. Голев

ОТДЕЛ I КАРТЫ И ВИДЫ БУДДИЙСКОГО МИРА

а) Карты буддийского мира

Родиной основателя буддизма был город Капила-васту на берегу р. Рогини, ныне Коханы, в 100 милях к северо-востоку от г. Бенареса, но первое слово его проповеди раздалось в Бенаресе*. Здесь он приобрел первых пять учеников. Затем к концу его жизни мы находим буддийские общины во всех главнейших городах Индии, каковы: Шраваста, столица страны Косалы, Вайтали, столица центральной Индии, к северу от Паталипутры на р. Гандаке, Раджагриха, столица Магады, и пр. Через три столетия по смерти Будды, в царствование знаменитого покровителя буддизма Ашоки, буддизм делается уже государственной религией Индии. С этого же времени начинаются достоверные известия о распространении его в соседних с Индией странах. Так, в это время положено было начало распространению его на острове Цейлон, в Кашмире, Ладаке, Хотане, Афганистане и в странах долины р. Оксуса (Аму-Дарьи). В I столетии по Р[ождеству] Хр[истову] буддизм проникает в Китай и в то же время, т. е. частью до Р[ождества] Хр[истова], частью после него, он распространяется в Ассаме, Непале, Бутане и на островах Великого океана, в IV столетии по Р[ождеству] Хр[истову] проникает в Корею, а в 331 году проповедники его являются в Тибет. В VI ст[олетии] по Р[ождеству] Хр[истову] обращается в буддизм Япония, а в XII и следующих веках он

* Страна племени Шакия, к которому принадлежал Будда, находилась между южной подошвой Гималаев и рекой Рапти; на востоке ее отделяла от страны Косалы река Рогини, которая впадает в Рапти неподалеку от города Горукупора. Развалины города Капилавасту видели китайские пилигримы, посетившие Индостан в V и VII стол[етиях] по Р[ождеству] Хр[истову], но до настоящего времени еще не найдены английскими археологами (прим. авторов).

проникает в Монголию, к джунгарам и бурятам. Только период времени с VII по X век несчастлив для буддизма. В это время, благодаря завоеваниям арабов, он теряет все свои западные провинции до границ Тибета и почти весь Индостан. Но и после этого общее количество последователей Будды почти в полтора раза больше последователей всех других религий, взятых вместе, и почти в три раза – последователей Христа.

1. Карта буддийского мира.

б) Типы народов, исповедующих буддизм

Буддизм исповедуют народы семи рас – арийской, малайской, китайской, монгольской и частью тунгусской и тюрко-татарской. К первым относятся обитатели Цейлона, частью Непала и тех частей Индостана, где буддизм не был вытеснен браминством и магометанством; ко вторым – обитатели Малайского полуострова, частью океанических островов и Индо-Китая; к третьим – сыны небесной империи, к четвертым – монгольские племена: монголы, буряты и калмыки; к пятым – жители Тибета и Бутана; к шестым – небольшая часть манчжуров и других тунгусских племен к югу от Амура и почти все манчжуры, живущие в Китае; к седьмым – сойоты, или урянхайцы, живущие в верховьях Енисея по р. Улухем, Бейхем, Ха-хем и Кемчик, и егуры – в хребте Нань-шань между китайскими городами Сучжоу и Ганьчжоу. В распоряжении музея имеются фотографии, главным образом, монгольских племен, немного фотографий тибетцев и одна фотография егура.

Буряты:

2. Хамба-лама Гусиноозерского дацана Данпил Гомбоевич Гомбоев¹. Фотогр[афия].
3. Геген Шаме Шянба, ширетуй дацана и его толмач. Фотогр[афия].
4. Ширетуй Агинского дацана Чжигмын Тугултуров. На груди бурханэ-гу, на правом боку – чаври, в левой руке четки. Фотогр[афия].
5. Ширетуй и ламы. Фотогр[афия].
6. Ламы-студенты. Фотогр[афия].
7. Группа бурят Забайкал[ьской] области в праздничных костюмах. Фотогр[афия].

8. Агинский тайша Зориктуев. Фотогр[афия].
9. Бурят и бурятка из окрестностей Селенгинска. Фотогр[афия].
10. Бурят и бурятка Забайкал[ьской] обл[асти]. Фотогр[афия].
11. Г[оспо]жа Тарахаева. Фотогр[афия] г[осподина] Чарушина².
12. Женщина бурятка. Фотогр[афия].
13. Бурятская девушка. Фотогр[афия].

Северные монголы (халха):

14. Ургинский лама Габчебужуй в шапке шасэр. Фотогр[афия].
15. Монгольская княгиня, жена князя Дайчин-вана. Фотогр[афия].

Южные монголы:

** En face – анфас,
лицом к смотрящему.*

16. Лама Ратна-вала, уроженец Ордоса (en face* и в профиль). Фотогр[афии] г[осподина] Скасси³.
17. Лама Гэндун, уроженец хошуна Кэшиктен. Фотогр[афия] г[осподина] Скасси.

Олеты:

18. Ламы-гелюнги Хобдосского округа (в северо-зап[адной] Монголии). Фотогр[афия] г[осподина] Ефремова⁴.
19. Сарисын, хурчи (скрипач). Фотогр[афия] г[осподина] Адрианова.

Широнгол-монголы:

20. Лама Сэрэн, уроженец Саньчуани (en face, в профиль и во весь рост). Фотогр[афии] г[осподина] Скасси.
21. Тандыр из Саньчуани (en face и в профиль). Фотогр[афии] г[осподина] Скасси.
22. Сантан-джимба из Саньчуани. Фототипия с фотогр[афии] г[осподина] Скасси.
23. Хоян из Саньчуани (en face и в профиль). Фотогр[афии] г[осподина] Скасси.

Тангуты:

24. Лабранский геген Чжаян-Чжаппасэн: 1) окруженный 4 товарищами; 2) поясной портрет; 3) в рост, сидящий в креслах. Фототипия с фотогр[афий] г[осподина] Скасси.
25. Геген Сэдэн из Саньчуани. Фотогр[афия] г[осподина] Скасси.
26. Лама с Желтой реки (en face и в профиль). Фотогр[афии] г[осподина] Скасси.

27. Иринто из Саньчуани. Фотогр[афия] г[осподина] Скасси.
28. Итарчи из Саньчуани (en face и в профиль). Фотографии г[осподина] Чарушина.

Егуры:

29. Лубсын, лама, шира-егур из округа Ганьчжеу (en face и в профиль). Фотогр[фии] г[осподина] Чарушина.

с) Планы и виды буддийских монастырей и храмов

Буддийские монастыри делятся на три группы: хуре (хурень), суме и хиты. Хуре называются те монастыри, при которых монахи живут постоянно и которые потому представляют собой не одни кумирни, но заключают в своих стенах и кельи монахов. Суме называются те монастыри, при которых монахи не живут постоянно, а собираются к ним только в праздники и дни великих богослужений. Наконец, хиты – это те монастыри, которые служат местопребыванием монахов-отшельников.

Все буддийские монастыри устраиваются по одному общему плану, различаясь лишь в частностях. В общем представляют [квадрат], разделенный на три части, или двора. Первый двор занимает храм, второй – кельи высших лам, третий – низших.

Самые замечательные у северных буддистов, т. е. буддистов Китая, Тибета, Монголии и пр., монастыри следующие: а) в Тибете: Рагсренг, основанный Бром-стоном, или Бром-дакши (род[ился] в 1002 году по Р[ождеству] Хр[истову]), учеником Джу-Адиши, на с[еверо]-з[ападе] от Лассы, на реке Мутик; Саскья, в провинции Цзан, на расстоянии дневного пути от Шискордзе, настоятель которого при китайской династии Мин получил титул Банчен-римбоче, хотя теперь и живет не в нем, а в монастыре Даши-Лумбо и представляет собой воплощение Будды Амитабы; Даши-лумбо, построенный Гедун-дурба, одним из последователей Зункабы. Но главное средоточие буддийских тибетских монастырей представляют окрестности г. Лассы*: здесь находится монастырь Потала, местопребывание Далай-ламы, воплощения Хоншим бодисатвы или Арьябало,

** Так в тексте,
совр. – Лхаса.*

построен шестым Далай-ламой Наван Лобзаном (1643–1650); Галдан, построенный реформатором Зункабой (1358–1419); Бригун, на расстоянии четырехдневного пути от Лассы, на левом берегу р. Дзанг-чу; Сера, замечательный численностью своих обитателей. б) В провинции Амдо монастыри: Гумбум, Лабран, Шячун Чэйбдзэн. с) В Китае особенным уважением пользуются монастыри горы Утайшань, в китайской провинции Шань-си (арена земной жизни Вэньшу-пусы, или Манджушри), Омитошань в провинции Сычуан (арена Пусян-пусы, или Самантабадры) и остров Путо против порта Нин-по (арена Гуаньин-пусы, или Авалокитешвары). d) В Монголии самый большой и уважаемый монастырь – Урга, начавший возвышаться с того времени, как в нем поселился богдо-геген или хутукту северной Монголии Лубсан-дамба (с 1650 г.), и теперь представляющий собою целый город; Эрдени-цзу на Орхоне, самый древний из монгольских монастырей, построенный ханом Абатаем около 1597 г. по Р[ождеству] X[ристову]; Амур-байсыхылын с усыпальницей Ундур-гегена (1-го ургинск[ого] богдо-гегена), Бревен хит, Барун хуре и др. е) У бурят наибольшим значением пользуется Гусинозерский дацан.

Что касается храмов, то они бывают четырех архитектурных типов: индийского, тибетского, китайского и смешанного. Храмы тибетского типа представляют обыкновенно ровный четырехугольный сруб, выкрашенный белой краской. Крыша их состоит из пучков самшитового дерева. Выше ее продолжают на один аршин и больше стены, так что самшитовые балки выдаются из последних и образуют род черного бордюра. Храмы китайского типа тоже [в плане квадратные], но с крышей на два ската, причем углы крыши и навесов загибаются вверх и оканчиваются лепными изображениями драконов. На лицевой стороне здания устраивается еще навес, поддерживаемый колоннами, между которыми укрепляются решетки. Что касается смешанного типа, то храмы этого рода представляют не только смешение катаяского и тибетского типов, но усваивают даже черты христианских храмов, причем иногда теряется основной план храма, так что вместо [квадрата] он получает форму креста.

Внутри храмы все одинаковы. Обыкновенно это одна комната без всяких перегородок. Если комната слишком велика, то она делится на несколько отделений колоннами. Против дверей на противоположной входу стене развешиваются священные изображения, а по середине ее стоит бурханин шире, т. е. возвышение, на котором ставятся священные статуи. Перед ним – тахилин шире, т. е. жертвенный стол, на котором расставляются священные принадлежности храма, а параллельно боковым стенам располагаются в два ряда седалища* лам.

30. Вид Лассы, резиденции Далай-ламы (с рисунка Грубера**, помещенного в Кирхеровой China illustrata***).

31. Вид города Лассы и Поталы, дворца Далай-ламы. Фотогр[афия] переснимок г[осподина] Чарушина с китайск[ой] картины. № 863.

32. Вид храма в монастыре Даши-лумбо (из книги Markham «Tibet»****).

33. Монастырь Гумбум с севера. Фотогр[афия] г[осподина] Скасси. Гумбум находится в тибетской провинции Амдо к в[остоку] от оз[ера] Хухунор, в 20 вер[стах] к ю[гу] от города Синина. В нем до 2000 лам и до пяти больших храмов, которые вытянулись вдоль левого края глубокого оврага. Гумбум построен на том месте, где родился основатель желтого буддизма Зункаба. Здесь указывают дерево, которое выросло на месте, где он явился на свет. Оно находится во дворе небольшого храма с китайской крышей, который на фотографии виден на переднем плане.

34. Тот же монастырь с юга. Фотогр[афия] г[осподина] Скасси.

35. Кадан-сюме, буддийская обитель в долине Желтой реки, в земле широнголов. Храмы и кельи расположены на уступах конгломератовой скалы. Фотогр[афия] г[осподина] Скасси.

36. То же. Фотогр[афия] г[осподина] Скасси.

Виды Утая:

Утайшанем называется высокий хребет к ю[го]-[западу] от Пекина. Внутри его находится одна из трех важнейших

* Так в тексте, правильно – сиденья.

** Иезуит Grueber посетил Лассу в 1661 г. (прим. авторов).

*** Имеется в виду иллюстрированное описание Китайской империи немецкого ученого, монаха ордена иезуитов А. Кирхера, известное как «China Illustrata» (Амстердам, 1667).

**** Возможно, имеется в виду книга английского исследователя и путешественника К.Р. Маркэма (C.R. Markham) (1830–1916).

местностей в Китае, священных для буддиста. Здесь насчитывается 28 обителей. Главная группа находится на дне долины, проходящей вдоль северной подошвы горы Пейтай. Здесь на одном холме помещается 5 обителей, из которых замечательны Пофудян, занимающая вершину холма, и Шиньтун-сы, лежащая ниже ее с южной стороны. У южной подошвы холма возвышается Белая башня, Пай-тха-сы. Утай считается местом, где жил и учитель Манджушри (по-китайски – Вэнь-шу-пу-са).

37. Общий вид на долину Утай. Фотогр[афия] г[осподина] Скасси.

38. Кумирня Лоу-хуа-сы и башня Пай-тха-сы (Белая башня). Фотогр[афия] г[осподина] Скасси.

39. Шин-тун-сы (Медная кумирня); названа так потому, что все ее стены, крыша и ступени, а также внутри нее все статуи и утварь сделаны из меди. Фотогр[афия] г[осподина] Скасси.

40. Картина, изображающая буддийские монастыри в горах Утайшаня и их окрестности. Китайской работы, приобретена в Утае. № 723.

41. Вид гор Утайшаня с буддийскими монастырями. Фотогр[афия], переснимок г[осподина] Чарушина с китайской картины. № 863.

42. Китайская кумирня у ворот Ян-мынь-гуань Фототипия и фотогр[афия] г[осподина] Скасси.

43. Китайская кумирня в честь Гуан-лао-е (Гуан-ди) в дер[евне] Ничжа. Фотогр[афия] г[осподина] Скасси.

44. Вид священнои местности Цзю-хуа-шань («Гора девять цветков»), усеянной буддийскими монастырями и храмами; Цзюхуашань находится в провинции Аньхой на Голубой реке близ города Цин-ян. Здесь действовал буддийский святой Тицзан-ван-пуса. Китайская картина на веере; золотой рисунок по черному фону. Пожертв[ована] г[осподином] Мяо, чиновником китайского министерства финансов.

Виды Урги и ее окрестных монастырей:

Урга – полумонгольский, полукитайский город в 3 вер[стах] к ю[гу] от Кяхты; в нем считается до 30000 жителей. Он состоит из 2 больших монгольск[их] монастырей, в которых считается 10000 монахов, и двух торговых слобод,

населенных китайцами. Город служит резиденцией самого важного в политическом отношении гегена Монголии, известного у монголов под именем богдо-гегена; кроме того, здесь находится управление восточной Монголией, во главе которого стоят два амбаня – один манджур, другой монгольский князь. Один из монастырей называется большим, Ихэ-хуре, другой назыв[ается] Гандан. Монахи Урги разделяются на 28 общин (аймаков).

45. Общий вид на главный курен в Урге. Фотог[рафия] г[осподина] Чарушина.

46. Общий вид монастыря Гандан с северо-востока. Фотог[рафия] г[осподина] Чарушина.

47. Шира ордо, зимний дворец богдо-гегена в Урге с юго-востока. Фотог[рафия] г[осподина] Чарушина.

48. То же с юго-запада.

49. Ямпай, почетные ворота, построенные в Урге императором в честь нынешнего гегена. Фотог[рафия] г[осподина] Чарушина.

50. Общий вид Голын суме, т. е. летнего дворца богдо-гегена, с северо-востока. Фотог[рафия] г[осподина] Чарушина.

51. Вид его же с юго-запада. Фотог[рафия] г[осподина] Чарушина.

52. Цзокчин – дуган, главный храм для отправления богослужения. Фотог[рафия] г[осподина] Чарушина.

53. Кумирня со статуей Майтрея с юга. Фотог[рафия] г[осподина] Чарушина.

54. Она же с запада. Фотог[рафия] г[осподина] Чарушина.

55. Кумирня, построенная первым богдо-гегеном. Фотог[рафия] г[осподина] Чарушина.

56. Мамба-суме, кумирня врачей. Фотог[рафия] г[осподина] Чарушина.

57. Сангай-суме, кумирня аймака Сангай. Фотог[рафия] г[осподина] Чарушина.

58. Усыпальницы 5-го и 7-го гегенов в монастыре Гандан. Фотог[рафия] г[осподина] Чарушина.

59. Дом хамба-ламы в Урге. Фотог[рафия] г[осподина] Чарушина.

60. Сангай, казнохранилище богдо-гегена. Фотог[рафия] г[осподина] Чарушина.

61. Манджи-того, монастырские котлы для варения чая. Фотогр[афия] г[осподина] Чарушина.
62. Общий вид ургинского базара. Фотогр[афия] г[осподина] Чарушина.
63. Бухэки, подвижные базарные балаганы в Урге. Фотогр[афия] г[осподина] Чарушина.
64. Вид на р. Толу и Хан-олу (Святую гору) близ Урги. Фотогр[афия] г[осподина] Чарушина.
65. Общий вид монастыря Таши-чонкур (в 8 верстах от Урги) с юга. Фотогр[афия] г[осподина] Чарушина.
66. Монастырь Таши-чонкур, центральная группа кумирен. Фотогр[афия] г[осподина] Чарушина.
67. Монастырь Дамба-дорчжи (в 6 верст[ах] от Урги) с юго-востока. Фотогр[афия] г[осподина] Чарушина.
68. Монастырь Дамба-дорчжи (в 6 вер[стах] от Урги) с северо-запада. Фотогр[афия] г[осподина] Чарушина.
69. Монастырь Шатдублин (в 10 вер[стах] от Урги). Фотогр[афия] г[осподина] Чарушина.
70. Онинский дацан в Хоринской степной думе. Фотогр[афия] г[осподина] Динесса.
71. Кыренский дацан в 7 вер[стах] от селения Шинки. Фотогр[афия] на жести г[осподина] Туманова⁵.
72. Модель Гусиноозерского дацана тибетск[ой] архитектуры. Пожертв[ована] хамба-ламой Данп[илом] Гомб[оевичем] Гомбоевым. № 975.
73. Хорло, колесо между двумя животными боди (бодигуресун). Длина основания фигуры 70 см; диам[етр] колеса 25 см. Пожертв[овано] Ирдыни Вамбоцереновым. № 994.
74. То же самое. Диам[етр] колеса 9 см. Пожерт[вовано] Юмж. Лумб. Лумбуновым.
75. План большого монастыря (из книги г[осподина] Позднеева).
76. План малого монастыря.
77. План Урги (Богдо-хуре).

д) Религиозные буддийские сооружения

Таковыми после храмов являются субурганы и обо. Под именем субурганов разумеются большею частью

пирамидальные и колоннообразные сооружения различной величины, начиная с громадных башен, какова, напр[имер], фарфоровая башня в Нанкине, и кончая небольшими пирамидками, поставляемыми на бурханин шире или на обо. Происхождение их относится к глубокой древности и стоит в связи с началом почитания буддистами останков Будды и буддийских святых. Дело в том, что первоначально субурганы служили раками для их останков. Потом начали строиться только в память их, большей частью на местах, прославленных каким-либо событием из жизни первого или последних. В настоящее время они потеряли и это значение и чествуются наравне со священными изображениями и статуями. Субурганы, на санскр[ите] чайтия, по-тибетски чортэн, по-китайски тха, состоят из 3 частей: пьедестала, средней расширенной части, называемой бумба, и шпица. Китайские тха имеют вид семиэтажных башен.

Под именем обо обыкновенно разумеются кучи камней различной величины, которые воздвигаются то на горных перевалах, то на холмах, то на местах пребывания каких-либо духов. Появление чествования обо в буддизме объяснить не трудно – это остаток шаманства. Но труднее сказать, каким образом появилось это почитание в шаманстве. Можно предполагать или [согласиться] с Дюлором* (Hist. abregée des cultes), что поклонение сначала отдельным камням, потом целым кучам их возникло из того уважения, которое дикари оказывают пограничным камням, или же это один из видов фетишистического обоготворения природы.

** Dulaure J.A. Histoire
abrégée des différents cultes.
Paris, 1825.*

78. Субурганы, или башни, на северной околице монастыря Гандан в Урге. Фотогр[афия] г[осподина] Чарушина.

79. Деревянная модель субургана (башни), выставленная в храмах наряду с бурханами. Общая высота 40 см; выс[ота] пьедестала – 16; выс[ота] бумбы – 8; шпиц – 16 см. Пожертв[ована] Ирдыни Вамбоцэрэновым. № 855.

80. Глиняная модель субургана в виде четырехгранной пирамиды. Вершина увенчана куполом, помещающимся на 4-угольной площадке; поверхность купола украшена рельефным изображением 8 субурганов. Выставляется у больших

субурганов и на обо. Высота 7,0 см; бок основания 11,5 см. Доставлена Птицыным. № 799.

81. То же. Доставлена г[осподином] Птицыным.

82. У-тха-сы (тыбын субурганов), пятибашенный монастырь в городе Гуй-хуа-чене. Фототипия с фотогр[афии] г[осподина] Скасси.

* Под именем ступ известны остатки древних буддийских субурганов, находимые в северной Индии, где буддизма более не существует (прим. авторов).

83. Древнеиндийская ступа* (из книги К. Риттера «Die Stupa,s». Berlin, 1838).

84. Маковка к модели субургана, представляющая луну, солнце и огонь. Длина 13 см. Дост[авлена] г[осподином] Птицыным. № 895.

85. Модель Мигуйского дацана, вырезанная из куска дерева. Сильно выветрела. Вероятно, была выставлена на обо. Дост[авлена] г[оспожой]

Дубровой. № 261.

86. Модель обо.

ОТДЕЛ II СВЯЩЕННЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ И СТАТУИ

а) Бурханы аморлинхой

Все буддийские священные изображения и статуи, а вместе с ними и те существа, которых они изображают, делятся на два разряда: аморлинхой бурхан и докшиты. Первые – существа добрые, и в них буддисты воплощают все, что, по их воззрениям, есть самого лучшего. Они изображаются с вечно спокойными и улыбающимися лицами, левая рука у них обыкновенно представляется благословляющей, правая – держащей какую-либо принадлежность буддийского культа или опущенной вниз. Тело их наполовину обнажено и покрывается только широким и длинным платом, который накидывается на левое плечо, спускается вниз и плотно обхватывает нижнюю часть туловища ниже груди. Они изображаются обыкновенно в состоянии созерцания: на лице их нет никакого выражения, потому что они бесстрастны; глаза полузакрыты, ноги поджаты и скрещены впереди туловища. Седалищем их большей частью служит священный

«львиный трон». Бурханы аморлинхой делятся на три вида: а) будды и бодисатвы, б) добрые духи или тенгрии и с) окруженные ореолом величия исторические лица, вступившие в покой нирваны; среди них первое место занимают 1000 будд-мироправителей, каждый из коих будет управлять миром в продолжение одного мирового периода. Все они изображаются одинаково и с совершенно одинаковыми лицами. Исключение составляют только Майтрея, или Майдари, который изображается с венцом на голове, Манджушири, который изображается с венцом на голове и мечом в руках, и Очирвани, изображаемый синим. За тысячей будд-мироправителей следует будда Абида, или Амитаба, по одним известиям, эманация Шакьямуни, после того как он вступил в нирвану, по другим – верховный Будда и творец мира, и четыре бога Венца, его помощники и советники: Амога-сиди, Бирюзана, Очир-сатва и Ратна-самбава. Далее следуют проявления, или эманации, Амитабы: Вачжра-дара (его внутренняя сущность) и Вачжра-сатва (его внешнее проявление, которое называется Арьябало, или Хоншим бодисатва).

Будда Шакьямуни:

Шакьямуни – основатель буддизма; имя это значит «мудрец из рода шакиев»; он был сыном Суддо-даны, царя шакиев, живших при южной подошве Гималаев: мать его называлась Майя. Легендарная биография будды Шакьямуни содержится в книге Лалита-Вистара, распространенной среди северных буддистов в Тибете, Китае и Непале. Французский санскритист Елим Сенар легенду о Шакьямуни принимает за миф о солнце, но Ольденберг⁶ оспаривает это мнение и считает будду Шакьямуни и предания о нем, за исключением явно баснословных преувеличений, за историческую истину.

Статуи:

87. Шакьямуни. Бронзовая статуэтка. Высота 13 ст*.

88. Шакьямуни. Бронзовая статуэтка. Высота 10 см.

89. Шакьямуни. Бронзовая статуэтка. Высота 14 см.

90. Шакьямуни. Медная кованая статуэтка. Высота 18,5 см. Пожертв[ование] И.К. Педашенко⁷. № 464.

** Так в тексте;
устаревшее сокращение
слова сантиметр
в дальнейшем
исправлено на см.*

91. Шакьямуни. Бронзовая статуэтка. Высота 22 см.
92. Шакьямуни. Бронзовая статуэтка. Правая рука благословляет, в левой лежит продолговатое тело. Высота 18,7 см.
93. Шакьямуни. Бронзовая статуэтка. Фигура, сидящая с подогнутыми ногами; перед нею вачир. Высота 11,2 см. Пожертв[ована] г[осподином] Пандером⁸. № 902.
94. Шакьямуни. Бронзовая раскрашенная статуэтка. Фигура стоящая; в левой руке чаша для принятия милости-ни (бадир-аига), на груди крест-свастика Высота 20,7 см. Пожертв[ована] В.В. Птицыным⁹. № 870.
95. Шакьямуни. Кованая медная статуэтка. Фигура сидящая. Собств[енность] графа А.П. Игнатьева¹⁰.
96. Шакьямуни. Бронзовая статуэтка. Фигура сидящая. Собств[енность] В.И. Вагина¹¹.
97. Шакьямуни. Фигура сидящая; в руке вачир. Кованая медн[ая] статуэтка. Собств[енность] г[осподина] Приклонского¹².
98. Шакьямуни. Кованая медная статуэтка. Собств[енность] г[осподина] Приклонского.
99. Шакьямуни. Бронзовая статуэтка. Собств[енность] г[осподина] Комарова.
100. Шакьямуни. Сидящая фигура с чашей для милости-ни (бадир-аига). Медная кованая статуэтка. Высота 30,8 см. Пожертв[ована] А.Д. Старцевым¹³.
101. Шакьямуни. Статуэтка. Из музея духов[ной] семин[арии].
102. Шакьямуни. Картонная позолоченная статуэтка. Высота 7,4 см.
103. Шакьямуни. Глиняная статуэтка. Высота 18,6 см. Доставл[ена] Птицыным.
104. Шакьямуни. Глиняная статуэтка. Освящена и завернута в шелковую ризу. Высота 14 см. Пожертв[ована]. А.И. Воробьевым¹⁴. № 970.
105. То же. Пожертв[овано] тем же лицом. № 970.

Медальоны:

106. Шакьямуни. Глиняный раскрашенный медальон. Высота 9,8 см, ширина 7,1 см.
107. Шакьямуни. Глиняный позолоченный медальон ургинской работы. Выс[ота] 6,3 см, шир[ина] 4,7 см. Приобретен для отдела г[осподином] Потаниным. № 969.

Картины:

108. Шакьямуни. Картина: кругом центральной фигуры 16 «найданов», т. е. проповедников; вверху Вачжрадара, внизу 4 царя Махарандза. Пожертв[ована] хамба-ламой Д.Г. Гомбоевым. № 886.

109. Шакьямуни. Картина на холсте: центральная фигура Шакьямуни окружена 34 фигурами меньшей величины. № 529.

110. Шакьямуни. Картина на холсте. № 529.

111. Шакьямуни. Образок на холсте в жестяном футляре (бурханэ-гу). Из музея духовн[ой] семин[арии].

112. Шакьямуни. Картина на холсте, ветхая. № 1027.

113. Картина, изображающая Будду, окруженного ламами, дара-экэ и птицами. Пожертв[ована] Н.И. Гомбоевым¹⁵.

Будда Майтрея:

Майтрея, по монгольскому произношению Майдари, по-тибетски Шянба, – будущий правитель мира, один из тысячи будд-мироправителей. Царство его начнется в следующий мировой порядок, непосредственно после Шакьямуни. Часто изображается сидящим на стуле по-европейски. Ему нередко посвящаются особые кумирни, и статуи его отличаются особенной колоссальностью. Медная статуя Майтреи в Урге имеет около 5 саженей высоты. Ежегодно в буддийских монастырях совершаются процессии с небольшой статуей Майтреи; они называются «круговращением Майтреи».

114. Майтрея. Статуэтка. Из музея духовн[ой] семин[арии].

115. Майтрея, изображение на материи. Из музея дух[овной] семин[арии].

116. Майтрея, изображение на [ткани]. Из музея дух[овной] семин[арии].

117. Майтрея, изобр[ажение] на холсте. Из музея духовн[ой] семин[арии].

118. Статуя Майдари (по-тангутски Шянба), иссеченная в скале у будд[ийского] монастыря Пилин-сы (по-тибетски Шянба бумлын). Статуя имеет около 8 саж[еней] высоты. Фотогр[афия] г[осподина] Скасси.

Будда Манджушри:

Манджушри (по монгольск[ому] произношению Ман-джушри) – один из числа 1000 будд-мироправителей. Он покровитель наук и искусств, живет на горе Утайшань.

119. Манджушри. Глиняный медальон для ношения на груди. Высота 3,3 см. Пожертв[ован] г[оспо]жой Хансд. Дандж. Лумбуновой. № 883.

120. Манджушри. Изображение на холсте. Пожертв[овано] Юмж. Л. Лумбуновым¹⁶. № 883.

Очирвани:

Очирвани считается последним из будд-мироправителей. В его время жизнь людей будет продолжаться 10 лет, а животные уменьшатся в несколько раз. Изображается в докшитской (пляшущей) позе, со звериной головой с огненными волосами. В правой приподнятой руке – вачир, в левой – шнурок. Бедра покрыты тигровой шкурой.

121. Очирвани. Бронзовая статуэтка.

122. Очирвани. Икона на холсте. Центральная фигура Очирвани; у верхнего края картины Богдо-Зункаба с двумя учениками по сторонам: Джалцаб-богдо и Хайдаб-богдо; внизу картины Долгар, или Ногон-дара-экэ, и Долма, или Цаган-дара-экэ, и между ними Чагдор. Пожертв[ована] хамба-ламой Данпилом Г. Гомбоевым. № 879.

Будда Амитаба:

Амитаба (по-монгольски также Абида-бурхан, по-китайски – Амитофо) изображается в виде сидящей фигуры со сложенными руками на коленях. Перерожденец Банчен-эрдени, резиденция которого находится в южном Тибете в монастыре Даши-лумбо, считается воплощением будды Амитабы.

123. Абида. Бронзовая статуэтка. Высота 10 см.

124. Абида. Бронзовая статуэтка. Собств[енность] О.О. Краузе.

125. Китайская статуэтка, изображающая Амитофо. Высота 13,9 см. Пожертв[ована] г[осподином] Пандером. № 902.

126. Абида. Бронзов[ая] статуэтка. Собств[енность] г[оспо]дина] Приклонского.

127. Абида. Бронзовая статуэтка. Фигура сидит на престоле. Высота 17,6 см.

128. Абида. Глиняный медальон. Доставл[ен] г[осподином] Птицыным.

129. Абида. Изображение на холсте. Пожертв[овано] Цыбыхом Вандан. Джедамбаевым. № 884.

130. Абида. Картина на [ткани]. С правой стороны Абиды изображена Ногон-дара-экэ, с левой – Цаган-дара-экэ; сзади Абиды – кумирня. У верхнего края рамы картины 9 фигур будд; средняя – с милостынной чашей, остальные с лампами; ниже еще ряд из 6 фигур и еще ниже 4 фигуры. У нижнего края рамы процессия со слоном, встречаемая жертвоприношениями и музыкой. Пожерт[вована] Н.И. Гомбоевым.

131. Икона пяти богов «Венца», по-монгол[ьски] Табун-хан. На ней представлено 5 фигур; центральная крупная фигура сидит на льве, над его головой изображено божество Тадмин; под ногами главной фигуры балин. Пожерт[вована] А.И. Воробьевым. № 999.

Арья-бало:

Арья-бало есть страж веры, раздаватель средств спасения; его призывают чаще всего в несчастиях и горе; он есть заместитель ушедшего в нирвану Будды-Шакьямуни и считается покровителем Тибета. Южным буддистам он не известен. На санскрит[е] он назыв[ается] Авалокитешвара, а также Падмапани; у монголов он известен под именем Арья-бало (Arya-pala), а также Хоншим-бодисатва, и реже под именем Нидубер-узюкчи, по-китайски – Гуань-ин-пуса, по-тибетски – Чэнрэзи. Далай-лама, глава ламаистского духовенства, считается воплощением Арья-бало. Гора, на которой построен дворец далай-ламы, называется По-та-ла (ла по-тиб[етски] гора), в память другой настоящей Поталы, где пребывает сам Арья-бало. Эта истинная Потала находится где-то на дальнем западном океане. Третья – есть остров Путо недалеко от города Нин-бо в китайск[ой] провинции Чжэцзян. Этот остров посвящен китайской богине Гуань-ин-пусе, которая китайцами отождествляется с Авалокитешварой, и застроен храмами в честь этой богини*. Арья-бало изображается различно: а) в виде стоящей фигуры: 1) с 8 руками, Чжучжигшяль-Арья-бало, 2) с 2 руками, Мегджид-Арья-бало,

* См. ниже
порядковый номер 199
(прим. авторов).

3) с тысячью руками, Чягдын-чжандон; б) в виде сидящей фигуры с подогнутыми ногами: 4) с 4 руками, Чакшиб Арья-бало, 5) с 6 руками и 3 головами, Тойншяб Арья-бало, 6) с 2 руками и с ногами, расположенными, как у Ногон-дара-экэ, – Ансон-гундыль-Арья-бало.

132. Арья-бало, сидящая фигура с 3 лицами и 8 руками. Двумя руками держит нацык-дорчжи, в других руках – статуэтку будды Абида, лук, стрелу и бумбу. Бронзовая статуэтка. Высота 35 см. Пожертв[ована] Д.А. Старцевым. № 1052.

133. Арья-бало, 8-рукая сидящая фигура. Бронзовая статуэтка. Высота 17 см.

134. Арья-бало, 8-рукая сидящая фигура. Бронзовая статуэтка. Собств[енность] В.Л. Приклонского.

135. Арья-бало, 8-рукая сидящая фигура. Глиняный медальон. Высота 9,5 см, ширина 7,6 см.

136. Арья-бало, статуэтка в киоте. Из музея духовн[ой] семин[арии].

137. Арья-бало, стоящая фигура с 8 руками (Чжучжи-гшял-Арья-бало). Медная статуэтка. Собств[енность] г[осподина] Птицына.

138. Арья-бало. Фотография с медной статуэтки. Достав[лена] г[осподином] Милевским¹⁷. № 900.

139. Глиняный позолоченный медальон, изображающий Арья-бало в стоящем положении (Чжучжигшял-Арья-бало). Сработан в Урге. Доставл[ен] г[осподином] Потаниным. № 969.

140. Арья-бало, икона на шелков[ой] ткани. Бог изображен в стоящем положении с 1000 рук; на каждой ладони глаз. Шесть передних рук держат цветок, лук со стрелой, лай-бумбу, четки и хорло. Под ногами этой центральной фигуры помещен бог Гонбо; с правой стороны от Гонбо – Цаган-дара-экэ, с левой – Ногон-дара-экэ. Пожертв[ована] Н.И. Гомбоевым.

141. Арья-бало, стоящая фигура с 8 руками и 11 головами. Икона на холсте пекинской работы. Собств[енность] г[осподина] Потанина.

142. Арья-бало, отпечатанная картина. Фигура стоящая; сзади ее субурган. Справа и слева – дара-экэ. Внизу Гонбо и Очирвани (?)*. Пожертв[ована] Н.И. Гомбоевым.

* Здесь и далее знак вопроса поставлен авторами каталога.

143. Арья-бало, изображение на [ткани]. Из музея духовн[ой] семин[арии].

Второй отдел бурханов аморлинхой составляют хорошие духи. Одни из них почитаются всеми буддистами, другие – только в некоторых из буддийских стран. К первому отделу относится Хормузда и четыре царя Махараджи, ко второму – все остальные.

Хормузда:

Этим именем называется могущественный дух покровитель земли, обитающий с 33 подчиненными ему духами на вершине мировой горы Сумэру. Задача его охранять последователей Будды и побеждать злых духов, враждебных ему.

144. Хормузда, изображение на холсте. Из музея духовн[ой] семин[арии].

Махараджи:

Этим именем (в монгольск[ом] произношении Махарандза) называются четыре могучих царя духов, обитающие по четырем сторонам мировой горы Сумэру. Как и Хормузда, они защитники буддистов и гроза злых духов. Они нередко изображаются на дверях храма с наружной стороны.

145. Четыре Махараджи. Из музея духовн[ой] семин[арии].

Духи, почитаемые монголами и бурятами:

146. Оточи, бог врачебного искусства. Собств[енность] В.В. Птицына.

147. Аюши. Бронзовая статуэтка. Высота 16,6 см. Пожертвована М.М. Козьминым. № 970.

148. Аюши. Бронзовая статуэтка. Собств[енность] В.Л. Приклонского.

149. Аюши. Статуэтка в бронзовом киоте, сделанном в виде сосуда бумбу. Высота 20,5 см. Пожертв[ована] Юмжапом Лумб. Лумбуновым, который получил это изображение в подарок от Ургинского богдо-гегена. № 873.

149а. Аюши. Золотой рисунок на черной лакированной бумаге; налево изображена Цаган дара-экз; направо – 8-рукий Арья-бало. Из музея духовн[ой] семин[арии].

Третий отдел бурханов амурлинхой составляют исторические лица, окруженные ореолом сверхчеловеческого величия. Сюда относятся, во-первых, все исторические личности, что-либо сделавшие на пользу буддизма, во-вторых, воплощения будд и бодисатв. Среди первых главное место принадлежит двум богиням: Цаган-дара-экэ и Ногон-дара-экэ и Зункабе; среди вторых – Далай-ламе, Банчен-римбоче и ургинскому богдо-гегену.

Цаган-дара-экэ:

По-монгольски Цаган-дара-экэ*, по-тибетски Джолма-гарву (у Шлагинтвейта** Dolkar). Книжная легенда отождествляет ее с дочерью непальского царя, которая, вышедши замуж за первого буддийского царя Тибета Сронг-дзан-хамбо, принесла с собой первые буддийские книги и статую Цзу. Монгольские и тибетские ее изображения стереотипны: она изображается в сидящем положении со скрещенными ногами; тело у нее белое; в левой руке ее цветок лотоса utpala (*Nelumbium speciosum*) на длинном стебле, правая опущена на колено. Народ смешивает ее с китайской богиней Гуань-ин-пусой. Китаец тибетскую статуэтку Джолма-гар называет Гуань-ин, монгол изображение китайской Гуаньин называет Цаган-дара-экэ. Единственное воплощение Цаган-дара-экэ существует среди олетского народа: живая богиня кочует со своей семьей близ устья р. Дзабхына в северо-западной Монголии. Монголы за воплощение Цаган-дара-экэ принимают также и русского царя (Цаган-хан).

* Цаган – белый
(прим. авторов).

** Скорее всего имеются в виду работы немецких исследователей-путешественников Германа, Адольфа, Эдуарда и Роберта Шлагинтвейтов, которые в 1855–1857 гг. проехали по Индии, проникли в Тибет, первыми из европейцев обследовали Каракорум и Куэнь-Лунь. По результатам экспедиции было издано несколько научных трудов.

150. Цаган-дара-экэ. Бронзовая статуэтка. Высота 16,3 см.

151. Цаган-дара-экэ. Бронзовая статуэтка. Высота 16,7 см.

152. Цаган-дара-экэ. Бронзовая статуэтка. Правая рука, держащая раковину, поднята вверх. Собств[енность] Л.А. Карпинского¹⁸.

153. Цаган-дара-экэ. Глиняный медальон. № 968.

154. Цаган-дара-экэ. Икона на холсте. № 529.

155. Цаган-дара-экэ. Икона на холсте. Пожертв[ована] Ирд[ыни] Вамбоицэрэновым¹⁹.

Ногон-дара-экэ:

По-монгольски Ногон-дара-экэ*, по-тибетски Джолманурму. Книжная легенда отождествляет ее со второй женой Сронг-дзан-хамбо, дочерью китайского императора. Легенда приписывает ей то же самое, что и Цаган-дара-экэ. (Полнейшая легенда об обеих дара-экэ содержится в книге Манигам-бум.) Она привезла в Тибет первые тибетские книги и статую Цзу. Изображается стереотипно, сходно с Цаган-дара-экэ; различие только в том, что тело у нее зеленое и правая нога не подогнута под себя, а выставлена вперед. Единственное воплощение ее находится так же, как и Цаган-дара-экэ, в олетском народе; живая Ногон-дара-экэ кочует в долине р. Хобдо, в 100 вер[стах] к с[еверо]-з[ападу] от города Хобдо.

* Ногон – зеленый
(прим. авторов).

156. Ногон-дара-экэ, статуэтка из бумаги, глины, тканей и др. веществ. Пожертв[ована] Д.Г. Гомбоевым.

157. Ногон-дара-экэ. Бронзовая статуэтка. Высота 16 см. Пожертв[ована] К.П. Михайловым²⁰. № 284.

158. Ногон-дара-экэ. Бронзовая статуэтка. Высота 14,5 см. Доставл[ена] г[осподином] Потаниным. № 736.

159. Ногон-дара-экэ (Вурчжан Лхамо), женск[ое] божество, дающее потомство. На левой руке сидит ребенок. Высота 19 см. Пожертв[овано] хамба-ламой Д.Г. Гомбоевым. № 871.

160. Ногон-дара-экэ. Миниатюрная бронзовая статуэтка; приобретена в монастыре Гумбум в Тибете. Собств[енность] г[осподина] Потанина.

161. Ногон-дара-экэ. Глиняный медальон. Высота 12,5 см. Пожертв[ован] М. Войничем²¹. № 1003.

162. Ногон-дара-экэ. Глиняный медальон; был покрыт позолотой. Высота 5,5 см. № 812.

163. Ногон-дара-экэ. Икона на холсте. Пожертв[ована] Ирд. Вамбоицэрэновым.

164. Ногон-дара-экэ. Икона на холсте. Пожертв[ована] Юм-жапом Л. Лумбуновым. № 882.

165. Буддийская икона, изображающая 21 дара-экэ; в центре крупная фигура изображает богиню Ногон-дара-экэ, «зеленую

дара-экэ». Ее тело зеленого цвета; кругом нее двадцать мелких фигур, изображающих также Ногон-дара-экэ, хотя тела этих фигур и окрашены в другие цвета: белый, желтый, красный и др. В них потому следует видеть Ногон-дара-экэ, что у всех них правая нога спущена с цветка падмы. Над головой центральной фигуры изображен бог Абида. По правую его сторону – солнце, по левую – луна. Пожертв[ована] А.И. Воробьевым. № 999.

Зункаба:

Зункаба, уроженец провинции Амдо (местность, где ныне монастырь Гумбум; см. № 33); родился в конце царствования монгольской династии в Китае около 1355 года и замечателен как реформатор буддизма в Тибете и основатель ламства* (желтой веры, ширашаджин).

* Так в тексте,
правильно – ламаизм.

Сущность его реформы состояла, с одной стороны, в возвращении к древнему учению буддизма и, с другой – в иерархическом устройстве ламаизма. Приверженцы его, так называемые «желто-шапочники», составляют господствующую секту в Тибете, Монголии и у бурят.

166. Зункаба. Статуэтка, сделанная из бумаги, глины, курительных свечей, тканей и др. материалов. На голову надет убор, назыв[аемый] баньчо. Пожертв[ована] хамба-ламой Д.Г. Гомбоевым. № 989.

167. Зункаба. Бронзовая статуэтка. Собственность Г.Н. Потанина.

168. Зункаба. Кованая медная статуэтка. Фигура с 2 цветками по бокам. На голове баньчо. Высота 21 см.

169. Зункаба. Глиняная раскрашенная статуэтка. Собств[енность] Л.А. Карпинского.

170. Зункаба. Картонная статуэтка. Высота 3,8 см. Пожертво[вана] Юмж. Л. Лумбуновым.

171. Зункаба. Икона на холсте. № 1027.

172. Зункаба, изображение на [ткани]. Из музея дух[овной] семин[арии].

Ундур-геген:

Под [этим] именем известен в народе первый ургинский геген, т. е. первое воплощение духа тибетского писателя

Даранаты, за которое признаются ургинские гегены, или ургинские хутухты. Он был сыном Тушету-хана и родился в 1636 году. Усыпальница его находится в монастыре Амур-бай-сыхылын, лежащем между Селенгой и Орхоном.

173. Бронзовая статуэтка, по одному показанию изображающая Ундур-гегена, по-другому – Баньчень-эрдени. В частной образной хамба-ламы в Урге находится 1000 этих статуэток, отлитых, очевидно, в той же самой форме; полкомнаты образной отгорожено стеклянной прегородкой, за которой статуэтки в одноформенных шелковых оболочках уставлены на полках, устроенных в виде прямолинейного амфитеатра. Статуэтки, изображающие Зункабу, тождественны с описанной. Высота 9,9 см. Пожертв[ована] А.И. Воробьевым. № 970.

174. Такая же статуэтка, без шелковой оболочки. Высота 9,9 см. Пожертв[ована] тем же лицом. № 970.

175. Ундур-геген. Глиняный медальон; приобретен в монастыре Амур-бай-сыхылын. Собств[енность] г[осподина] Потанина.

176. Ундур-геген. Икона на полотне. На ней изображены Ундур-геген (Джебцун-дамба), далай-лама, Банченимбо, Дымчок, Дуйнхор-Лханжи, Чжигчжит-шалженшагн, Шакшиба, Дорчжичул, Гонбо и Чойчжал-нангдуб. Пожертв[ована] В.В. Птицыным. № 885.

177. Ундур-геген. Икона на бумаге, рисована в Амур-бай-сыхылыне.

178. Одна из 16 фигур, известных под общим именем Найданжудук. Бронзовая статуэтка. Высота 9,8 см. Пожертв[ована] Юм. Л. Лумбуновым. № 979.

179. Хайдаб-богдо, последователь Зункабы. Бронзовая статуэтка. Высота 10,6 см. Пожертв[ована] г[осподином] Пандером. № 902.

180. Бурятские бурханы в Онинском дацане. Верхняя фигура: Дараната, воплощением которого считается ургинский богдо-геген. Левая крайняя и 3-я слева: один из 16 бурханов одного названия; 2-я слева Даженсен, владыка монголов с детьми, бог плодородия; 4-я – Янла-кжан, брат Даженсена. Фотогр[афия] Динесса²².

181. Бронзовая статуэтка, изображающая бодисатву Жанрай-сэк. Фигура в стоящем положении, бурятского литья. Высота 26,5 см. Пожертв[ована] В.В. Птицыным. № 871.

Неопределенные бурханы:

182. Неизвестный бурхан, представленный в виде ламы с обнаженной головой. Картонная статуэтка. Высота 41 см.

183. Статуэтка неизвестного бурхана с бумбой в руке. Два цветка по бокам. Голова обнаженная. Высота 16,0 см.

184. Статуэтка с 4 руками. Две передние руки сложены и сжимают между ладонями какую-то круглую вещь. В правой задней руке четки, в левой задней – цветок. Высота 22,0 см.

185. Бронзовая статуэтка. Фигура со скрещенными руками; в каждой руке цветок. Высота 17,0 см. Пожертв[ована] И.А. Евтюгиным. № 177.

186. Неизвестный бурхан. Левая рука упирается в землю, правая покоится на приподнятом колене. Бронзовая статуэтка. Высота 16,4 см.

187. Статуэтка неизвестного бурхана. Из музея духов[ной] семин[арии].

188. То же.

189. Деревянная бронзирова[нная] статуэтка неизвестного бурхана. Из музея духовн[ой] семин[арии].

190. Статуэтка неизвестного бурхана. Из музея духовн[ой] семин[арии].

191. Серебряное изображение бурхана, неизвестно какого. Длина 3,0 см. Пожертв[овано] И.П. Малковым. № 52.

Глиняные медальоны

с неопределенными изображениями:

Такие медальоны оттискиваются из глины и покрываются позолотой и красками. Они носят на груди в медных или серебряных коробках (бурханэ гу), а также выставляются на обо.

192. Глиняный медальон с 3 позолоченными фигурами на синем фоне. Высота 6,5 см. № 812.

193. Изображение трех фигур; позолоченный глиняный медальон.

194. Глиняный медальон с 3 изображенными фигурами; позолочен. Высота 9 см.

195. Глиняный медальон с изображением 10 одинаковых фигур. Высота 7,5 см. № 812.
196. Глиняный медальон с изображением 6 будд.
197. Глиняный медальон с изображением одной фигуры (будда).

Китайские божества:

Сюда внесены китайские и японские изображения духов как буддийского, так и не буддийского происхождения.

Гуань-ин-пуса:

Гуань-ин есть сокращенной Гуань-ши-ин, что есть буквальный перевод имени буддийского бодисатвы Авалоки-тешвары (пуса по-китайски бодисатва): смотрящий вниз, или внимающий земным стенаниям. Именем Гуань-ин-пуса китайцы, во-первых, называют все изображения монгольского Арья-бало (или тибетского Чэнрэзи, санскр[итского] Авалокитешвары), во-вторых, все ламаистские изображения дара-экэ (Цаган-дара-экэ и Ногон-дара-экэ; см. 156 и 158); в-третьих, изображения какого-то китайского божества женского пола. Последние, в отличие от ламаистских изображений дара-экэ, очень разнообразны. На картинах Гуань-ин-пуса изображается или стоящей на лотосе среди морских волн, или сидящей на морском берегу в тени бамбуковой рощи; перед нею на лотосе же или на листе, колеблемом волнами, стоит младенец. В других случаях она изображается среди моря с ребенком на руках. Во всех этих случаях по воздуху к ней направляется птица (голубь или аист), несущая в клюве четки. Бронзовые и фарфоровые статуэтки изображают ее или с ребенком на руках или без него. Бамбук на фарфоровых статуэтках вводится в виде рисунка из бамбуковых листьев на материи, из которой сшито одеяние богини. Легенды о Гуань-ин-пусе содержатся в книге Kwan-yin-king. Она была царская дочь, отец желал выдать ее замуж, но она хотела предаться молитве. Чтобы избежать преследований отца, она убежала в лес, где лев принял ее на свою спину и, чтобы спасти ее от погони, отнес на остров Путо, где теперь в честь нее построены многочисленные храмы. Ее родители, заболев какой-то неизлечимой болезнью и наслышавшись о чудотворной силе новоявленной богини, отправились к ней просить исцеления; милосердная богиня не остановилась

перед тем, что для этого ей пришлось пожертвовать своими руками, которые, впрочем, потом вновь прирастают к ее телу. Ей молятся женщины о даровании детей (как ламаисты Ногон-дара-экэ), а моряки просят ее помощи во время кораблекрушений. По мнению китайских буддистов, тибетский далай-лама есть воплощение Гуань-ин-пуса.

198. Гуань-ин-пуса. Фарфоровая статуэтка. Сделана в царствование Цзя-цинъ (1796 год). Пожертв[ована] А.Д. Старцевым.

199. Гуань-ин-пуса. Китайская деревянная статуэтка. Высота 30, 7 см. Пожертв[ована] г[осподином] Пандером. № 902.

200. Гуань-ин-пуса. Статуэтка из каменного мозга*; куплена в Пекине. Пожертв[ована] г[осподином] Потаниным.

* Народное название каолинита, глинистого минерала, который добывался в Китае и использовался для изготовления фарфора.

201. Гуань-ин-пуса с ребенком на левой руке и с цветком в правой. Изображена стоящей на лотосе среди морских волн. Картина на шелковой [ткани] пекинской работы.

Пожертв[ована] г[осподином] Потаниным.

202. Гуань-ин-пуса. Картина; вверху слева охранитель, справа – голубь с четками; внизу – мальчик, слева – молодая женщина с сосудом. Пожертв[ована] М.В. Загоскиным. № 810.

203. Гуань-ин-пуса. Картина на шелковой [ткани]. Богиня сидит на лотосе, поднявшемся среди морских волн. Перед нею слева на лотосе же молодая женщина с вазой в руках, справа также на лотосе младенец. В левом верхнем углу – воин-охранитель, в правом верхнем – голубь, несущий четки в клюве. Гуань-ин-пуса держит обеими руками чашу. Пожертв[ована] А.А. Белоголовым.

204. Гуань-ин-пуса. Китайская картина на шелковой [ткани]. Фигура в стоящем положении с 90 руками и 13 головами; в руках ее множество орудий и предметов, между прочим огненное колесо, цветы и жезл, из которого сыплются огни на морское чудовище. Перед фигурой на морских волнах – младенец. Пожертв[ована] г[осподином] Потаниным.

205. Гуань-ин-пуса. Картина на бумаге. № 565.

206. Гуань-ин-пуса на льве; под нею Цаган-дара-экэ и Ногон-дара-экэ. Икона на холсте; рисована в Утае. Пожертв[ована] г[осподином] Потаниным.

207. Китайское женское божество Сун-цзи-нянь-нянь; почитается бездетными. Медная статуэтка. Высота 12,5 см. Пожертв[ована] г[осподином] Пандером. № 902.

208. Китайская бронзовая статуэтка, изображающая Будду-младенца. (Шан-цэ-тун-цзи). Младенец изображен нагим; только живот его прикрыт набрюшником (по-китайски Тоу-ду), который обыкновенно носят китайские дети. Левая рука показывает вверх. Высота 19,0 см. Пожертв[ована] г[осподином] Пандером из Китая. № 902.

209. Ученик Абиды. Бронзовая статуэтка. Высота 22,5 см. Пожертв[ована] г[осподином] Пандером. № 902.

210. Мила-фо (по-китайски), или Хачин-хан (по-монгол[ьски]), какое-то мифическое существо, которое во всех рождениях Будды первым встречало его на земле. Статуэтка. Высота 24 см. Пожертв[ована] г[осподином] Пандером. № 902.

211. Да-оу-цзы-ми-то-фо, «будда Ми-то (Амитаба) с большим животом». Фарфоровая статуэтка. Собств[енность] Л.А. Карпинского.

212. Раковина жемчужницы с подложенными в нее рельефными изображениями, на которых животное отложило слой перламутра. Получена с острова Пуа, родины Гуань-ин-пусы. Рельефы принимаются за чудотворные произведения божества. Пожертв[ована] А.Д. Старцевым.

213. Лао-дао (Лао-цзы), возвеститель китайского учения дао и основатель секты даосцев. Пожертв[овано] г[осподином] Пандером. № 902.

214. Ян-гуань-нянь-нянь, женское божество, исцелительница глазных болезней. Медная статуэтка. Высота 29,8 см. Пожертв[ована] г[осподином] Пандером. № 902.

215. Гуань-лао-е, или Гуань-ди, военный гений Китайской империи. О нем много рассказывается в книге Саньго-чжи, т. е. в истории троецарствия. Гуань-ди, или Гуань-ин, был сподвижником царя Ли-бея; могилу Гуань-ди указывают в Чен-ту-фу, столице провинции Сы-чуан. Монголы отождествляют его со своим Гэсэр-ханом. Китайцы молятся Гуан-ди о даровании побед. Бронзовая статуэтка. Высота 35,5 см. Пожертв[ована] г[осподином] Пандером. № 902.

216. Цай-шень, бог богатства. Медная раскрашенная статуэтка. В левой руке держит слиток серебра (ян-бу). Высота 29,6 см. Пожертв[ована] г[осподином] Пандером. № 902.
217. Неизвестная фигура. Статуэтка из каменного мозга. Найдена в Иркутске на земле. Пожертв[ована] И.А. Орловым.
218. Бронзовая статуэтка, изображающая китайского буддийс[кого] монаха (хэ-шан). Пожертв[ована] А.Д. Старцевым.
219. Металлическая китайская статуэтка неизвестного божества. Пожертв[ована] А.Д. Старцевым.
220. Японский истуканчик в лакированном киоте.
221. Японское изображение бога в ореоле, стоящего на четвероножке. Медная статуэтка. Высота 7,5 см.

б) Бурханы докшиты

Второй класс священных изображений и лиц, изображаемых на них, называется докшитами. Докшиты – существа или грозные, или сверепые, или сладострастные. В них буддисты воплощают все, что есть самого безобразного, чтобы видом безобразия порока отвратить людей от последнего. Поэтому изображения докшитов всегда имеют устрашающий до уродливости вид. Поза их напоминает положение пляшущего: ноги расставлены, колено правой ноги немного согнуто, а левая далеко отставлена от туловища и опирается на пяту; голова наклонена вправо, руки распростерты. К этому отделу относятся следующие главные существа: Махагала, или Гонбо; Цаган-махагала, или Гонбо-гуру; Эрлик-хан, тиб[етский] Чойджал; Охин-тенгри, тиб[етский] Лхамо; Дурбен-нигурту; Намсарай и др.

Улан-сакиус, или Чжамсаран:

Изображается попирающим одной ногой лошадь, другой – человека. В правой руке меч, в левой змея (?).

222. Улан-сакиус. Бронзовая статуэтка. Пожертвована А.Д. Старцевым.
223. Улан-сакиус. Бронзовая статуэтка. Собств[енность] Л.А. Карпинского.
224. Улан-сакиус. Глиняный медальон ургинской работы. Высота 5,7 см. Дост[авлен] г[осподином] Потаниным. № 969.

Гонбо или Махагала:

Это божество мужества и силы, предохраняющее людей от невидимой силы злых духов. Изображается попирающим ногами человеческую фигуру, с головой слона; [у него] шесть рук; в трех правых он держит венки из человеческих черепов, дамару и пурьву; в трех левых – трезубец, веревку с крючьями и габал.

225. Гонбо. Бронзовая статуэтка. Высота 21,0 см.

226. Гонбо. Бронзовая литая статуэтка. Пожертвована г[осподином] Старцевым.

227. Гонбо. Глиняный медальон.

228. Гонбо. Картина на холсте. Гонбо помещен в центре; над его головой Ваджрадара; в левом верхнем углу – Цзина-мидра, в правом верхнем углу – Дагти-раза; под ногами – Гомбо Чедра-бала, в нижних углах, в левом – Лхамо, в правом – Дракшад-намбо. Пожертв[ована] хамба-ламой Д.Г. Гомбоевым.

Ямандага, или Чжигчжид:

Изображается с 34 руками и 16 ногами; в объятиях держит женщину. В левой руке держит габал, в правой – пурьву(?). Голова бычьей. Правыми ногами попирает человеческие фигуры, левой – павлинов, сидящих на простертых человеческих фигурах.

229. Ямандага. Бронзовая статуэтка. Высота 23,0 см.

230. Ямандага. Бронзовая статуэтка. Пожертв[ована] А.Д. Старцевым.

231. Ямандага. Глиняный медальон.

232. Буддийская икона, изображающая бога Ямандага, или Чигчжид; над его головой бог с синим телом Дорчжинчан, под ногами средняя фигура Гонбо; от Дорчжи-чана влево Сакиус, или Чжамсаран, и левее его луна; под луной Солго (Solho). Вправо от Дорчжи-чана Конгор и еще правее солнце, а под солнцем Намсарай. Внизу влево от Гонбо изображен Чойчжал, стоящий на быке, а над ним Очирвани; вправо от Гонбо богиня Лхамо, а над нею Шяши. Пожертв[ована] А.И. Воробьевым. № 998.

Чойчжал:

Тибетск[ий] Чойчжал, монгол[ьский] Ерлик-хан, кит[айский] Нью-тоу-ван – судия умерших. Он живет в верхнем

этаже ада и управляет всеми адскими существами, как мучимыми, так и мучащими. Изображается в различных видах, которые носят особые названия. Есть Чжамьян-чойчжал, Нангдуб-чойчжал <...> и др.

Чжамьян-шудув-чойчжал:

233. Чойчжал. Бронзовая статуэтка. Высота 23,0 см.

234. Чойчжал. Бронзовая статуэтка. Пожертв[ована] А.Д. Старцевым.

235. Чойчжал. Бронзовая статуэтка. Высота 22,0 см.

236. Чойчжал, статуэтка. Из музея дух[овной] семин[арии].

237. Чойчжал. Глиняный медальон.

Дымчок-рембуче:

Изображается с 12 руками и с 4 лицами; в объятиях – женщина. Ногами попирает человеческие фигуры.

238. Дымчок-рембуче. Бронзовая статуэтка. Пожертв[ована] А.Д. Старцевым.

239. Дымчок-рембуче. Бронзовая статуэтка. Собств[енность] В.В. Птицына.

Намсарай:

Изображается с желтым телом, едущим на льве. В правой руке держит джанцан, в левой – крысу.

240. Намсарай. Бронзовая статуэтка. Пожертв[ована] А.Д. Старцевым.

241. Намсарай, изображение на [ткани]. Из музея духов[ной] семин[арии].

242. Намсарай. Картина на холсте. Над его головой Очирвани. Доставл[ена] из Тунки.

Лхамо:

По-тибетски Lhamo, по-монг[ольски] Оккин-тэнгри, на санскр[ите] Kaladevi. Монголами и тибетцами признается за гневное воплощение Цаган-дара-экэ. Лхамо вышла замуж за свирепого цейлонского царя Shinje, с намерением укротить его или истребить его потомство. Первое ей не удалось; Лхамо убила своего сына, которого любил царь, выпила из его черепа кровь и оставила дворец, сев на лошадь, которую покрыла кожей убитого сына. Отец ребенка пустил в ужасную мать ядовитую стрелу, которая вонзилась в зад лошади; но Лхамо произнесла заклятие

и благополучно удалилась в горы Oikhan, в область Olgon в Восточной Сибири.

243. Лхамо. Женская фигура на коне, зад которого с ранами от стрелы. В правой руке богини фигура младенца, в левой – габал. По земле разбросаны чело[веческие] члены. Бронзовая статуэтка. Высота 17 см. Пожертв[ована] А.Д. Старцевым.

244. Лхамо (?). Бронзовая статуэтка. Женская фигура на лошади. Во рту ее младенец. На задку лошади глаза. Высота 21 см.

245. Дорже-дуд-дул (?). Бронзовая статуэтка. Высота 15,0 см.

246. Талха-читху на белой лошади; над его головой Очирвани, кругом повторения центральной фигуры, т. е. Талха-читху, а внизу изображения одеяния и вооружения – колчана и лука; над этим изображением суме (монастырь) на скале, стоящей среди моря; вокруг животные: обезьяна, человек, верблюд, слон, лошадь, тигр и бык. Пожертв[овано] А.И. Воробьевым. № 999.

247. Буддийская икона, изображающая бога Сэндэм; в правой руке он держит тэгуг, в левой – хатымго. Над его головой бог Ловун-батма-чжуна; Сэндэм стоит на цветке чончжин-падма (лотос) и левой ногой давит шулмуса*

в виде женщины, в которую упирается нижний конец орудия хатымго; одет бог тигровой шкурой. В левом верхнем углу картины – луна и бог Таги-томбо (Tahi-tombo) с головой тигра, в правом верхнем – солнце и Чюсрын-томбо с головой слона, в левом нижнем – Тончжи-томбо с головой медведя, в правом нижнем – Мии-томбо с головой человека. Все они держат в левой руке габалы (чаши из человеческих черепов), в правых – хонхо, колокольчики и одеты в тигровые шкуры. Под ногами Сэндэма – балин. Пожертв[ована] А.И. Воробьевым.

* Шулмус – злое существо
(прим. авторов).

Неизвестные бурханы-докшиты:

248. Докшит с 6 руками; в его объятиях 6-рукая женщина. Бронзовая статуэтка. Высота 18,0 см.

249. Докшит на драконе с трезубцем и мечом. Бронзовая статуэтка. Пожертв[ована] г[осподином] Старцевым.

250. Докшит с 3 руками и с женщиной в объятиях; в одной паре рук держит пурьву и габал, сзади крылья. Бронзовая статуэтка. Пожертв[ована] г. Старцевым.

251. Глиняный медальон с изображением неизвестного докшита.

252. То же.

253. Докшит в круглой шляпе с молотком в правой руке; представлен едущим на коне. Бронзовая статуэтка. Пожертв[ована] г[осподином] Старцевым.

254. Докшит на коне с флагом в руке. Бронзовая позолоч[енная] статуэтка. Пожертв[ована] г[осподином] Старцевым.

255. Материал, содержащийся внутри закупоренной и освященной статуэтки (волосы, мускатн[ый] орех, ячменные зерна, гвоздика, кардамон, кусочки дерева и шерст[яной] и шелк[овой] ткани, а также листы бумаги с молитвами, медальоны и пр.). Собств[енность] г[осподина] Приклонского.

ОТДЕЛ III

БОГОСЛУЖЕНИЕ И ЕГО ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

а) Виды богослужений

Буддийское богослужение совершается только лицами, посвященными в духовные степени; простые же миряне в нем не участвуют. Все оно состоит из чтения и пения молитв под аккомпанемент музыкальных инструментов. Ламы во время богослужения сидят или параллельно задней стене кумирни, или в два ряда параллельно боковым стенам. Садятся или по старшинству, или же старшие сидят на более высоких сиденьях.

Богослужение бывает ежедневное и праздничное. Первое совершается около трех раз в день, последнее продолжается иногда по несколько дней и отличается большей торжественностью. Из праздничных богослужений нужно упомянуть [следующие]: 1) о круговращении Майтреи – богослужение, совершаемое в честь последнего и состоящее в том, что статуя этого будды обвозится на колеснице кругом монастыря; 2) о цаме, или религиозной пляске, совершаемой в особых костюмах и масках в честь докшитов; 3) о процессии с сором, который представляет собой пирамиду из теста и сжигается в честь докшитов за стенами монастыря.

256. Ламы и ширетуй (настоятель) Гусиноозерского дацана во время богослужения. Фотогр[афия].

257. Модель шире, престола, на котором садятся во время богослужения ширетуй и другие главные ламы.

Хонхо:

Ширетуй во время богослужения держит в руках хонхо, «колокольчик» и вачир, и потрясает ими в те моменты, когда читаются тарнистические заклинания.

258. Хонхо. Наружная поверхность покрыта рельефными изображениями вачира, грудных четок и мистической формулы «ом-мани». Высота 16,5 см; поперечник 7,6 см. № 969.

259. Хонхо, колокольчик с рукояткой, имеющей форму полувачера и с гладкой поверхностью. Выс[ота] 15,0 см; поперечник отверстия 7,3 см. Пожертв[ован] А.И. Воробьевым. № 959.

260. Хонхо с изображением головы Дара-экэ, четок, «ом-мани» и вачира. Высота 13,5 см; диаметр 8,0 см. № 524.

261. Хонхо с изображением головы Дара-экэ, «ом-мани» и четок, между которыми 8 фигур: колесо, вачир, цветок и др. Высота 15,5 см; диаметр 9,0 см.

262. То же. Из музея духов[ной] семин[арии].

263. То же.

Вачир:

Вачир, или Очир, на санскр[ите] Ваджра, металлическое орудие, употребляемое ламами при богослужении. Оно состоит из стержня, на обоих концах которого изображены цветочные венчики с 4 или 6 лепестками. Лепестки концами своими соединены вместе.

264. Вачир. Длина 10,4 см. № 893.

265. Вачир. Длина 9,5 см. № 821.

266. Вачир баргузинской работы. Длина 10,1 см. Пожертв[ован] К.П. Михайловым. № 991.

267. Вачир. Длина 13,0 см. № 524.

268. Вачир. Длина 9,7 см. Пожертв[ован] А.И. Воробьевым. № 958.

969. Вачир. Длина 10,0 см. № 524.

270. Вачир из тибетской провинции Амдо. Длина 12 см. Достоян Г.Н. Потаниным. № 735.

271. Вачир из тибетской провинции Амдо. Длина 11,5 см. Составлен Г.Н. Потаниным. № 735.
272. Ламы-музыканты, играющие на трубах бишкур и ухыр-буре. Фотогр[афия].
273. Колесница Майдари с бубном и слоном. Фотогр[афия] г[осподина] Динесса.
274. Колесница Майдари на слоне. Фотогр[афия].

Цам:

Цам, или религиозная пляска, бывает раз в году 9-го числа 6-й луны. Она непременно предшествуется хуралом т. е. богослужением, а после цама в течение следующих дней в Урге бывает обыкновенно борьба борцов, а иногда и скачки.

275. Цам, перед Гусиноозерским дацаном. Фотогр[афия] г[осподина] Динесса.

276. Ламы в масках и костюмах, участвующие в религиозной пляске. Фотогр[афия] г[осподина] Динесса.

277. Мантия с широкими рукавами, надеваемая во время религиозных плясок (цам). Сшита из черной канфы; края рукавов обшиты полосами из светлой материи. Пожертв[ована] хамба-ламой Д.Г. Гомбоевым. № 980.

278. Пелерина, надеваемая ламами поверх мантии во время религиозной пляски. Она имеет квадратное очертание; бок квадрата имеет 64,0 см длины. В середине сделан круглый прорез для шеи. Бока пелерины вырезаны городками. Сверху она покрыта желтой шелковой материей, по которой нашиты голубые завитки. Пожертв[ована] хамба-ламой Д.Г. Гомбоевым. № 981.

279. Четки, надеваемые поверх мантии ламами, участвующими в религиозной пляске, или цаме. Пожертв[ованы] хамба-ламой Д.Г. Гомбоевым. № 949.

280. Ободай, шапка лам высших степеней. Пожертв[ована] Д.Г. Гомбоевым.

281. Маска бога Чойчжала в виде двурогой головы буйвола. Длина головы 37,0, ширина 25,9 см. Пожертв[ована] хамба-ламой Д.Г. Гомбоевым. № 983.

282. Маска Цаган-убюгуна, «белого старца», или Хашин-хана. Лицо и волосы на голове и бороде белого цвета. Длина

35,1 см, ширина 32,1 см. Пожертв[ована] хамба-ламой Д.Г. Гомбоевым. № 938.

283. Маска ацзара. Лицо коричневого цвета, брови, усы и небольшой клочок под нижней губой черные; на голове волосы связаны пучком. Выражение лица злое. Длина 38,0 см, ширина 19,0 см. Пожертв[ована] хамба-ламой Д.Г. Гомбоевым. № 937.

284. Маска хуху-убюгуна, «голубого старца». Лицо окрашено в темно-коричневый цвет; густые брови и большая борода белого цвета. Длина 28,3 см, ширина 17,0 см. № 939.

285. Маска неизвестного названия; лицо без бороды, окрашено в оранжевый цвет. Длина 35,7 см, ширина 32,8 см. Пожертв[ована] хамба-ламой Д.Г. Гомбоевым.

286. Буддийская процессия с сором. Фотогр[афия] г[осподина] Динесса.

Скачки близ Урги:

Летний цам в Урге иногда сопровождается скачками лошадей. Эти скачки устраиваются в 40 вер[стах] к с[еверу] от Урги в долине р. Куй и называются долон хошуна надан, «забава семи княжеств». На скачки съезжается до 10000 народа, и долина Куй представляет тогда обширный табор.

287. Общий вид стана на скачках в долине Куй. Фотогр[афия] г[осподина] Чарушина.

288. Коновязи для бегунцов богдо-гегена. Фотогр[афия] г[осподина] Чарушина.

289. Шапка, употребляемая при докшитском богослужении. Покрыта черным бархатом. На вершине шапки надставка из двух шариков, поставленных один на другой. Края шапки украшены черной шелковой бахромой, которая на боках, против ушей, гораздо длиннее (до 1½ ф[ута]). Собств[енность] г[осподина] Птицына.

290. Пелерина, употребляемая при докшитском богослужении. Собств[енность] г[осподина] Птицына.

291. Четырехугольный запон из шелковой материи, употребляемый при докшитском богослужении. Собств[енность] г[осподина] Птицына.

292. Шелковые ленты, надеваемые при докшитском богослужении. Собств[енность] г[осподина] Птицына.

293. Картонная диадема с 5 зубцами, употребляемая при докшит[ском] богослужении. Собств[енность] г[осподина] Птицына.

294. Головной убор чойчжина (баньчо). Высота 32,5 см, диаметр 28,4 см; длина наушников 45,0 при ширине 10,0 см. Пожертв[ован] А.И. Воробьевым. № 943.

295. Пурьву, символический знак, употребляемый чойчжинами при вызывании духов. Чойчжин во время служения потрясает им в воздухе. Он имеет вид наконечника стрелы, обращенной острием вниз; на тупом конце стрелы утверждена головка вачира. Экземпляр, принадлежащий [Иркутскому] музею, сделан из дерева; длина его 22,0 см. К нему привязана связка побрякушек из железных колец, а также позвонок.

Шлагинтвейт переводит пурьву словом игла и приводит его в качестве тибетского имени планеты Юпитер, но в этом последнем случае переводит его, как «три гвоздя»*. Пожертв[ован] А.И. Воробьевым. № 947.

* *Schlagintweit E.*
Buddhismin Tibet.
London, 1863. P. 257
(прим. авторов).

б) Музыкальные инструменты

Музыкальные инструменты, составляющие необходимую принадлежность буддийского богослужения, делятся на три разряда: потрясаемые (хонхо, дамару), ударные (барабаны и тарелки) и духовые (раковины и трубы).

296. Хэнгэрихэ, барабан, употребляемый при богослужении и во время цама, религиозной пляски. Бьют в него особой колотушкой, докур. Диаметр барабана 60,0 см, глубина 17,5 см. Пожертв[ован] хамба-ламой Д.Г. Гомбоевым.

297. Дамару, на санскр[ите] – gataṃ, барабан в форме морских песочных часов, т. е. в виде двух конусов, соединенных вершинами. Чтобы произвести звуки, берут в кулак тесьму, прикрепленную к перехвату барабана, и, уперев большой и указательный пальцы в обичайку, сильно вращают барабан; шарики, привешанные к барабану на шнурках, бьют по коже, натянутой на него, и производят звуки. Дамару употребляются чойчжинами при их священнодействиях. Боковая поверхность барабана покрыта рисунком из человеческих голов и черепов, между которыми растянуты четки, употребляемые

при цаме. Дdiam[етр] 29,5 см, глубина 24,7 см. Пожертв[ован] А.И. Воробьевым. № 940.

298. Дамару. На пояс пришито 5 раковин каури. Диаметр 14,5 см, глубина 10,4 см. Пожертв[ован] М.Е. Чухиным. № 944.

299. Дамару. Из музея духовн[ой] семин[арии].

300. То же. Оттуда же.

301. Цанг, медные тарелки, употребляемые при богослужении. Рукоятка, или головка, назыв[ается] царан. Диаметр 29,4 см. Пожертв[ованы] хамба-ламой Д.Г. Гомбоевым. № 887.

302. Дэншик, буддийск[ий] музыкальн[ый] инструмент с привязанным к нему хадаком цохур-хиб. Диаметр 7,0 см. Пожертв[ован] хамба-ламой Д.Г. Гомбоевым.

303. Дэншик. Собств[енность] В.В. Птицына.

Дун-буре:

По-монгол[ьски] – лабай, морская раковина, употребляемая при богослужении вместо трубы. Введение ее употребления буддийская легенда относит ко времени Будды*; затем первая дун-буре была скрыта от людей и вновь найдена только Зункабой при постройке монастыря Галдан, в котором и доселе хранится.

* Употреблялась уже в Ассирии (прим. авторов).

304. Дун-буре. Длина 26,7 см. Пожертвов[ана] хамба-ламой Д.Г. Гомбоевым. № 971.

305. Дун-буре, трубная раковина. Длина 38,5 см. Пожертв[ована] Юмж. Л. Лумбуновым. № 965.

306. Дун-буре, трубная раковина. Длина 27,0 см. Пожертв[ована] А.И. Воробьевым. № 971.

307. Дун-буре. Из музея дух[овной] семин[арии].

308. Медная трубка бишкур. Длина 130,0 см; поперечник трубы 13,2 см. Пожертв[ована] хамба-ламой Д.Г. Гомбоевым. № 889.

309. Ганлин, деревянная труба в медной оправе; раструб в виде рогатой головы дракона. Длина 43,4 см. Пожертв[ована] Юмж. Лумб. Лумбуновым. № 945.

310. Ганлин, труба из человеческой кости. Длина 29,6 см. Пожертв[ована] В.У. Поярковым. № 946.

311. Ганлин. Длина 29,3 см. Пожертв[ован] А.И. Воробьевым.

с) Жертвенник и его принадлежности

Необходимую принадлежность буддийского храма и богослужения составляет жертвенник. Место его в храме перед божницей. Он имеет форму обыкновенного стола, между ножками которого с передней стороны вставляется переключина с вырезанными на ней символическими фигурами «восьми драгоценностей». Вышина его от 1/2 аршина до 1 аршина, а величина поверхности весьма различна.

312. Даши-дакчжат, по-монгольски – улцэйтун-найман-тэмдэк, восемь фигур, поставляемых на жертвенник перед бурханами. Чаще эти фигуры по-монгольски называются найман-тахил, т. е. восемь жертв. Они делаются из дерева, меди, нефрита и др. материалов. В состав этого собрания фигур входят: ринчин-дукдан, белый зонт, уничтожающий жар греховных пожеланий; сернья, золотые рыбы, живущие в реке Цзамбу; дун-гар-яйшил, белая раковина, издающая на десять стран света звуки; бадма, белый лотос, знаменующий залог спасительной нирваны; дырчин-бумба, урна, полная сокровищ всех пожеланий; балбэ, нить счастья, шелковая вязь, символ совершенства духа; чжалцан, балдахин; хорло, золотое, тысяче-радиусное колесо. Длина подставки 65,6 см; высота медных фигур 12,5 см. Пожертв[ованы] хамба-ламой Д.Г. Гомбоевым.

313. То же. Из музея духовн[ой] семинарии.

Дологан-эрдени:

Прибор, состоящий из семи частей: первая изображает молитвенную мельницу, вторая – дорогой камень, третья – женщину, четвертая – сановника, пятая – слона, шестая – лошадь, седьмая – военачальника. Все эти вещи составляют принадлежность будд как царей мира.

313а. Дологан-эрдени, рисунки на холсте. Из музея духовн[ой] семин[арии].

314. То же.

315. Долон-цугуце, семь жертвенных чашечек. Две из них наполняются водой, в третью кладут цветок или семена ячменя, в четвертую втыкают хучжи, т. е. курительную свечу, пятая служит лампадой, шестая наполняется водой, седьмая – яствами. Вода, налитая в первую чашечку, называется

«прохладительное для ног»; вода во второй чашке – «прохладительное для лица»; жертва в третьей чашке называется «цветок»; в четвертой чашке – «дымящееся курение»; пятая чашка назыв[ается] «лампада»; шестая чашка – «благовонная вода» и седьмая – «пища святителя». Высота 4,5 см, диаметр 7,2 см. № 524.

316. 34 цугуцу. Высота 2,0 см, диаметр 4,0 см.

317. Пять цугуцу. Высота 7,6 см, поперечник отверстия 10,0 см. Пожертв[ованы] хамба-ламой Д.Г. Гомбоевым. № 891.

318. Цугуцу, покрыта зеленой ржавчиной. Высота 4,0 см, диаметр 7,0 см. № 524.

319. Цугуцу. Собств[енность] г[осподина] Птицына.

320. Насото, лампочка, выставленная на божнице перед бурханами. Высота 6,7 см, диаметр чаши 5,4 см. Пожертв[ована] Юмж. Л. Лумбуновым.

321. Насото (3 экзем[пляра]). Высота 6,0 см, диаметр 5,0 см. № 524.

322. Насото (2 экзем[пляра]). Высота 8,5 см, диаметр 6,0 см. № 524.

323. Насото. Собств[енность] г[осподина] Птицына.

324. Толи, металлическое зеркало. Выставляется на жертвенных столах перед бурханами, иногда на деревянных подставках. Употребляется при освящении воды. Диаметр 15,0 см. Пожертв[овано] А.И. Воробьевым. № 966.

325. Толи с рельефными знаками на оборотной стороне. Поверхность почернела. Диаметр 9,5 см.

326. Толи из белого металла. Диаметр 12,5 см. № 524.

327. Толи. Из музея духовн[ой] семир[арии].

328. То же. Оттуда же.

329. Толи на деревянной резной подставке. Рисунок г[осподина] Дудина.

330. Габал, человеческий череп, употребляемый вместо чаши. Он наполняется кровью животных в жертву богам. Длина 18,0 см, ширина 14,6 см. Пожертв[ован] Н.А. Басовым.

Мандал:

На санскр[ите] Mandala, круг, скованный из золота, серебра или меди. На его поверхности, обращенной кверху, изображается мир; возвышение в середине мандала изображает гору

Сумэру. Назначение мандала – служить местом приношения жертв; на него насыпаются зерна пшеницы, перемешанные с мелкими раковинами, медными монетами и пр.

331. Мандал медный со ступенчатой пирамидой в середине, увенчанный коралловым шариком. Диам[етр] 23,0 см. Пожертв[ован] Д.Г. Гомбоевым. № 964.

332. Мандал с изображением 8 драгоценностей. Из музея духовн[ой] семин[арии].

333. Мандал. Из музея духовн[ой] семин[арии].

334. Лай-бумба, медная урна с носком для святой воды. Освящение воды производится у реки; богослужение, совершаемое при этом, назыв[ается] дулцын. Оно совершается следующим образом: из толченого белого камня или из песка делают статуэтку, или бурхан, раскрашивают ее, выносят к реке на квадратной доске и ставят над рекой; затем читают молитвы. В урну лай-бумба наливают воды и в отверстие ее вставляют пучок, связанный из гуши и павлиньих перьев; другая урна без носка, намджил-бумба, тоже наливается водой, а в отверстие ее втыкают ветку кедра. По окончании молитв в намджил-бумбу насыпают тот песок или толченный камень, из которого был сделан бурхан, и затем вода из нее выливается в реку. Вынимают потом пучок из лай-бумбы и концом его, бывшим в воде, кропят в воздухе. (Сообщ[ено] г[осподином] Поярковым.) Высота 12,3 см. Пожертв[ована] В.У. Поярковым. № 957.

335. Намджил-бумба, медная урна, употребляемая при освящении воды. Высота 12,3 см. Пожертв[ована] В.У. Поярковым.

336. Лай-бумба. Высота 12,5 см. Пожертв[овано] хамба-ламой Д.Г. Гомбоевым. № 956.

337. Намджил-бумба. Высота 12,5 см. Пожертв[овано] Д.Г. Гомбоевым. № 956.

338. Лай-бумба. Высота 14,0 см. № 524.

339. Намджил-бумба. Высота 14,0 см. № 524.

340. Лай-бумба. Пожертв[ована] г[оспо]жой Хандожап Данж. Лумбуновой. № 890.

341. Намджил-бумба. Пожертв[ована] ею же.

342. Два сосуда бумба. Собств[енность] г[осподина] Птицына.

343. Бумба, драпированная материей. Высота 33,0 см. № 524.

344. Бумба, одетая куском материи. Из музея дух[овной] семин[арии].

345. Кропило для святой воды, связанное из павлиньих перьев (тогусу оду) и длинной тибетской травы гуши. Обыкновенно оно хранится воткнутым в урну лай-бумба. Пожертв[овано] В.У. Поярковым.

346. Кропило. Из музея духовн[ой] семин[арии].

347. Куджи, курительные свечи. Приготавливаются в тибетской провинции Цзан. Доставл[ены] г. Потаниным.

348. Куджи, курительные свечи. Доставл[ены] г[осподином] Краморовым. № 103.

349. Бронзовая ваза с двумя ушками для пепла и втыкания курительных свеч. Наружная поверхность покрыта изображениями бабочек и цикад, исполненными посредством серебряной насечки. Высота 7,5 см, диаметр отверстия – 11,3 см. Пожертв[ована] Бадмажапом Цыбденовым. № 896.

д) Жертвы

Самыми обыкновенными жертвами, приносимыми бурханам ежедневно, служат вода, благовония, цветы, яства и масло. Все эти приношения [кладутся] в 7 жертвенных чашечек (см.: порядковый номер 315), но так, что три [из них] наполняются водой, в одну кладут цветок, в одну благовония, в одну масло и светильню и в одну – яства. Происхождение этих жертв ламы относится к глубокой древности, говорят, что таковыми прежде приветствовали царей при посещении ими частных домов, а именно: им сперва подносили воду для обмывания ног, затем воду для обмывания лица, посыпали и ставили перед их [сиденьями] цветы, зажигали и подносили благовонные курения и, наконец, пищу. Кроме этих обыкновенных жертв, существуют еще особые, в честь докшитов, называемых балинами, которые приготавливаются из глины, муки, и хадаки, т. е. шелковые платки различных цветов.

350. Балин, в честь Арья-бало. Изготовлен из глины монгольским художником в Урге. Выс[ота] 19,0 см, диам[етр] основания 7,1 см. № 988.

351. Три голубых хадака. № 566.

352. Хадак цохор-хиб. Пожертв[ован] Юмж. Лумб. Лумбуновым. № 1001.

353. Ламский хадак из белой шелковой материи. Пожертв[ован] И.К. Педашенко.

е) Обыкновенные и свящ[енные] одежды лам

Каноническое одеяние ламы, пока он находится в стенах монастыря, состоит из двух юбок, одной исподней, другой верхней; безрукавки, вроде жилета; желтого широкого кушака, которым поддерживаются юбки на бедрах; оркимджи, род пледа, в который драпируется торс ламы, и сапогов, которые при входе в храм снимаются. Когда лама не живет в монастыре или отправляется в дорогу, он надевает халат и шапку. В монастыре же лама покрывает голову оркимджи. Во время богослужения ламы надевают шелковые ризы красного цвета, ширетуй – особый головной убор, а хамба-лама нечто вроде митры.

354. Алаша-хамба, лама, наставник нынешнего Тушету-хана, олет из Алашаня. Фотогр[афия] г[осподина] Чарушина.

355. Эрдени-лама хубильган, настоятель монастыря Эрдени-цзу. Фотогр[афия] г[осподина] Чарушина.

356. Ламский костюм с красным шелковым оркимджи. № 460.

357. Ламский шелковый кушак желтого цвета. № 530.

358. Шелковый желтый халат для ламы.

359. Ламская шелковая шапка. Высота 25,0 см, поперечник 28,0 см.

360. Ламская суконная желтая шляпа. Высота 25,5 см, поперечник 33,0 см. № 518.

361. Шапка, надеваемая при богослужении. Из музея духовн[ой] семин[арии].

362. Ламский халат. Пожертв[ован] хамба-ламой Д. Гомбоевым. № 1035.

363. Шасэр, ламская богослужебная шапка. Пожертв[ована] хамба-ламой Д.Г. Гомбоевым. № 1034.

364. Зончи, шелковая риза, надеваемая ламой во время богослужения. Красного цвета. Пожертв[ована] хамба-ламой Д.Г. Гомбоевым. № 897.

365. Натон, ламский головной убор, надеваемый ширетуем (настоятелем обители) во время богослужения. Покрыт желтой

китайской парчой. Выс[ота] 28,7 см, диам[етр] 30,0 см. Пожертв[ован] хамба-ламой Данпил[ом] Гомб[оевичем] Гомбоевым. № 941.

366. Баньчо, богослужебная митра хамба-ламы. Длина вместе с боковыми полосами 80,0 см, поперечник 31 см. Пожертв[ована] хамба-ламой Д.Г. Гомбоевым. № 898.

367. Чябир, медный флакон для ношения на поясе освященной воды; сосуд обшит ризой из тибетского сукна. Принадлежность гелюнга. Высота сосуда 12,0 см; длина ризы 25,0 см, ширина 22,0 см.

368. Чябир. Из музея духовн[ой] семин[арии].

369. Бадан, лента. Из музея дух[овной] семин[арии].

370. Бурханэ-гу, квадратный футляр для ношения изображения божеств на груди. Длина 6,0 см. Доставл[ен] Г.Н. Потаниным. № 960.

371. Бурханэ-гу. Внутри его глиняный медальон с изображением Далай-ламы, ургинской работы. Верхний край закрутлен; на крышке тибетская буква «ом». Высота 4,5 см, ширина 4,5 см, глубина 2,5 см. Доставл[ен] Г.Н. Потаниным. № 967.

372. Бурханэ-гу со вложенным в него изображением Оточи, бога врачебного искусства. Высота 4,3 см, ширина 3,5 см, глубина 1,0 см. Пожертв[ован] Юмж. Л. Лумбуновым. № 874.

ОТДЕЛ IV

ДОМАШНЯЯ ОБСТАНОВКА ЛАМ И ЗАНЯТИЯ ИХ

а) Домашняя обстановка

Хотя по древним каноническим правилам буддийским монахам запрещалось жить в домах, но это правило имело значение только для Индии и не могло быть приложимо на север от Гималаев [из-за] суровости климата. Поэтому теперь ламы этого правила не соблюдают, а живут или в домах, или в юртах.

Внутри дома лам везде одинаковы; обыкновенно это одна комната, у богатых перегороденная заборками на несколько отделений. Но главная, или образная, комната

всегда и везде одинакова. Обыкновенно против входа стоит божница, перед нею – жертвенный стол. Направо от входа постель хозяина; на стенах развешаны картины религиозно-нравственного содержания, на божнице, кроме богов, священные книги, по бокам ее – одежды и др. принадлежности.

373. Дом хамба-ламы в Урге. Фот[ография] г[осподина] Чарушина.

374. Хиймори, «ветер-лошадь», пять разноцветных флагов, на которых отпечатаны молитвы. Выставляются на шестах позади кумирен, монашеских келий, юрт и всяких жилых зданий. Молитвы отпечатаны в ургинской типографии. Квадратные лоскутки в 65–70 см. Доставл[ены] г[осподином] Потаниным. № 942.

375. Хиймори на холсте с изображением лошади. Собств[енность] В.Л. Приклонского.

376. Флаг из белой материи. Собств[енность] В.Л. Приклонского.

377. Флаг из красной материи с отпечатанным тибетским текстом. Собств[енность] В.Л. Приклонского.

378. Флаг из желтой материи. Собств[енность] В.Л. Приклонского.

379. Хиймори с изображением лошади, 4 мифических животных и 8 тахилов. Собств[енность] В.Л. Приклонского.

380. Семь хиймори на бумажной материи разных цветов. № 912.

381. Хиймори с 4 мифическими животными (лев, барс, дракон и гаруди). Собств[енность] В.Л. Приклонского.

382. Вид образной залы хамба-ламы Гусиноозерского дацана. Налево олбоки, прямо и направо божницы, перед которыми висят чжанцаны и зонты. Рисунок г[осподина] Дудина.

383. Тронная зала гегена Джаян-джапшасэна в монастыре Лабран. Фотогр[афия] г[осподина] Скасси.

384. Божница с устроенной над ней сенью. Рисунок г[осподина] Дудина.

385. Домашняя божница в виде раскрашенного ящика. Из музея духовн[ой] семин[арии].

386. Кресло ламы без подушек и отдельная спинка кресла. Рисунок г[осподина] Дудина.

387. Олбок, квадратная подстилка на ламском сиденье. На креслах или кафедрах ширетуев и гегенов их бывает по нескольку, сложенных этажами. Числом олбоков измеряется важность сидящего на кресле. Самое большое число олбоков не превышает семи. Длина 68,0 см. Пожертв[ована] хамбаламой Д.Г. Гомбоевым. № 977.

388. Олбок, ламская подушка для сидения. Сверху покрыта алашаньским ковром. Длина 73 см. Пожертв[ована] Дм.П. Михайловым. № 978.

389. Сень, устраиваемая над бурханом. Рисунок г[осподина] Дудина.

390. Чжанцан, или балдахин, подвешиваемый к потолку перед бурханами. Такие чжанцаны вывешиваются в частных образных и в храмах; в последних они иногда достигают 3–4 саж[еней] высоты. Рисунок г[осподина] Дудина.

391. Чжанцан, или балдахин, подвешиваемый к потолку перед бурханом. Рисунок г[осподина] Дудина.

392. Дерево Галбарсын-модо, под которым слон, на нем обезьяна, на обезьяне заяц, над зайцем птицы на-ин. Лубочная картина, печатанная в Гумбуме. Приклеивается на стенах келий с наружной стороны. Собств[енность] г[осподина] Потанина.

393. Черепаха, на спине которой написана мистическая фигура па-гуа. Лубочная картина, печатанная в Гумбуме. Приклеивается на стенах келий с наружной стороны. Собств[енность] г[осподина] Потанина.

394. Табличка, направляющая предприятие. Гаданье производится бросанием на картину хлебного зерна. Большой квадрат изображает череп черепахи, на котором, по мнению буддистов, утверждена земля. Внутри его кружок; рамка вокруг кружка содержит 12 циклических животных и 4 знака стран света; огонь – север, железо – восток, вода – юг и дерево – запад. Наконец, внешняя рамка содержит восемь символических знаков, по-тибетски Parkhachakgachad, по-китайски – па-гуа. Пожертв[ована] Н.И. Гомбоевым.

Сансарийн-хурдэ:

Сансарийн-хурдэ, колесо мира, картина загробных мучений, будто бы составленная по рассказам Мутгальвани

(Молон-тойна), который посетил страну мучений с целью спасения души своей матери. Картина состоит из нескольких концентрических кругов. В центре изображены свинья, змея и курица. Эмблемы трех человеческих пороков – невежества, гнева и сладострастия. Во втором круге изображены шесть царств материального мира. Внизу – царство ада, где помещается на троне Эрлик-хан с зеркалом (толи) в руке. Над адом в правой стороне картины царство биритов, вечно голодных и вечно ищущих пищу существ, испускающих из рта пламень. На левой стороне картины царство животных. Над царством биритов – царство людей. Вверху область тэнгриев и ассуров; в центре ее дворец, резиденция Хормусты. Ниже его в облаках небесные девы, а под ними тэнгрии, вооруженные вачирами, сражающиеся с асурами.

395. Сансарийн-хурдэ. Картина на полотне. Собств[енность] г[осподина] Птицына.

396. Сансарийн-курдэ. Длина 48,0 см, ширина 40,0 см. Доставл[ена] Я.П. Дубровой. № 266.

397. Картина, изображающая 8 символических знаков, по-тибетски называемых *parkhashakjachad*, по-китайски – па-гуа. Три целых черты означают: юго-восток и небо; следующие – юг и воду, юго-запад и гору, запад и дерево, северо-запад и воздух, север и огонь, северо-восток и землю, восток и железо. № 565.

398. Картина, представляющая па-гуа. № 565.

399. Храмовая медаль. На одной стороне изображение 12 циклических животных, на другой 8 знаков па-гуа. Доставл[ена] г[осподином] Потаниным из Ганьсу. № 740.

400. То же. Из Ганьсу. № 852.

401. Храмовая медаль. На одной из сторон знаки па-гуа. Оттуда же. № 740.

402. То же. № 852.

403. Храмовая медаль. На одной из сторон фигура человека и 8 знаков па-гуа, собранных в кружок. Оттуда же. № 740.

404. Храмовая медаль. На одной стороне арабески, на другой почковидные фигуры и иероглифы. Оттуда же. № 717.

405. Храмовая медаль. Покрыта одними иероглифами. № 717.

406. То же. № 717.
407. То же. Село Мальтинское. № 680.
408. То же. Из Ганьсу. № 852.
409. То же. Из Ганьсу. № 852.
410. То же. Из Ганьсу. № 852.
411. Буддийская картина, изображающая буддийский субурган, кит[айское] тха. Пожертв[ована] хамба-ламой Д.Г. Гомбоевым. № 880.
412. Будд[ийская] картина, изображающая китайскую буддийскую башню. Белый рисунок по черному фону. Пожертв[ована] хамба-ламой Д.Г. Гомбоевым. № 880.
413. Будд[ийская] картина, изображающая буддийскую кумирню. Белый рисунок по черному фону. Пожертв[ована] хамба-ламой Д.Г. Гомбоевым. № 880.
414. Четки. № 843.
415. Четки из человеческой кости. Пожертв[ованы] Н.А. Басовым.
416. Ложка для окропления бурханов. Из музея дух[овной] семин[арии].
417. Курдэ, молитвенная мельница, движимая деревянным часовым аппаратом, приводимым в движение тяжестью. Пожертв[ована] хамба-ламой Д.Г. Гомбоевым. № 976.
418. Курдэ, столовая молитвенная мельница. Выс[ота] 11,6 см, диаметр 7,6 см. Пожертв[ована] хамба-ламой Д.Г. Гомбоевым. № 953.
419. Курдэ, столовая молитвенная мельница. Выс[ота] 18,0 см, диам[етр] основания 15,4 см. Пожертв[ована] Ирд. В. Вамбоцэрэновым. № 995.
420. Курдэ, ручная молитвенная мельница в виде диска. Диам[етр] 16,7 см, толщина кружка 2,4 см. Пожертв[ована] Бато Ирдынеевым. № 952.
421. Лун-кор (по-тибет[ски]), ветряная мельница, из тибетск[ой] провинции Амдо; состоит из двух деревянных перекрестин, или брусков, соединенных в виде креста; внешние концы перекрестин сделаны в виде ложек. Тангуты, жители деревень Амдо, вставляют ее в отверстия, сделанные в стенах их частных домов. Длина каждой перекрестины 20,5 см. Доставлена из Амдо, с берегов Желтой реки г[осподином] Потаниным. № 742.

422. Курдэ, ветряная молитвенная мельница, укрепляемая над воротами. Длина 31,4 см, выс[ота] 17,5 см; выс[ота] цилиндра 6,6 см, диам[етр] 6,0 см. Доставлена Г.Н. Потаниным из Урги. № 950.

423. Курдэ Оцзор-жамы бурхан, молитвенная мельница в виде горизонтального кружка, на одной стороне которого изображено семь цветов, на другой – семь свиней, бегущих в одну сторону. Днем кружок обращается той стороной кверху, на которой изображены цветы; к ночи кружок переворачивается изображением свиней кверху. Вращается курдэ по-обыкновенному слева направо. Если же днем обратить кружок свиньями кверху, то вертеть его позволяется только в обратную сторону, т. е. справа налево (хвостом свиней вперед). Изображенные на курдэ свиньи суть ездовые животные Оцзор-жамы-бурхана, подобно тому, как лошади и слоны – ездовые животные бога Майдари. Длина подставки 15,5 см; диаметр кружка 8,6 см, толщина кружка 1,2 см. Пожертв[ована] Юмж. Л. Лумбуновым. № 951.

424. Жезл хамба-ламы. Верхний конец жезла обделан в виде головы дракона. Из музея духовн[ой] семин[арии].

425. Кусок кожи священного слона. Из музея дух[овной] сем[инарии].

426. Листья дерева *Seryngajaronica* из монастыря Гумбум. Гумбумские ламы принимают это дерево за цзандап, т. е. сандаловое дерево, и уверяют, что на его листьях, когда они зелены, бывают самой природой вызванные изображения тибетских букв. По преданию это дерево выросло на том месте, где родился Зункаба.

427. Цзамбык, семена растения, приносимые богомольцами из Лассы.

428. Деревянная дощечка с наклеенным на ней изображением на бумаге коня, везущего священный цветок лотоса. Длина 12,0 см, шир[ина] 8,0 см. Достав[лена] Я.П. Дубровой. № 252.

429. Деревянная дощечка, на которой вырезана мистическая формула «ом мани пад ме хом». Длина 19,0 см, шир[ина] 10,0 см. Доставлена Я.П. Дубровой.

430. Дощечка, которая ставится у головы умершего человека. Длина 49,0 см, шир[ина] 9,5 см. № 251.

431. Богомолка (батырчи) с котомкой. Фотография г[осподина] Чарушина.
432. Хабчик, или урек, деревянные дуги, в которых богомольцы-странники, батырчи, носят за спиной свое имущество. Выс[ота] 52,0 см, ширина 52,0 см. Приобретены для отдела Г.Н. Потаниным. № 974.
433. Поклонение китайского семейства перед домашним алтарем с таблицами предков. Китайская картина на древесной бумаге. Собств[енность] В.Л. Приклонского.
434. Связка бараньих лопаток, покрытых мистическими словами «ом мани пад мех ом»; такие связки вывешиваются в поле на деревьях, около обо на хворостинах или на особых подставках в виде креста. Дост[авлена] г[осподином] Чарушиным с р. Иро в Монголии. № 1002.
435. Три бараньих лопатки. Доставл[ены] г[осподином] Большаковым из села Долгокыч Забайк[альской] обл[асти].

б) Занятия лам

По древним каноническим правилам буддизма монахи не имели права заниматься никакими ремеслами. Но с течением времени, когда в буддизме явился культ, на их обязанность легло, с одной стороны, удовлетворение духовных нужд мирян, т. е. совершение богослужений, с другой – производство всех предметов культа. Поэтому теперь одни из лам, преимущественно ламы высших посвящений, совершают богослужения для мирян, другие занимаются лепкой и литьем священных статуй, четвертые – рисованием священных изображений и картин, пятые – печатанием священных книг, шестые – врачебным искусством и т. д.

Производством священных изображений и статуй занимаются лица, специально к тому приготовленные из лам. Пишут, всегда придерживаясь образцов или специальных сочинений, трактующих о том, как изображать каждого бурхана. Самодеятельности не допускается вовсе. Лама живописец или скульптор только и может сделать, что увеличить или уменьшить размер картины или статуи. Материалами для картин служат бумага, полотно, шелк и дерево. На последнем бурханы иногда рисуются, иногда

вырезаются. Материалами для статуй служат глина, металлы, особенно медь, бронза, золото, серебро и бумага; картины или рисуются рукой, или печатаются посредством клише. Металлические статуи отливаются в глиняные формы; глиняные выделываются просто руками или в формах. Частности отделяются дэвыном (см.: порядковый номер 438). Картонные статуи делаются посредством наклеивания бумажек на глиняную форму, после чего глина выгребается, бумага покрывается сверху глиной, отделяется дэвыном и покрывается красками или позолотой. Краски растираются на палитре стеклянным шаром и разводятся рыбьим клеем. Преобладают яркие цвета. Рисование производится посредством кисточек.

436. Образчик ламской живописи. Рисунок, сделанный ламой в монастыре Гумбум.

437. Картонная голова статуи в недоделанном виде. № 963.

438. Дэвын, железный инструмент, которым бурхачи, т. е. лепщики бурханов, отделяют подробности на глиняных статуэтках. Дэвыны бывают деревянные и железные; деревянными производится первоначальная обработка статуэтки; железные употребляются для отделки подробностей. Длина 14,4 см. № 962.

439. Красная глина из окрестностей Урги, употребляемая лепщиками бурханов.

Такой же специальной подготовки, как и приготовление священных изображений и статуй, требует и медицинское искусство. Медицинских сочинений у лам очень много; некоторая доля их представляет перевод европейских. Все они распадаются на основные и прикладные. Первые трактуют об организме и его функциях, вторые представляют собою то же, что наши лечебники. Лекарства готовятся самими ламами, преимущественно из органических веществ и очень редко неорганических. Приготовление совершается так: сначала лама толчет нужные ему семена и корни в порошок, потом в известной, указанной книгой пропорции, соединяет все это вместе и таким образом получает лекарственный состав, который и всыпает в особый кожаный мешок. Таких мешков

бывает иногда более 300. Все они кладутся в один общий мешок, куда присоединяется еще небольшая металлическая ложка, заменяющая собой все аптеркарские меры и весы, и аптека ламы готова.

440. Образцы ламских «задачек», т. е. доз лекарства. № 823.

441. Кошелек с ламским лекарством. № 826.

442. Кошелек с ламским лекарством. № 826.

443. Ламский хирургический набор. № 822.

Третьим занятием лам является переписка и печатание священных книг. Буддийская священная литература так богата, как никакая другая; в ней одних канонических книг больше 100. Переписка и печатание их считаются делом богоугодным. Книги печатаются посредством клише, большей частью деревянных, и туши на бумаге китайского приготовления. Листы книг не сшиваются, а складываются между досками, которые заменяют переплет.

444. Каменная палитра для растирания туши с резервуаром для разведения туши. Длина 9,0 см. № 854.

445. Деревянное клише с изображением божества.

446. Клише с священным изображением. № 1028.

447. Шесть деревянных стереотипных досок для печатания с тибетским текстом. Длина 21,0 см, шир[ина] 7,2 см.

Образцы работы типографии

Гусиноозерского дацана:

448. Первая молитва, которой учат в школах (на монгол[ьском] языке).

449. Благословение (на тибетск[ом] языке).

450. Оточи-бурхан, бог врачебного искусства. Пожертв[овано] хамба-ламой Д.Г. Гомбоевым. № 1000.

451. Тибетская книга. № 668.

452. Книга с изображением тысячи будд на тибетском языке. Пожертв[ована] Н.И. Гомбоевым.

453. Ридичжава (?), тибетская книга. Собств[енность] г[оспо]дина] Птицына.

454. Ламский молитвенник. № 527.

455. Сундуй, книга на тибетском языке. № 527.

456. Лоскут коленкора с отпечатанной тибетской молитвой и хадаком. № 843.

457. Книга, написанная по-монгольски; содержит обряд совершения молитв Гуань-ин-пуде; напечатана по повелению китайского императора. Библиографическая редкость. Пожертв[ована] г[осподином] Пандером.
458. Тибетская книга с изображениями: Шакьямуни, Манц-зушри и др. Достав[лена] г[осподином] Птицыным.
459. Китайская книга «Жизнь Будды в картинах». Пожертв[ована] Н.И. Гомбоевым.

Дополнение к отделу I

- 460–489. 30 таблиц типов халхасцев. Фотогр[афия] г[осподина] Чарушина.
- 490–494. 5 таблиц типов южных монголов. Его же.
- 495–497. 3 табл[ицы] типов тибетцев. Его же.
498. Вид Цогульского дацана. Фотография. Собств[енность] В.В. Птицына.
499. Хорло между двумя оленями (боди). Пожертв[овано] Д.Г. Гомбоевым.
500. Модель ганджира, маковки на крышу кумирни. Пожертв[овано] Д.Г. Гомбоевым.
501. Цаца, модель субургана. Выставляется на обо и около субурганов. Пожертв[овано] Д.Г. Гомбоевым.

К отделу II

502. Шакьямуни. Бронзовая статуэтка. Из частной коллекции.
503. Шакьямуни. Медная статуэтка. Из колл[екции] г[осподина] Павлищева.
504. Арья-бало, 8-рукая стоящая фигура. Бронзовая статуэтка. Из колл[екции] г[осподина] Павлищева.
505. Арья-бало, 8-рукая сидящая фигура. Бронзовая статуэтка. Из колл[екции] г[осподина] Павлищева.
506. Арья-бало, 8-рукая стоящая фигура. Картина на холсте [с изображением] бронзовой статуэтки. Пожертв[ована] хамба-ламой Д.Г. Гомбоевым.
507. Аюши. Бронзовая статуэтка. Из музея духовн[ой] семина[рии].
508. Аюши. Бронзовая статуэтка с вставками из бирюзы. Из частн[ой] коллекции.

509. Цаган-дара-экэ. Бронзовая статуэтка. Из музея духовн[ой] семир[арии].

510. Ногон-дара-экэ. Бронзовая статуэтка. Собств[енность] Н.В. Левицкого.

511. Зункаба. Бронзовая статуэтка. Собств[енность] Н.В. Левицкого.

512. Зункаба. Бронзовая статуэтка. Из частной коллекции.

513. Зункаба. Бронзовая статуэтка. Из коллекции г[осподина] Павлицева.

514. Зункаба. Картонная статуэтка. Из музея духовн[ой] семир[арии].

515. Гуань-ин-пуса. Бронзовая статуэтка. Из частн[ой] коллекции.

516. Гуань-ин-пуса. Бронзовая статуэтка. Из частн[ой] коллекции.

517. Гуань-ин-пуса. Фарфоровая раскрашенная статуэтка. Верхнее одеяние украшено рисунком из бамбуковых листьев. На груди пять точек, расположенных в виде креста. Пожертв[ована] Н.И. Першиным.

518. Гуань-ин-пуса. Фотографич[еский] снимок с бронзовой статуэтки, помещен в Annales du Musee Guimet*. Богиня держит в коленях младенца. Срисовано г[осподином] Шешуновым.

519. Гуань-ин-пуса. Картина на ткани: богиня сидит на цветке; кругом голубой фон неба и облаков. Прическа и одеяние, как на фарфоровых статуэтках. 18 рук; верхняя пара держит солнце и луну; третья пара держит лук и три стрелы. Картина представляет переход от чисто китайских изображений Гуань-ин к тибетско-монгольскому Арья-бало. Пожертв[ована] Н.И. Першиным.

520. Китайский рисунок, изображающий Гуань-ин-пусу плывущей на парусном судне. На мачте сидит голубь с четками в клюве. Пожертв[ован] Н.И. Першиным.

521. Китайский рисунок, представляющий Гуань-ин-пусу плывущей на парусном судне. На мачте сидит голубь с четками в клюве. Пожертв[ован] Н.И. Першиным.

* Речь об изданиях Музея Гиме (совр. Национальный музей восточных искусств) в Париже, организованного в 1879 г. и названного по фамилии его основателя; в музее представлено крупнейшее, за пределами Азии, собрание азиатского искусства.

522. Неизвестный китайских бог, сидящий в пещере. Статуэтка из камня. Пожертв[ована] священником, о[тцом] Иоанном Родионовым.
523. Неизвестный китайский бог, едущий на тигре. Статуэтка из камня. Пожертв[ована] священником, о[тцом] Иоанном Родионовым.
524. Улан-сакиус. Глиняный барельеф. Собств[енность] В.И. Перетолчина.
525. Гонбо. На спине накинута шкура слона. Бронзовая статуэтка. Собств[енность] Д.С. Федорова.
526. Гонбо. Бронзовая статуэтка. Собств[енность] Н.В. Левицкого.
527. Чойчжал (?). Бронзовая статуэтка. Из колл[екции] г[осподина] Павлищева.
528. Неизвестный докшит. Бронзовая статуэтка. Из частн[ой] коллекции.
529. Пурьву. Пожертв[ован] Д.Г. Гомбоевым.
530. Дулдуй, или харсиль, железный жезл; верхняя его часть состоит из четырех железных рогов, между которыми помещается субурган, увенчанный другим субурганом. Пожертв[ован] Юмж. Л. Лумбуновым.
531. Дулдуй. Пожертв[ован] им же.
532. Картина, составляющая неизбежную принадлежность дулдуя; употребляется при возношении молитв к 16 найданам. На ней изображены сверху: 1) намджар, 2) лагой, 3) тангой (три ламских одеяния), 4) дэнва, или подстилка на сиденье; внизу: 1) бадир-аига, 2) дулдуй, 3) шапка баньчо, 4) шапка ша-сэр, 5) гэрak, кушак, 6) чушик, водяное сито и 7) готул, сапоги. Пожертв[ована] Юмж. Л. Лумбуновым.
533. Другая картина, также употребляемая вместе с дулдуем при молитве к 16 найданам. На ней в середине изображено [сиденье] будды Шакьямуни; вокруг него 16 белых [сидений] для 16 святых найданов; по 4 сторонам рисунка места для 4 царей Махарандза. Пожертв[ована] Юмж. Л. Лумбуновым.

К отделу III

534. Дамару. Пожертв[овано] Д.Г. Гомбоевым.
535. Ухырь-буре, «труба-корова». Длина 107 дюйм[ов],

поперечник раструба – 7 дюйм[ов]. Пожертв[овано] хамбаламой Д.Г. Гомбоевым.

536. Цанг, музыкальн[ые] тарелки. Из коллекции г[осподина] Павлицева.

537. Дун-буре. Из частн[ой] коллекции.

Принадлежности жертвенника:

538. Шукур, зонт перед божницей. Пожертв[ован] Юмж. Л. Лумбуновым.

539. Лабари, сень над божницей. Пожертв[ован] Юмж. Л. Лумбуновым.

540. Жалцан, цилиндр, вывешиваемый перед жертвенником. Пожертв[ован] хамбаламой Д.Г. Гомбоевым.

541. Долон-эрдени, семь фигур, выставяемых на жертвеннике. Пожертв[ованы] Юмж. Л. Лумбуновым.

542. Бадир-аига (бадар-аяга), чаша для милостыни. Пожертв[ована] Юмж. Л. Лумбуновым.

543. Лампада (гал-пугуцу). Пожертв[ована] Д.Г. Гомбоевым.

544. Балин, сделанный из дерева, на квадратном подносе. Пожертв[ован] Д.Г. Гомбоевым.

545. Балин небольшой величины. Пожертв[ован] им же.

546. Сор в виде трехгранной пирамиды; на вершине – головка хохимой; вдоль ребер красное пламя. Пожертв[ован] Д.Г. Гомбоевым.

К отделу IV

547. Вид внутренности образной комнаты тибетского ламы. (Из атласа, приложенного к [книге] о путешествии в Тибет Шлагинтвейта).

548. Божница из частной образной богатого ламы.

549. Тушилгэ, подушка на спинку престола. Из желтой шелковой [ткани]. Пожертв[ована] Д.Г. Гомбоевым.

550. Оркимчжи, верхнее облачение лам. Из красной шелковой [ткани]. Пожертв[овано] Д.Г. Гомбоевым.

551. Лагой, верхнее облачение лам. Из желтой шелковой [ткани]. Пожертв[овано] Д.Г. Гомбоевым.

552. Намчжар, верхнее облачение лам; из желтой шелковой [ткани]. Пожертв[овано] Д.Г. Гомбоевым.

553. Чабир, или цабир. Пожертв[ован] Д.Г. Гомбоевым.

554. Бойпор, кадилъница. Пожертв[ована] Д.Г. Гомбоевым.
 555. Дарчжок. Пожертв[ован] хамба-ламой Д.Г. Гомбоевым.
 556. Курдэ, ветряная молитвенная мельница на столбе, построенная бурятами близ Селенгинска. Рисунок г[осподина] Дудина.
 557. Сансарийн-курдэ. Собств[енность] В.В. Птицына.
 558. Птица Гаруди. Резное изображение из дерева. Пожертв[овано] Д.Г. Гомбоевым.
 559. Деревянный крест с наклеенными на нем плодами какого-то растения, которые называются линхова (цветок) или цзамбага. Пожертв[ован] Д.Г. Гомбоевым.
 560. Клише с сделанным на нем оттиском. Пожертв[овано] Д.Г. Гомбоевым.

Публ. по: *Каталог выставки предметов внешней обстановки жизни лам / сост. И. Подгорбунским и Г. Потаниным. Иркутск: тип. газеты «Восточное обозрение», 1888. 76 с.*

* Сост. по: *Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. / гл. ред. В.А. Ламин. Новосибирск, 2009. Т. 1-3; Иркутская летопись 1661–1940 гг. / сост. Ю.П. Колмаков. Иркутск, 2003; Иркутск: историко-краеведческий словарь. Иркутск, 2011.*

КОММЕНТАРИИ*

¹ Дампил Гомбоевич Гомбоев (1831–1896), бурятский религиозный деятель, глава буддистов Восточной Сибири; состоял членом Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, в 1888 г. подарил отделу коллекцию предметов буддийской культуры.

² Николай Аполлонович Чарушин (1851–1937), окончил Вятскую мужскую губернскую гимназию, учился в Санкт-Петербургском технологическом институте. Как участник антиправительственного народнического

движения был сослан в Сибирь; освоил фотографию, пополнял своими фотоснимками сибирские музеи. В 1888 г. в составе экспедиции Г.Н. Потанина посетил Монголию, откуда вывез богатую коллекцию снимков.

³ Август Иванович Скасси (1843–?), военный топограф, участник первой китайской экспедиции Г.Н. Потанина 1884–1886 гг., в которой произвел топографическую съемку местности протяжением 6600 верст, сделал множество фотографических снимков (до 200 видов и типов). За экспедиционные труды был награжден золотой медалью Императорского Русского географического общества.

⁴ Василий Степанович Ефремов (1845–1915), фотограф, публицист, один из редакторов газеты «Восточное обозрение».

⁵ Сергей Борисович Туманов (1842–1890), меценат, внештатный сотрудник Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества; занимался изучением хозяйственной деятельности, быта и верований бурят.

⁶ Герман Ольденберг (1854–1920) — немецкий санскритолог, буддолог и историк религии.

⁷ Иван Константинович Педашенко (1833–1915 или 1919), иркутский и енисейский губернатор, амурский и забайкальский военный губернатор.

⁸ Евгений Павлович Пандер, преподаватель русского языка в Пекинской коллегии иностранных языков, член Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества; подарил Иркутскому музею коллекцию из 12 статуэток буддийских божеств.

⁹ Владимир Васильевич Птицын (1854–1908), действительный член Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Собирал материалы по истории сибирской каторги, издал сборник арестантских песен, собирал коллекцию предметов буддийского искусства.

¹⁰ Алексей Павлович Игнатъев (1842–1906), граф, генерал-лейтенант, генерал-губернатор Восточной Сибири (в 1885–1899 гг.).

¹¹ Всеволод Иванович Вагин (1823–1900), выпускник Омского войскового казачьего училища, занимался изучением истории Сибири, участвовал в создании и редактировании первой в Сибири частной газеты «Сибирь», состоял членом Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества.

¹² Василий Львович Приклонский (1852–1898), чиновник, изучал историю Якутии, подготовил книгу «Летописи Якутского края». В 1884 г. подарил Иркутскому музею свою этнографическую коллекцию.

¹³ Алексей Дмитриевич Старцев (1838–1900), селенгинский купец 1-й гильдии, занимался чайной торговлей; собирал коллекцию предметов буддийской культуры, владел библиотекой редких и древних книг по востоковедению.

¹⁴ А.И. Воробьев занимался торговлей в Монголии, состоял младшим компаньоном торгового дома «М. Коковин и И. Басов»; сотрудничал с Восточно-Сибирским отделом Императорского Русского географического общества.

¹⁵ Николай (Найдан) Иванович Гомбоев (1837–1906), бурят по происхождению, брат хамба-ламы Д.Г. Гомбоева. Служил переводчиком в российских консульствах в Урге и Пекине, был управляющим почтовой конторой российской дипломатической миссии в Пекине; произведен в чин статского советника. Участвовал в научных экспедициях, коллекционировал памятники буддийской культуры; в 1890 г. подарил Иркутскому музею 30 статуэток и картин.

¹⁶ Юмжап Лумбунович Лумбунов — коммерсант, занимается этнографией и коллекционированием.

¹⁷ Петр Адамович Милевский (? – после 1907), иркутский фотограф, участник Всероссийских фотовыставок 1889 и 1890 гг.; сотрудничал с Восточно-Сибирским отделом Императорского Русского географического общества.

¹⁸ Леонид Александрович Карпинский (1843–1903), выпускник института Корпуса горных инженеров в Петербурге, начальник Иркутского горного управления; будучи членом Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, исполнял обязанности председателя.

¹⁹ Ирдыни Вамбоцернов (Вамбоицэрэнов), бурят по происхождению; член Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, приобщился к исследовательской работе, опубликовал в 1890 г. статью об облаве у хоринских бурят.

²⁰ Константин Прокофьевич Михайлов (1858–1903) сотрудничал в Восточно-Сибирском отделе Императорского Русского географического общества, публиковался в газете «Восточное обозрение».

²¹ Михаил Леонардович Войнич (1865–1930) окончил Сувалкскую мужскую гимназию, в 1885 г. сдал экзамены при Императорском Московском университете и получил звание аптекарского помощника. Участвовал в революционном движении, был сослан в Восточную Сибирь, откуда бежал, жил в Лондоне, был хранителем фонда для вспомоществования проживающих за границей русских эмигрантов. Позже эмигрировал в США, занимался антикварной торговлей.

²² В.А. Динесс, фотограф, владелец фотоателье в Иркутске.

Н.М. ЯДРИНЦЕВ О ПОЕЗДКЕ ПО ВОСТОЧНЫМ ТЕРРИТОРИЯМ РОССИИ ДЛЯ ОБОЗРЕНИЯ МУЗЕЕВ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ

Николай Михайлович Ядринцев (1842–1894) широко известен как общественный деятель, идеолог сибирского областничества, издатель и редактор газеты «Восточное обозрение», в которой впервые были сформулированы и освещались экономические, социальные, культурные проблемы развития Сибири. Ядринцев выступал как исследователь Сибири, рассматривал историю края в публицистических и научных трудах, занимался археологическими раскопками. В 1889 и 1891 гг. участвовал в экспедиции в верховья р. Орхон в Монголии, где были открыты и обследованы развалины Каракорума, древней столицы Чингис-хана. Результаты раскопок были обнародованы в «Известиях Императорского Русского географического общества» (1890), на заседаниях Парижского географического общества и на Международном Московском конгрессе исторической археологии и антропологии.

Во время поездки по городам азиатской части России, об итогах которой он докладывал в Императорском Русском археологическом обществе в 1879 г., Н.М. Ядринцев встречался с сибирскими археологами, коллекционерами и музейщиками, выказал глубокую заинтересованность в научном освоении восточных окраин и подготовил первый по времени разработки обзор музейной жизни Сибири, выразил свое понимание роли музеев как центров собирания, сохранения и изучения памятников истории и археологии.

Н.М. Дмитриенко

Приступая к докладу моему в Императорском [Русском] Археологическом обществе о летней поездке своей на восток до Иркутска, во время которой произведен мною осмотр археологических работ и коллекций, я должен сказать, что поручение Императорской археологической комиссии совпало с моим собственным планом и намерением осмотреть древности, памятники и курганы в Западной и Восточной Сибири, для той этнографической и археологической работы по истории древней и новой культуры сибирских инородцев, которую я веду уже несколько лет. Я имел в виду также сравнить типы могильников и древности Восточной Сибири с могильниками Западной Сибири, которые я ранее видел, а также отыскать связь и сходство алтайских древностей с уральскими, пермскими и болгарскими древностями, для чего я останавливался в Перми, Екатеринбурге и Казани, осмотрев в последней Музей университета.

Моя поездка заняла 3½ месяца, причем я проехал взад и вперед расстояние в 9000 верст. Достигнув Зауралья, я посетил Екатеринбург, Тюмень, Тобольск, Томск, Мариинск, совершил поездку в леса Мариинского округа более 100 верст верхом, далее останавливался в Ачинске, в Красноярске, откуда проехал по Енисею до Минусинска, где осматривал могильники и сделал поездку в Абаканскую степь. Затем я воротился назад в Красноярск и проехал до Иркутска, откуда совершил экскурсию на Байкал. Обрато я возвратился по главному тракту, не сворачивая более в Минусинск. Обратный путь до Петербурга занял у меня около месяца. Значительная часть времени была поглощена длинной и утомительной дорогой, так как более 3½ тысяч верст пришлось сделать на лошадях. Имея в виду огромные сибирские расстояния, я должен был спешить и не мог останавливаться подолгу в одной местности для самостоятельных работ.

Поездку я совершал на свой счет и все, что я собрал и делал, это своими собственными средствами. Само собой я не мог делать раскопок, и даже у меня не было средств приобретать научные ценности. Тем не менее я старался собрать научный материал, заменяя приобретение вещей рисунками, снимками, и при помощи осмотра частных и общественных

музеев и коллекций мог составить себе понятие о накопленных археологических материалах на Русском Востоке, как и о работах, производимых различными лицами в последнее время. Я полагаю, что настоящая работа принесет свою пользу Археологическому обществу, так как, имея сношения далеко не со всеми собирателями древностей и учреждениями, оно не знало о многих коллекциях, и в самом археологическом материале должны были быть при этом пробелы. Точно так же ни Археологическая комиссия, ни Археологическое общество не могли знать обо всех раскопках и находках, наконец, доселе не было попытки составления карты курганов и памятников за Уралом, как и сведения археологических результатов в одно целое. Мне выпало на долю представить общую картину и сделать свод всего, что представляется в данное время взору исследователя-археолога, а также собрать сведения по районам обо всех работах, произведенных в последние 20 лет, и преимущественно о тех, которые были доселе неизвестны. Осмотр музеев помог мне видеть сразу массу древностей. Положение мое в этом отношении было выгоднее моих предшественников: я мог видеть целые коллекции предметов в различных частях Сибири уже готовыми, а музеи были значительным облегчением при собирании археологических сведений. О значении этих музеев, создающихся ныне в Сибири и на востоке, я буду иметь честь сообщить.

Начну, однако, с отчета и перечня музеев, посещенных мною. В Москве я осмотрел Исторический музей и отметил особенно сибирские древности. Здесь находилась часть коллекции бронзовых орудий И.А. Лопатина. Среди них заслуживают внимания разной формы ножи с вкладками, бронзовые копья листовидной формы, бронзовые лопатки, названные пестиками, и миниатюрная бронзовая чаша, как бы модель скифских чаш, бронзовые цельты с двумя ушками, цельты без ушков, но с дырочками, бронзовые кинжалы разных форм и, наконец, боевой топор, превращающийся в жезл и напоминающий чекан. Это орудие особенно возбуждает внимание археологов, и я скажу о нем, говоря о раскопках в чудских могилах. Далее заслуживает внимания коллекция, принесенная в дар М.К. Сидоровым¹, состоящая из бронзовых орудий

Минусинского округа. Здесь также находятся цельты, копыя, бронзовая ложка и бронзовые топоры изогнутой формы, находимые в разных местах. В музее находятся и древности, взятые с левого берега Иртыша – Тюкалинского и Тарского округов, добытые покойным М.В. Малаховым. Они состоят из коллекции железных стрел, стремян, удила и бронзовых украшений на коже, из которых заслуживает внимания охотник с кречетом в руках. Тут же находятся вещи из курганов Пермской губернии, доставленные Н.Ю. Зоографом. Оставив осмотр казанских древностей до обратного пути, я обратил внимание, согласно поручению Археологической комиссии, на Пермскую губернию. Она занимала меня также по массе любопытных предметов, найденных в Пермской губ[ернии]

** Antiquites du Nord finno-
ongrien. Helsingfors, 1877
(прим. автора).*

и занесенных в атлас Аспелина*. Но к величайшему разочарованию, я не нашел в этой губернии ни одного археолога и ни одного полного собрания древностей. Узнал я только, что есть частная коллекция древностей у г[осподина] Теплоухова в Ильинске. В Екатеринбурге древности собираются при Уральском обществе естествознания. Благодаря Анисиму Егоровичу Клеру, секретарю общества, я посетил этот музей и, кроме зоологической и минералогической коллекций, встретил каменные орудия и бронзовые предметы, полученные при раскопках М.В. Малахова, Зырянова и Теплоухова.

В Уральском музее находятся костяные и каменные стрелки, медные вогульские идолы. Обращают внимание на себя лыжи, найденные на глубине 10 аршин в золотоносном пласте в Березовском руднике, в 18 в[ерстах] от Екатеринбурга. Они доставлены инженером Нестеровским. На этой предполагаемой лыже находится вырезанное изображение лица, похожее на финского идола; хотя форма куса дерева напоминает лыжу, но доселе изображений на лыжах не встречалось, а есть изображения на деревянных досках, стоящих у остяков близ кладбищ, поэтому предстоит еще определить эту находку. Г[осподин] Клер доселе собирает каменные вещи близ Палкина на устье Исети, на месте, где открыл множество каменных орудий М.В. Малахов. Несомненно, здесь находилась

стоянка древних племен. Никаких надписей и рисунков, снятых с камней, я не видел, между тем известно, что такие есть на Тагиле*. Из записок Уральского общества любителей естествознания я узнал о том, что производились раскопки г[осподином] Теплоуховым в Соликамском уезде, близ села Кудымкара, лежащего при впадении речки Кушвы в Иньву, где находится городище и найдено немало бронзовых вещей. Г[осподин] Малахов тоже раскапывал это городище и нашел вещи из бронзы, из кости и каменные орудия. Он открыл здесь погребальные пласты, в которых отыскано 7 остовов. Г[осподин] Иванов в селе Купрасе нашел также городок. В дер[евне] Тыстоноговой, в Соликамском уезде, обвал реки вымывает множество костей, бронзовых и железных орудий.

* По течению р. Тагил, в 80 в[ерстах] около деревни Гаевой, — пещера. Над ней надписи на скале. Показание уральского крестьянина (прим. автора).

Близ села Сивы Оханского уезда г[осподин] Иванов добыл человеческий череп с бронзовыми вещами. О находках г[осподина] Иванова напечатано в Трудах Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете (Т. 10, вып. 1. С. 5–6, 22–25). О пермских древностях мы находим статью в «Записках Императорского Археологического общества» (СПб., 1856. Т. 8. С. 210–213). Затем в «Пермском сборнике» (изд[ание] 1859 г. под ред[акцией] г[осподина] Смышляева) также были статьи по археологии Пермского края, а именно заметки о курганах в Шадринском уезде А. Зырянова («Пермский сборник». С. 130) и «Заметка о пермских древностях» Ешевского (Там же. С. 132). Наконец, в сборнике статей, касающихся Пермской губернии и помещенных в неофициальной части [Пермских] губернских ведомостей в период 1842–1881 годов, изданных Пермским статистическим комитетом в 1882 году в память Н.К. Чупина, можно видеть ряд статей по археологии Пермского края, помещенных в губернских ведомостях. <...>

Находя обширный литературный материал о древностях Пермской губернии и видя из рисунков, какие драгоценные предметы для археологии попадались в Пермском крае, мы тем более должны выразить сожаление, что нигде нет

цельной коллекции этих вещей и ни одного археологического хранилища в Перми и Пермском крае, так как Уральский музей, мы видим, не задавался сосредоточиванием у себя всех археологических коллекций. Из лиц, занимавшихся археологией в последнее время, мы встречаем труды в этом крае г[оспод] Теплоухова, Зырянова, покойного Малахова, особенно занимавшегося каменным веком, и Иванова. Нельзя не пожалеть об отсутствии археологических изысканий и сведения всего, сделанного в Пермском крае, в одно целое, тем более, что пермские древности имеют ближайшее соотношение с Урало-Алтайской культурой и могли указать степень ее распространения, а также пролить свет на родство и сношения древних народов Урала с восточными соседями. Находимые идолы, зеркала, цельты и т. п. вещи и теперь наглядно указывают уже на связь этой культуры. Ананьевский могильник содержал вещи, столь же сходные с алтайскими, как и со скифскими.

Отправившись далее на восток, мы остановились в Тюмени и здесь нашли при техническом училище богатую археологическую коллекцию, собранную И.Я. Словцовым, директором этого училища². Тюменский округ не был доселе исследован в археологическом отношении, несмотря на то, что самый город построен на месте татарского городка Ченги-Тура, и масса древних татарских городков находилась по Туре и Тоболу, т. е. там, где был путь Ермака. В Тюменском округе доселе немало курганов. О некоторых из этих курганов существовала легенда, рассказывающая, что вызванный в Петербург генерал-губернатор Гагарин, управлявший Сибирью при Петре I, отправил людей по Туре закопать клад. Лодки прибыли и взяли с собой татар. Около одной деревни они закопали клад, состоявший из бочонков золота, в укромном месте, но при этом случилось следующее: один из непосвященных хотел подсмотреть, где зарывают клад и был убит. Осталось предание, что клад закопан близ деревни под тремя елями, на которых вырезаны были знаки. Легенда эта дала повод впоследствии явиться одному татарину в Тюмень и продать этот мнимый секрет купцу. Тот нарядил людей в деревню и учинил чудовищную раскопку. Копали, говорят,

сплошь почву на несколько десятин около деревни, снесли массу курганов, а золота не нашли. Все постороннее, конечно, бросалось и ценности находкам не придавалось.

Сколько здесь погибло при этой варварской раскопке археологических предметов, неизвестно. Говорят, что здесь попадались бронзовые вещи и даже в берегу будто найдена была лодка, скованная медными гвоздями. Для ученого этот памятник был бы драгоценностью. Раскапывали многие курганы в этих местах, конечно, крестьяне и расхищали их, но вещей из Тюменского округа почти не встречалось в ученых кабинетах. И.Я. Словцов первый предпринял научные изыскания в округе. Первый обзор его уже в 1883 году ознаменовался замечательным открытием близ Тюмени. Осматривая Андреевское озеро в 20 в[ерстах] от Тюмени, И.Я. Словцов как натуралист обратил внимание на лежащие подле [него] холмы. Расположение соседнего озера Бутурлинского и вообще топографические условия обрисовали ему характер заливной долины. Холмы тянулись между озерами. Исследовав подробно местность, г[осподин] Словцов наведен был на догадку о том, что перешеек между озерами и южная часть озера могли представлять когда-то древнее местожителство. Исследование песчаных холмов подтвердило это. С замечательной обстоятельностью и вниманием И.Я. Словцов приступил к работам и сделал первые находки каменных орудий и гончарной посуды.

Признаки обитания найдены на южном берегу озера в 4-х местах. Самое большое количество остатков глубокой древности найдено по южному берегу пролива, соединяющего Андреевское озеро с Бутурлинским. Первобытный человек в этом месте, как видно, пользовался услугами двух озер. Предпринятые здесь работы, при содействии Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, дали возможность [Словцову] систематически и последовательно исследовать местность и получить богатые результаты. Им найдено до 500 предметов, из которых большинство принадлежит к каменному веку. На этой местности, вплоть до реки Вышмы, г[осподин] Словцов открыл до 4-х городков, обнесенных валами в виде полукругов и изрытых

ямами (г[осподин] Словцов указывает, что по внешнему виду эти городки напоминают открытые близ Николаевска-на-Амуре). Работы производились траншеями. По берегу найдены были каменные топорики, причем один замечателен тем, что сделан был из железного шпата с побежалостью лимонита (т. е. из железной руды), что наводит на мысль о том, что руда и в сыром виде служила для орудий, так что впоследствии какая-либо случайность, подвергнувшая это орудие огню, могла навести на мысль о выплавке. Находки в Андреевском озере каменных орудий сопровождались нахождением глиняной посуды и глиняных орудий: в той же траншее с каменными орудиями найдено было до 6 целых и 10 обломков глиняной посуды и цилиндров. Г[осподин] Словцов мог сделать одну догадку об употреблении этих цилиндриков, не служили ли они плитками при плетении неводов. Рядом встречаются и глиняные орудия, напоминающие моталку для ниток, затем орудия в виде сплюснутого шара с желобком, сходные с найденными на Амуре Пахтинскими, которые принимали за первобытные молотки, но, по объяснению г[осподина] Словцова, это могли быть грузила. Таким образом, рядом с каменными орудиями найдено и множество орудий рыболовства. Замечательно также было следующее открытие: на подъеме почвы около траншеи найдены были полушаровидные углубления, сплошь наполненные полупроплавленной железной рудой, вероятно тем же шпатовым железняком. Тут же вблизи найдены были и куски железной руды. Таким образом, г[осподин] Словцов открыл здесь первобытную плавильню. Открытие это замечательно тем, что оно совпало по времени с открытием кричной плавки железа

на Бологовском мысу князем Путятиным*. Из этого уже видно, до какой степени исследования г[осподина] Словцова были важны. Подробный отчет о всех найденных орудиях помещен в «Записках» Западно-Сибирского отдела Географ[ического] общества, мы же имели возможность видеть эту богатую цельную коллекцию налицо у г[осподина] Словцова. Она состоит из каменных орудий, топоров,

* Кроме того, была разрыта печь, где обжигалась глиняная посуда; масса разнообразной глиняной посуды иллюстрировала гончарное искусство этого времени и приемы производства (прим. автора).

стрелок, скребков, выделанных из глины орудий – цилиндров, бляшек, мотовил, грузил и т. п. Шила* из камня, кирки из железного шпата; ножи, или клы, из зеленого кремнистого сланца, напоминающие экземпляр в Румянцевском музее, и нож, найденный в Мамонтовой пещере. На городке найдены бляшки из красной меди и костяные стрелы. Из 400 предметов найдены только 3 предмета металлических и 10 костяных. Железные шлаки и ямы находятся рядом с каменными орудиями. В это время выплавка железа была крайне плоха, и здесь найдено только пластинка в виде ножа и железный крючок. Но первые опыты изготовления железных орудий указывают на отношение к периоду предшествовавшему.

** Так в тексте,
правильно – шилья.*

В своем описании, говоря о стоянках и жилищах первобытного человека, найденных близ Тюмени, г[осподин] Словцов считает их древнейшими обиталищами, не тронутыми и не разоренными позднейшими нашествиями новых народов. Кроме предметов из раскопок, г[осподин] Словцов задался целью собрать в кабинет музея и другие находки из разных мест округа: так, у него мы видели полученное серебряное блюдо и два серебряных кувшина из Обдорска, находившегося около кумиров остяков. На блюде изображен рисунок финских божеств, а сосуды представляют замечательное изящество и красоту выделки в восточном среднеазиатском вкусе. Кроме того, мы видели в его коллекции бронзовый цельт известной алтайской формы, найденный в Тюменском округе в 4-х верстах от Тюмени, в деревне Гилевой. Наконец, доставлен бронзовый топор-цельт из Тарского округа. В том же Тюменском музее г[осподин] Словцов сосредоточил и множество палеонтологических предметов, характеризующих вымершую фауну окрестностей Тюмени. Эти остатки найдены по берегам р. Туры и Тобола. Из них обращают на себя внимание множество костей, в том числе черепов мамонта, челюстей с бивнями, голова носорога, ширококоргий олень, торфяной олень, северный олень, зубр, мускусник и др. Г[осподином] Словцовым найдено было также ребро мамонта в слое каменных орудий, но он воздерживается

от заключения о совместном существовании человека с мамонтом.

После богатой коллекции г[осподина] Словцова мы должны перейти к отчету о тобольских раскопках и древностях. Несмотря на то, что Искер и другие города около Тобольска, завоеванные русскими, известны уже 300 лет, однако с последнего времени, здесь никто не производил систематических изысканий, и только в последнее время сделаны были изыскания на Чувашском мысу и близ Искера.

Особенно заслуживает внимания открытие каменных орудий близ Тобольска. Эти каменные орудия были найдены близ Тобольска еще в 1870 году путешествовавшим на север И.С. Поляковым и представлены в Московское общество естествознания, этнографии и антропологии. Затем мне известно, что по инициативе одного чиновника приказано было тобольскому исправнику разыскивать и собирать орудия каменного века. Действительно, исправник Дзержинский собрал массу каменных орудий, отобранных чрез волостных писарей в разных волостях. Часть этих орудий отправлена была главным начальством в Москву, другая часть осталась у исправника Дзержинского. Где и в каких местах были найдены эти орудия, так и осталось тайной, а потому эти коллекции едва ли могут служить материалом для научной разработки. Точно так же в Тобольской губернии производил археологические изыскания секретарь статистического комитета Голодников³, но, ввиду отсутствия всякой подготовки, разрытие им могил не дало важных результатов, и находки, встреченные в виде костей и черепков, не имеют особого интереса.

Находимые вещи на Искере и близ Чувашского мыса возбудили, однако, внимание одного из весьма образованных лиц в Тобольске – Михаила Степановича Знаменского⁴. Понемногу он начал собирать находимые вещи, постепенно производил тщательное исследование местности и ныне составил описание, план Искера, и изготовил прекрасный акварельный альбом найденных им вещей. Он имеет любопытную коллекцию археологических предметов, часть которой уже перешла в Сибирский университет [в Томске]⁵. Работы

и изыскания М.С. Знаменского заслуживают особого внимания и признательности. М.С. Знаменский по моей просьбе составил записку для Императорского Русского археологического общества обо всех найденных им предметах и планы замечательных местностей и городков близ Тобольска. Г[осподин] Знаменский обращает особое внимание на то, что берег Иртыша все более подмывается, и потому самое стойбище вместе со всеми археологическими остатками уносится Иртышом. Г[осподин] Знаменский советует, пока еще не ушло время, произвести работы в уцелевшем берегу, ибо можно предвидеть, что знаменитый Искер, место татарской столицы, взятый русскими и послуживший первым станом их, совершенно исчезнет в волнах могучей сибирской реки. Г[осподин] Знаменский представил планы и положение прежнего и нынешнего Искера по отысканным им планам.

Что касается коллекции М.С. Знаменского, то она состоит из самых разнообразных орудий. Найденные им каменные орудия и множество костяных вещей представляют ложки, утварь, сделанные из кости музыкальные инструменты, костяные топоры. Из бронзовых вещей – идолы, пряжки, украшения, фигуры зверей, принадлежности к сбруе, из железных – железные орудия, пряжки, остатки панцирей, удочки, сошники. В обилии находятся глиняная посуда, глиняные кружки для веретен, точно так же близ того же Искера попадают обломки фарфоровой китайской посуды вместе с китайскими предметами. Из других вещей заслуживают внимания обломок древней пищали, ножницы с китайским клеймом, весы, подобные мерянским, и т. п. Кроме того, падается много бус, колец.

Предметы эти показывают различные наслоения и ряд культур различных обитателей, сменявших одни других.

После каменных орудий встречаются бронзовые и железные, причем находимые формы бронзового литья убеждают, что орудия эти здесь тоже выделялись, подтверждают и находимые шлаки. После звероловных и рыболовных первобытных орудий встречаются жернова, сошники и серпы, т. е. орудия земледельческие, показывающие, что татары, обитавшие до пришествия русских, занимались земледелием.

Серебряные поделки носят след изящной и тонкой работы. Образцы этой работы сохраняются доселе у подгородных татар. М.С. Знаменский собрал любопытную коллекцию татарских амулетов, браслетов и других изящных вещей, указывающих на замечательное развитие ремесленности, сохранившееся от прежнего времени. Я приобрел две такие старинные вещи, которые передал в Императорскую археологическую комиссию. Заинтересованный изучением образцов древней культуры, я нашел впоследствии в Казани целую выставку произведений, которые подделывались к старинным образцам и приносивлены к вкусу инородцев. Произведения эти выделяет Рыбная Слобода на Волге и сбывает мордвинам, вотякам, башкирам, киргизам и татарам. Замечательно, что все эти произведения сообразуются со вкусом и требованиями каждого из этих племен. Эти произведения ныне проникают до отдаленного востока; разница их от древних, однако, в том, что они делаются из меди и только серебрятся, между тем как прежние были из серебра, украшены золотом, камнями и т. п.

Кроме собранных древностей М.С. Знаменского, в последнее время производил изыскания и раскопки близ того же Тобольска, около Панина Бутра, бывший тобольский вице-губернатор Дмитриев-Мамонов⁶. Коллекцию А.И. Дмитриева-Мамонова мы видели в фотографиях*. При раскопках найдены бронзовые орудия, алтайские цельты, медные ножи, костяные стрелы, подобие сошника с орнаментом, напоминающим болгарские вещи, медные идолы пермского типа, глиняные горшки и проч. Наконец, при этих же раскопках найдены черепа. О раскопках этих до сих пор не появлялось отчета, и вещи находятся у г[осподина] Дмитриева-Мамонова.

Видя распространение бронзовых орудий по всей Тобольской губ[ернии], в Тобольском, Тюменском и Тарском округах, мы старались по пути узнать о находках к северу от Тобольска и поэтому произвели расспросы в селе Самарове. В селе Самарове на горе пробовала производить раскопку экспедиция Брема, предполагая здесь городище или

* Фотографии эти
пересланы в Московское
археологическое
общество (прим. автора).

остаток могил, но изыскание это было безуспешно. Между тем мне передавали, что лет 18 назад около Самарова находимы были бронзовые изображения в виде коньков, оленей, цепочки, подвески и пр. Крестьянин Змоновский из дер[евни] Скрипуновой на Оби, в 60 верст[ах] от Самарова, сообщил, что у них также попадаются разные бронзовые вещи. Около Сургута я узнал также о находках бронзовых предметов на Оби, наконец, такие находки сделаны в Нарымском округе, и я видел прекрасные бронзовые копья, доставленные в Западно-Сибирский отдел Географического общества в Омске. Недавно найден там же бронзовый кинжал, доставшийся одному доктору.

Район между Иртышом и Обью, известный под именем васюганских болот, включает инородческое население из остяков и остяко-самоедов, но здесь никаких археологических исследований не делалось, хотя, судя по некоторым указаниям, и здесь жило весьма давно население, стало быть, могут быть и находки памятников древнейшей культуры.

В Томске я вновь должен был обратить внимание на частные коллекции и музеи. Я осмотрел здесь собрание древностей в университетском кабинете, видел частные коллекции у А.В. Адрианова⁷, Н.Н. Петухова⁸. [Профессор] В.М. Флоринский положил начало собранию древностей при будущем Сибирском университете, и я здесь нашел часть коллекции г[осподина] Знаменского, множество предметов из Алтая, из Семиреченской области. В музее находится уже 5 кольчуг и 2 шлема, найденных в Сибири.

В тобольской коллекции находятся костяные орудия, каменные, бронзовые и железные. Среди алтайских предметов заслуживают внимания котлы скифского образца, зеркала, цельты и ножи. Из семиреченских древностей: каменные бабы и оросительные глиняные трубы с ирригационных полей. В коллекции г[осподина] Адрианова и г[осподина] Петухова я нашел значительное число алтайских бронзовых орудий, цельтов, ножей, кинжалов, зеркал бронзовых и т. п. Г[осподин] Адрианов был так обязателен, что дал мне несколько фотографических снимков всех своих находок для представления в Археологическое общество.

Так как у г[осподина] Адрианова находятся в высшей степени любопытные и драгоценные находки, это маски, найденные в жертвенной яме около Минусинска, то маски эти я просил срисовать художника П.М. Кошарова⁹. Около Томска до сих пор почти не производилось раскопок, и только в последнее время г[осподин] Адрианов направил исследования на Тоянов городок. Положение этого городка и план его обязательно срисован для меня П.М. Кошаровым, и я его передаю в общество.

По дороге из Томска в Мариинск я обратил внимание на курганы, находящиеся близ Ачинска, и на небольшой городок, находящийся в 5 в[ерстах] от этого города. Что касается курганов, то они попадаются около Краснореченска, Боготола и тянутся до г. Ачинска. Крестьяне выпаживают здесь разные бронзовые вещицы, костяные стрелки, находят и каменные стрелки. Никто доселе, однако, не собирал их.

В 20 вер[стах] от села Краснореченского, по дороге к Ачинску, я узнал о замечательной пещере с ходами и срубам, где находили костяные стрелки; ее никто доселе не исследовал.

Красноярск представил снова пункт любопытный в археологическом отношении. Многие редкости давно собирались здесь путешественниками. Около Красноярска известен был Змеиный городок, описанный путешественниками и г[осподином] Поповым*, но городок этот по исследованиям г[осподина] Савенкова не дал никаких результатов. Гораздо важнее оказались исследования И.Т. Савенкова¹⁰ на местах, где попадались каменные орудия. Известный археолог и исследователь сибирских древностей Попов ничего не упоминает о каменных орудиях. Г[осподин] Савенков обращает внимание прежде всего на Базаиху, местность неподалеку от Красноярска, и делает здесь любопытнейшие находки каменного века. На этой Базаихе находилась, несомненно, древняя стоянка, здесь же попадались и черепа жителей каменного периода. И.Т. Савенков передал мне, что когда-то черепа

* Г[осподин] Попов посвятил целый ряд статей минусинским и енисейским древним памятникам в «Известиях Сибирского отдела Императорского Русского географического общества» (Иркутск) (прим. автора).

эти попадались в таком изобилии, вымываемые из песка, вероятно, разливом, что мальчишки для забавы делали из них мишень и разбивали камнями. Г[осподин] Савенков собрал, возможно тщательно все, что находилось на Базаихе. Городок позади Базаихи не представляет при перепахивании почвы никаких остатков орудий. Несомненно, городок с валом служил временной защитой для войска. Гораздо более обильна древностями местность близ Красноярска, находящаяся у кирпичных сараев, на склоне так называемой Афонтовой горы. При осмотре раскопок глины для добывания кирпича на глубине 2 и 2½ ф[ута] И.Т. Савенков открыл слой, заключающий в себе палеонтологические остатки и каменные и костяные орудия самого древнего происхождения. Из всего этого, вместе с произведенными изысканиями в других местах и раскопками курганов на Базаихе и на приiske близ реки Узунжул, у г[осподина] Савенкова скопилась одна из богатейших коллекций, которую он разрабатывает и представил несколько отчетов и записок по этому поводу в Восточно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества в Иркутске. Не принимая на себя смелости передавать результаты сделанных открытий, я просил И.Т. Савенкова дать записки о своих работах, которые и представляю Археологическому обществу. Сам же считаю нужным передать о впечатлениях, вынесенных при обзоре коллекций и материалов И.Т. Савенкова. Коллекция каменных орудий, добытых на Базаихе и около Афонтовой горы, представляет теперь до 1000 экзempl[яров], одних стрелок – около 300. Стрелки делятся на боевые и звероловные, они напоминают стрелки индейцев. Г[осподин] Савенков удостоверяет, что приготовление стрелок здесь производилось костяной обивкой или нажиманием. Кремневые и костяные стрелки имеют между собой сходство, видны переходы к костяным топорам; костяные ножи выделялись из локтевой кости оленя; попадаются диоритовые тесла для долбления, палочки для горшечного производства, наконец, заслуживают особого внимания найденные на этой стоянке каменные амулеты из агамотолита, изображающие разных животных, и подвеска в форме каменного кольца. Курганы на Базаихе

также дали богатые результаты. Здесь попадаются кости животных, сохатого и неолитические орудия, попадаются костяные орудия оригинальной формы, представляющие первую стадию обработки из рога. Между прочим, соединение костяных орудий с кремневыми, как, напр[имер], ребро, в желоб

* Имеется в виду работа датского археолога Е.-Я. Ворсо (1821–1885), директора Королевского датского музея, члена-корреспондента Берлинского научного общества антропологии, этнологии и первобытной истории, члена-корреспондента Российской академии наук.

которого всажены куски кремня. Орудие это, пила, встречающееся в Атласе Ворсо*, также находится и в коллекции Н.И. Витковского¹¹ в Иркутске. Из красноярских раскопок каменного века, рядом с этими орудиями, попадают и костяные идолы. Склоны Афонтовой горы заключают постиллиаценовые слои и палеолитические каменные орудия. Они на-поминают по односторонней обивке, согласно указанию г[осподина] Савенкова, пещерные орудия системы Мустье. Затем идут каменные ножевидные орудия, наконец, костяные

из ребер животных, но еще более вызывают любопытство приспособления мамонтовой кости, причем употреблялось сначала обжигание ее, а потом обивка; мамонтовая кость давала древнему жителю замечательно удобные боевые орудия. Такая утилизация мамонтовой кости в древнейшие времена представляет любопытнейшее археологическое открытие.

В этом же слое, вместе с каменными палеолитами, попадают-ся кости мамонта, носорога, изюбря, сохатого, северного оленя, дикой лошади, древней со-баки и *bos primigenius***.

** Bos primigenius – первобытный дикий бык.

Все это делает рас-копки в этой местности драгоценными. Надо прибавить, что траншеи, в которых ведут работы кирпични-ки, как мы лично освидетельствовали, тянутся на огромное протяжение, и повсюду, на глубине 2 и 2½ ф[ута] попада-ются предметы и кости. Кроме этих предметов, мы видели у г[осподина] Савенкова добытые на Базаихе и реке Узунджул в Минусинском округе бронзовые орудия при совместной раскопке с И.П. Кузнецовым¹²; из них особенно заслуживают внимания боевые топоры, или клевцы, насаживаемые на де-ревянную ручку и находившиеся рядом с костяком. На Ени-сее в дер[евне] Батенях г[осподин] Савенков наталкивается

на сыродувные печи со шлаком из меди и железа, а также чугуны. Эти сыродувки есть представители древнейшего до-
быwania металла. Все это делает исследования г[осподина] Савенкова весьма ценными. Отдавшись страстно науке, он производит исследования дюнов, собрал сведения о многих каменных стоянках в [Енисейской] губернии и, кроме того, составил превосходную коллекцию писаниц, или фигурных изображений на камнях. Изображения эти весьма тщательно срисовываются исследователем. Надо заметить, что все виденные нами писаницы в прежних атласах, начиная с рисунков Спасского и кончая атласом Аспелина, заимствовавших рисунки у других, не удовлетворяют своему назначению. Рисунки Савенкова не только исправляют прежние снимки, но вносят много нового и совершенно иначе освещают этот предмет. Г[осподин] Савенков вносит классификацию, изучает и разделяет письма по способу начертания, приемам, которые употреблялись в древности. Он не позволяет себе фантазий и сближения фигур по аналогиям, что до сих пор вводило многих в соблазн и заблуждение. Так, напр[имер], из символической фигуры делалось колесо и переносилось к фигурам, вблизи которых они не были; фигура лягушки смешивалась с человеком. Необходимо при том отличать новейшие прибавления к писаницам от старых начертаний*.

Животный эпос в этих фигурных надписях играет особенную роль. Встречаются медведь, козы, коровы и, особенно, сохатые и олени. На фигурных надписях мы в первый раз встретили лодки, наконец, воинов в самых разнообразных шапках монгольского, китайского типа и даже в подобии шлемов. Фигуры людей самые разнообразные: здесь играют роль всадники, шаманы и фокусники. Фигурные рисунки г[осподина] Савенков считает не началом письменности, а началом живописи. Это анимические воззрения дикаря. Письменность начинается в виде зарубок, затесей, изображения тавра, тамги. Коллекции их г[осподин] Савенков собирает и сравнивает во всевозможных проявлениях. Это уже одно показывает усердие,

* При осмотре писаниц по Енисею и знаков на могильных камнях минусинских мы убедились, что самые древние начертания делались не резьбой, а насечками, как бы острым клином, и линия выходит точечной (прим. автора).

внимание и трудолюбие исследователя, который составил карту всем писаницам и первый делает систематические разыскания каменного века, ставя в связь это с геологическими и палеонтологическими исследованиями. Мы видели несколько обстоятельных отчетов и описаний И.Т. Савенкова в Восточно-Сибирском отделе Географического общества, так же как присланные акварельные рисунки минусинских могил. Так как отдел едва ли может издать все рисунки и материалы И.Т. [Савенкова], то Археологическое общество могло бы снестись с ним. Вместе с г[осподином] Савенковым деятельным собирателем древностей является И.П. Кузнецов, издавший на свой счет описание Минусинского музея и заслуживающий полной признательности.

Около Красноярска когда-то занимался исследованием и раскопкой курганов бывший красноярский губернатор Степанов¹³, составивший описание Енисейской губ[ернии], но куда девалась его коллекция, осталось неизвестным. По описанию Эрмана, коллекция эта заслуживала внимания. Точно так же около Красноярска производил раскопки г[осподин] Александров, но имущество его было продано за долги и также исчезло бесследно. Г[осподину] Савенкову удалось только отыскать один череп из этой коллекции с полицейской печатью. Наконец, известны описания древностей Титова; мы видели часть сохранившейся рукописи в Восточно-Сибирском отделе Географического общества и, судя по рисункам этих древностей и вниманию, с каким относился собиратель, считаем уцелевшие остатки доказательством, что в труде Титова исчез драгоценный археологический труд.

Относительно енисейских изысканий я должен указать, что с проведением Обь-Енисейского канала сделано несколько находок, между прочим, найдены каменные орудия, затем кольчуга, которая поступила в коллекции Енисейского общественного музея, основанного подобно Минусинскому.

Затем я узнал о богатой коллекции Бойленга, о которой списался [с владельцем] и получил ныне сведения. Коллекцию эту я могу рекомендовать вниманию Археологической комиссии и общества. Коллекция П.А. Бойленга состоит из следующих предметов: медных – 296, каменных – 40,

железных – 408, костяных – 38 и чугунных – 17. Всего 799 экз[емпляров], ценность коих владелец определяет в 2500 руб.¹⁴

По осмотру красноярских древностей и коллекции И.Т. Савенкова я счел своим долгом побывать в Минусинске – осмотреть музей, а также сделать экскурсию в степи, чтобы взглянуть на присаянские древности и сравнить минусинские могилы с алтайскими, ранее мною исследованными. Поездка в Минусинский округ дала богатые результаты для меня и была истинным наслаждением. Прежде всего я познакомился с музеем Н.М. Мартьянова, у которого, как все исследователи, встретил полное гостеприимство и внимание. Музей помещался в нижнем этаже местного училища и занимал 7 отделений: общественная библиотека, музейная библиотека, естественноисторический отдел, сельскохозяйственный, кабинет учебных пособий, этнографический отдел и археологический отдел. Музей основан 10 лет назад по инициативе Н.М. Мартьянова, по богатству предметов археологических и разнообразию отделов он может считаться первым научным музеем во всей Сибири. На него не истрчено, надо заметить, ни одной казенной копейки, все приобретено пожертвованиями и стараниями Н.М. Мартьянова. Музей этот замечателен тем, что он не представляет кладовую с беспорядочным собранием предметов, но все они точно классифицированы и находятся в превосходном порядке. Классификация сделана научная. При музее ведется точный журнал, и имеются указания, откуда предметы получены, кем и где найдены. Наконец, в журнал вносятся все предшествовавшие находки и раскопки в округе. Превосходно составленная коллекция дала возможность издать ныне каталог с подробным описанием древностей Минусинского округа, составленный Д.А. Клеменцем. При музее, кроме того, работал даровитый рисовальщик художник Станкевич, который делал рисунки археологических предметов, рисовал могилы, памятники и поместил в музее акварельные картины этнографического содержания. Как быстро растет музей и приумножаются его предметы по археологии, можете судить по тому, что, когда печатался нынешним летом каталог, в нем было означено

3630 предметов в археологическом отделе, а именно: медных и бронзовых 1270, желтой меди 12, железных 1849, из камня и кости 309. Ко дню посещения мною музея было уже 4165 орудий. <...>

Археологическое собрание помещается в особой небольшой комнате, небольшая часть выставлена под стеклом в верхней части 5 больших шкафов и в верхней части стен; вазы, котлы размещены на шкафах, — большая же часть материала хранится в закрытых шкафах. Все мелкие предметы пришиты к картонам и сгруппированы по системе, принятой в каталоге г[осподина] Клеменца. Самые мелкие предметы, как серьги, стрелки, пряжки и т. п., кроме того, что пришиты по нескольку [штук] к кускам картона, но каждая группа помещена еще в бумажные коробки. Черепки тоже размещены в бумажные коробки и сгруппированы по мест-

ностям. При устройстве предметов на стенах имелась в виду симметрия, как это принято на выставках, на щитах. Камни с письменами украшают вход в музей у крыльца. Здесь находятся известные рунические камни*, описанные Палласом, Кастреном и Спасским.

Изданные ныне описания и альбом рисунков Минусинского музея дают понятие о драгоценностях, хранящихся в музее, и о богатстве находок в Минусинском округе. Благодаря этому музею, ныне не пропадает уже

ни одна находка в округе, а это весьма важно**. Собиратели древностей в музее ревниво следят за всеми находками и раскопками. Таким образом, научное значение его неоспоримо. Только с основанием музея получилась местная коллекция, до этого все частные коллекции исчезали неизвестно куда. Подобной участи подверглись коллекция Степанова, Титова, Кострова и др. лиц, бывавших в Минусинском округе. Минусинский музей дал толчок и пример основанию других общественных музеев в Сибири, и теперь основан подобный же музей в Енисейске, где также собираются древности, положено основание музею в Семипалатинске, в Бийске и на днях строится музей в Тобольске. Таким образом, деятельность

* Так в тексте, правильно –
рунические камни –
валуны, с вырезанными
на них рунами, надписями
древних германцев.

** В настоящем
1887 г. на частные
пожертвования
в Минусинске строится
уже целое двухэтажное
здание для музея
(прим. автора).

как Н.М. Мартьянова, так и помощника его Д.А. Клеменца заслуживает особого внимания и поощрения.

Пребывание мое в Минусинске дало возможность собрать сведения обо всех раскопках, сделанных в последнее время в этом округе. Кроме путешественников прошлого столетия, Палласа, Гмелина, наконец, Кастрена и Клапрота, видевших многие минусинские памятники и могилы, интересовались древностями Спасский, Степанов, князь Костров¹⁵, Титов. Об их раскопках не сохранилось никаких сведений. В Иркутске я узнал, что была рукопись Титова в отделе Географического общества в Иркутске, но утрачена во время пожара. В последнее время удалось, однако, найти часть ее с рисунками, и я видел ее в библиотеке отдела. В ней уцелело описание забайкальских древностей. Более систематическое исследование в новейшее время курганов Минусинского округа вместе с алтайскими было произведено В.В. Радловым, но я не касаюсь этих раскопок, так как они известны Археологической комиссии и вошли в сочинение г[осподина] Радлова «Aus Sibirien».

Укажу на новейшие раскопки только следующих лиц, о которых собрал сведения. Раскопки производились инженером Боголюбским, о чем он печатал в «Записках» Восточно-Сибирского отдела Географического общества. Я видел следы его раскопок около прииска Барташова на р. Узунджул. Затем раскопки были производимы г[осподином] Савенковым вместе с золотопромышленником И.П. Кузнецовым и г[осподином] Адриановым около Минусинска во время его экспедиции. Затем собирались сведения о курганах и каменных бабах, а также рунических камнях Д.А. Клеменцом и Н.М. Мартьяновым.

На месте я убедился, что раскопки инженера Боголюбского не могли удовлетворить научным требованиям; они велись спешно и небрежно, как доказывает раскопка на Узунджуле. Курган здесь был разрыт в центре, кости вытасцены из середины, но могила не исследована по бокам, так как при обзоре могильника я убедился, что около кургана попадались еще кости. Находки г[осподина] Боголюбского не были доставлены даже в сохранности. Рабочие разбивали

черепа и т. д. Впрочем, к счастью, любознательность г[осподина] Боголюбского коснулась очень немногих курганов. Более тщательно производили раскопки г[оспода] Кузнецов и Савенков. Отчет об этих раскопках И.Т. Савенков представил в Восточно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества. Раскопки его на Узунджуле по тщательности и добытым результатам заслуживают вполне внимания. Им открыта могила обитателя бронзового века с вполне сохранившимся костяком. В головах и ногах находились глиняные чаши, у правой руки чекан или боевой бронзовый топорик, около пояса бронзовый кинжал. Положение костяка и предметы, найденные при нем, совершенно мне напомнили могилу и предметы, найденные на покойнике в Ананьевском могильнике. В этой могиле не найдено было жертвенных животных, но было два скелета и черепа собаки, один над покойником, другой ниже*.

** Позволим себе
здесь указать, что
обычай похорон собаки
сохранялся у вогуличей,
как видно из описания
Массы, переведенного
Витзенем, – «Северн[ая]
и Восточн[ая] Татария»
(1706. Ч. 2. С. 734)
(прим. автора).*

Раскопки г[осподином] Адриановым производились около самого Минусинска на Тагарском о[стро]ве. Из 6 могил разного типа самым замечательным явилась могила с остатками костей и гипсовых масок. Раскопка эта описана им в «Известиях Императорского Русского географического общества» (1883. Т. 19, вып. 3). Большинство могил было бронзового века, костяки лежали на з[апад] и на в[осток], около них всегда были глиняные чаши, бронзовые ножи и бляшки; бронзовая бляшка иногда находилась на лбу. Около костяков попадались кости животных – барана или лошади. Некоторые из этого типа могил имели каменные склепы из плит. Сверху они были обставлены камнями и забурованы камнем. Две могилы, найденные затем г[осподином] Адриановым, представляли особенности, доселе неизвестные, а именно: кроме костей животных и глиняных горшков, они представляли кучи сожженных человеческих костей. Один курган особенно был оригинален и богат новыми открытиями. Он представлял невысокую плоскую насыпь, обложенную плитами на ребрах. На аршин глубины был обгорелый сруб. Под бревнами оказались сожженные

кости, горшки и, что всего замечательнее, гипсовые маски; их было до 20, но гипс был рыхлый, и они разрушались, так что вынуть их нужно было особое искусство. На масках была красная окись железа. Некоторые маски отличались необыкновенным изяществом. Одну маску, сохранившуюся вполне, г[осподин] Адрианов снял прямо с лицевой части черепа. Тут же у сруба лежали 86 черепов вплоть один к другому.

Из вещей найдены костяные стрелы, медные изображения лошадиных головок, медные птичьи головы и железные крючки. В горшках также находились жженные человечьи кости, найдена сожженная ткань и куски шитой бересты. Г[осподин] Адрианов признал последнее одеянием, но не скорее ли это берестяные покрывала и футляры, подобно находимым и в Ананьевском могильнике. По этой могиле виден особый способ частичного погребения и сжигания трупов. Маски откапывались, как видно по некоторыми намеками Палласа, и ранее*. Один татарин принес в Минусинский музей несколько ранее часть маски. Цельных масок, однако, доселе не попадалось. Тип масок весьма любопытен, и некоторые из них решительно не напоминают монгольский тип, напротив, черты чисто арийские. Черепа в минусинских могилах тоже попадают не всегда монголообразные, и я видел у г[осподина] Савенкова курганный череп необыкновенно правильный, тонкокостный, кавказского типа. В числе лиц, хранящих и собиравших древности, мы должны упомянуть уважаемого священника села Абаканского, о[тца] Стефана Смирнова; некоторые бронзовые вещи от него (кинжал и топор) переданы мною в Археологическую комиссию. <...>

* Курганичники передавали Палласу о фарфоровых раскрашенных головах, находимых в могилах (прим. автора).

Судя по обилию находок до сих пор и собираемых предметов тысячами, мы вправе ожидать в округе еще богатой жатвы для археологов. Для того, однако, чтобы курганы не раскапывались случайно, недостаточно одного запрещения предписаниями, они одни никогда не помогали. Необходимо иметь уполномоченное лицо на месте от Археологического общества, которому и поручить надзор и самую разведку курганов. Мне кажется, что ревнитель Минусинского

** Так в тексте, правильно –
отношения.*

музея, г[осподин] Мартьянов, при своих сношениях* и преданности науке, вполне может оправдать такое доверие. В Красноярске же таким лицом может быть И.Т. Савенков. <...>

Обращаюсь к Иркутскому музею при Восточно-Сибирском отделе Императорского Русского географического общества. Отдел этот, как старейший, учрежденный в 1851 году, снаряжавший много экспедиций и принимавший многих путешественников, мог собрать самые богатые научные коллекции. К сожалению, музей отдела несколько лет назад был жертвой пожара, нанесшего всему городу огромные бедствия.

В настоящее время музей обновлен; из старых коллекций сохранились весьма немногие предметы. Иркутский отдел занимает собственный дом, зал его украшен красивыми и большими витринами, в которых расположены преимущественно этнографические коллекции. Всех коллекций, по последнему отчету, было 41, а численность предметов доходила до 4107. В нынешнем 1886 году коллекция музея обогатилась на 1045 предметов, большинство предметов выпало на зоологические (556) и палеонтологические коллекции (273 предмета), по археологии внесено всего 22 предмета.

Из археологических коллекций заслуживают внимания коллекции Черского и Витковского, сделавшего более других в Восточной Сибири для доисторической археологии. Из этих раскопок добыты преимущественно драгоценные каменные орудия, но в музее, к сожалению, весьма мало памятников металлических эпох, исключая минусинские предметы. <...>

Рассматривая находки каменного века в Сибири и проследив литературу, собранную графом Уваровым, мы не можем не прийти к заключению, что разработка каменного века в Сибири только что началась. Несмотря на то, что орудия находились, как видим, с конца прошлого века и открыты в Камчатке еще во время экспедиции Крашенинникова, мы не можем вполне в них ориентироваться. Сами они не были точно описаны, а потому мы не можем и определить давность этих орудий, а также их характер. Они не разделены доселе на палеолитическую и неолитическую эпохи благодаря тому,

что они раскиданы в разных местах, а другие утеряны. Мы сняли рисунки с четырех замечательных орудий каменного века, напоминающих тюленя (по объяснению г[осподина] Анучина); эти орудия найдены на Лене, Ангаре и на Амуре. Сходство этих орудий указывает на некоторое единство и тождество культуры каменного века.

Определение эпох каменного века представляет в Сибири те трудности, что каменные орудия употреблялись многими инородцами до нашего столетия; поэтому находки их без подробных геологических исследований местности теряют всякое значение. Гораздо важнее стоянки и могильники каменного века. Сибирь может представить особый интерес в деле распространения каменных орудий из нефрита, отечество которого находится отчасти в Туркестане, а отчасти в Иркутской губернии. Орудия эти имели огромное распространение в древнюю эпоху. Самый отдаленный период, доледниковый и четвертичный, существования человека еще не определен в Сибири, хотя это имело бы особую важность при находках мамонтовых костей. Совместное нахождение мамонтовых костей с орудиями дали возможность в Европе сделать весьма важные заключения о древности человека. К сожалению, в отечестве мамонта и месте, откуда он направился в Европу, доселе мы не находим никаких определенных указаний о древности человека. Тем более становятся любопытны изыскания в этом направлении.

Как скудна археология в отношении каменного века в Иркутской губ[ернии] и Якутской области, так же скудна она в отношении металлического века. Мы встретили в [Иркутском] музее очень немного предметов бронзового века и железных шаманских принадлежностей, открытых в Якутской области, между прочим две древние сабли, найденные в Иркутской губ[ернии], в Балаганском округе. По части раскопок курганов и исследования древних могил известны только работы г[осподина] Агапитова в Ольхонской степи.

Относительно Забайкалья должно сказать, что за Байкалом не было систематических работ по исследованию курганов, хотя, как можно судить, этими памятниками Забайкалье не менее богато, чем Минусинский округ. Есть

немало указаний на существование здесь оседлости и культуры в древнейшие времена. Земледелие существовало в Даурии в весьма отдаленное время, как видно по ирригационным остаткам, найденным еще Палласом. Жерновые камни, совершенно тождественные с древними чудскими, находятся в Балаганском округе, к северу от Иркутска, как мы удостоверились по находкам музея.

Забайкальская область и вершины Орхона сохраняют следы и буддийской культуры в виде остатков монастырей. Самое существование Каракорума близ наших границ должно возбуждать особенное любопытство в деле археологических исследований в Восточной Сибири.

Зато Иркутский музей с его этнографической коллекцией инородческих предметов дал мне богатое подспорье к объяснению многих курганных предметов не только в Сибири, но и находимых в Европейской России. Многие металлические вещи и украшения у инородцев носят сходство с древними вещами, многие загадочные вещи и фибулы объясняются при изучении шаманских украшений, поэтому я старался обратить внимание на этот материал.

Сохранение у инородцев древнего искусства в выделке железа, меди, бронзы, серебра и различных украшений доказывает преемственность культуры у сибирских инородцев от аборигенов, населявших эти места и оставивших следы своего искусства в курганах. В этом отношении изучение башкирских, татарских, киргизских и бурятских украшений весьма поучительно для археолога, а орнамент их, сравниваемый с древними курганными вещами, указывает на распространение восточной культуры и взаимные сношения угро-алтайских племен. Как мы убедились, подвески, фибулы, встречаемые в пермских, мерянских и скифских могилах, обнаруживают родство с алтайскими и саянскими находками.

Оканчивая доклад об археологических исследованиях в Восточной России и Сибири, я должен сказать, что местные центры исследований и музеи принесли в последнее время огромную пользу уже тем, что сосредоточили и сохраняют местный научный материал, тогда как прежде он развозился учеными, путешественниками и администраторами, и часто

совсем исчезал из виду. Поэтому развитие этих музеев и особое покровительство им Императорского Археологического общества весьма желательно.

Публ. по: Ядринцев Н.М. *Отчет о поездке в Восточную Сибирь в 1886 г. для обозрения местных музеев и археологических работ: отдельный оттиск из Записок Императорского Русского археологического общества*. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1887. 26 с.

КОММЕНТАРИИ*

¹ Михаил Константинович Сидоров (1823–1887), Красноярский купец, золотопромышленник, действительный член Императорского Русского географического общества. Оказывал финансовую поддержку научных изысканий, в их числе и музейного дела, и сам участвовал в экспедиционных исследованиях Севера России и Сибири.

² Иван Яковлевич Словцов (1844–1907), выпускник Императорского Казанского университета, организатор и первый директор Александровского реального училища (ошибочно названного Ядринцевым техническим училищем), открывшегося в Тюмени в 1879 г. Состоял членом-учредителем Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, совершил множество научных экспедиций по Уралу, Западной Сибири и Степному краю. Собранные материалы и коллекции передавал в реальное училище. Созданный им музей в 1920 г. был преобразован в Тюменский губернский музей, ныне это Тюменский областной краеведческий музей имени Словцова.

³ Капитон Михайлович Голодников (1824–1906), окончил Тобольскую губернскую мужскую гимназию, преподавал, много лет, с перерывами редактировал «Тобольские губернские ведомости», работал в губернском статистическом комитете; публиковал в газете материалы по истории и статистике Тобольской губернии.

⁴ Михаил Степанович Знаменский (1833–1892), художник. По окончании Тобольской, а затем Санкт-Петербургской духовных семинарий преподавал рисование в тобольских учебных заведениях, сотрудничал в столичных и сибирских журналах и газетах, проводил археологические раскопки на древних городищах близ Тобольска.

⁵ В 1882 г. коллекция тобольских древностей, собранная М.С. Знаменским, была приобретена В.М. Флоринским (на пожертвование М.К. Сидорова) для организации Археологического музея строившегося Томского университета.

⁶ Александр Ипполитович Дмитриев-Мамонов (1847–1915), был председателем Томского губернского правления, в сентябре 1879 – апреле 1880 г.

* Сост. по:

Томск от А до Я:
краткая энциклопедия
города / под ред.
Н.М. Дмитриенко.
Томск, 2004. 440 с.;
Историческая
энциклопедия Сибири:
в 3 т. Новосибирск, 2009.
Т. 1–3.

возглавлял Томское губернское управление на правах исправляющего должность губернатора. Собранные им археологические коллекции пожертвовал в Археологический музей Императорского Томского университета. После отъезда из Томска служил в Тобольске и Омске, в 1890 г. возглавил Западно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества.

⁷ Александр Васильевич Адрианов (1854–1920), сын священника, выпускник Санкт-Петербургского университета, активный участник общественно-политического движения, издатель и редактор «Сибирской газеты» и «Сибирской жизни», служил по акцизному ведомству. Совмещал многочисленные служебные и общественные обязанности с исследованиями в области археологии, этнографии, энтомологии, ботаники; собранные им коллекции хранятся в музеях Петербурга, Томска, Минусинска.

⁸ Нафанаил Назарович Петухов – председатель Томского губернского правления, во время служебных командировок губернатора А.Ф. Анисына и после смерти сменившего его на губернаторском посту А.И. Лакса, в 1886–1888 гг., исполнял обязанности томского губернатора.

⁹ Павел Михайлович Кошаров (1824–1902), окончил рисовальные классы Петербургской Академии художеств, преподавал рисование и черчение в средних учебных заведениях Томска. В летние месяцы участвовал в качестве рисовальщика в научных экспедициях по Алтаю и Средней Азии, по итогам которых составил несколько этнографических альбомов. Им созданы серии живописных видов Тянь-Шаня, Алтая, пейзажей Томска и его окрестностей.

¹⁰ Иван Тимофеевич Савенков (1846–1914), уроженец г. Мариуполя, окончил Императорский Санкт-Петербургский университет, преподавал в мужской гимназии в Красноярске, в 1873–93 гг. был директором Красноярской учительской семинарии. Занимался археологией, более 10 лет вел раскопки памятника эпохи палеолита на Афонтовой горе, докладывал о результатах своей работы на II Международном антропологическом конгрессе в Москве. В 1907–1911 гг. заведовал Минусинским музеем. Издание книги «О древнем изобразительном искусстве на Енисее» (Красноярск, 1912) принесло И.Т. Савенкову звание члена-корреспондента Российской академии наук.

¹¹ Николай Иванович Витковский (1844–1892), участник Польского восстания 1863 г., был приговорен к каторжным работам в Сибири. Отработав на Карийских золотых приисках около 8 лет, переведен на поселение, жил в Балаганске, затем в Иркутске, состоял членом Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества; служил консерватором Иркутского музея, проводил археологические раскопки в долине р. Ангары.

¹² Иннокентий Петрович Кузнецов (1851–1916), выходец из богатейшей семьи красноярских кушцов, занимался благотворительностью в сфере образования и культуры. Известен как крупный коллекционер памятников

археологии и истории, которые он безвозмездно передавал в музеи Петербурга, Томска, Минусинска; подготовил множество музеографических и археографических изданий.

¹³ Александр Петрович Степанов (1781–1837), из калужских дворян, участник итальянского похода Суворова, выйдя в отставку, получил назначение на пост губернатора Енисейской губернии, которой управлял в 1822–1831 гг. Подготовил и издал книгу «Енисейская губерния» (СПб., 1835), осветил в ней вопросы физической и экономической географии, управления и истории енисейского края. Использовал в своем труде этнографические и археологические материалы, часть которых собрал сам.

¹⁴ Археологическая коллекция Бойленга (Бойлинга) была приобретена томским купцом И.Г. Гадаловым и подарена Томскому университету в ознаменование первой годовщины со дня открытия.

¹⁵ Николай Алексеевич Костров (1823–1881), происходил из старинного, но захиревшего княжеского рода. Окончив Императорский Московский университет, поступил на государственную службу, занимал должность начальника Минусинского округа, служил секретарем Томского губернского статистического комитета. С молодости занимался сбором и публикацией материалов по этнографии, фольклору, географии, экономике, обычному праву, статистике, истории. В 1878 г. удостоен малой золотой медали Императорского Русского географического общества «за многолетние труды по изучению народного юридического быта».

ПУБЛИЧНАЯ ЛЕКЦИЯ, ПРОЧИТАННАЯ Д.А. КЛЕМЕНЦЕМ В КЯХТЕ

Дмитрий Александрович Клеменц (1848–1914), учился в Казанском, затем в Петербургском университете, но полного курса не окончил. Как участник народнического движения и один из руководителей партии «Земля и Воля» он был арестован и после 2-летнего тюремного заключения сослан в Сибирь. В группе ссыльных он был направлен в Минусинск, где сразу после прибытия стал работать в Минусинском городском музее под руководством Н.М. Мартыанова. Проявил большой интерес к музейной работе, проводил археологические раскопки, занимался геологическими сборами, участвовал в подготовке музейных каталогов. В 1890–1894 гг. Д.А. Клеменц занимал должность правителя дел Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, совершил несколько научных экспедиций по Сибири и Монголии, а собранные материалы передавал в сибирские музеи. Осенью 1892 г., возвращаясь из монгольской экспедиции, Клеменц сделал остановку в Кяхте, где в то время велась подготовка к открытию городского музея. Горячо поддерживая идею создания музея, Д.А. Клеменц прочитал публичную лекцию о роли музея в жизни общества и вскоре опубликовал ее в «Сибирском сборнике». Едва ли не первым в России он связал деятельность музеев, которые собирали и хранили различные памятники истории и культуры, с решением важных социальных задач, с тем, что необходимо развивать и совершенствовать в производстве и ремеслах, в организации повседневной жизни людей. На это было нацелено и данное им определение музея как «систематического собрания произведений природы или каких-либо

видов человеческого труда с целью наглядного и опытного изучения собранных предметов». По сути, основываясь на опыте музейной деятельности Н.М. Мартьянова, он предложил программу Кяхтинского музея, который, по его мнению, мог бы работать «во имя пользы государства, во имя интересов русской промышленности и русской науки». Он говорил и о том, что Кяхтинский музей смог бы послужить на пользу науке и будущим поколениям, ведь «по музею, как по живой книге, будут знакомиться с Китаем и Монголией русские люди и в потомстве будет обеспечена благодарная память его основателям».

Э.И. Черняк

М[илостивые] г[осудари]и м[илостивые] г[осударыни]!

В последнее время вопрос о местных музеях все более и более начинает интересоваться собою общество. О нем пишут в общераспространенных газетах, ему посвящают свое время ученые. Петербургское общество естествоиспытателей задалось мыслью составить программу для местных земских музеев. Ежегодно слышим мы об открытии новых музеев, постоянно приходится читать письма, иногда из дальних захолуствий, с вопросами, каким порядком открываются местные музеи, какие на это нужны денежные средства, будет ли полезно открытие музея в известной местности? Не менее горячее участие принимает в судьбе местных музеев и правительство. Известно, что многие основатели и руководители местных музеев получали награды и поощрения от правительства за свою деятельность. В недавнее время газеты сообщили, что вопрос о местных музеях решено рассмотреть законодательным порядком. Если верен газетный слух, предполагается дать земским музеям нормальный устав, обеспечить их субсидией до 2000 р[ублей] в год.

Чем объяснить такой всеобщий интерес к этим учреждениям, сравнительно весьма недавно возникшим на русской почве? Мода ли это, внезапно возникшее увлечение? Может быть, новость самих учреждений вызывает и питает преувеличенные надежды, возлагаемые на них? Может быть,

через два-три десятилетия надежды эти будут сданы в архив? Один из вернейших методов определить жизнеспособность какого-нибудь явления – рассмотреть его происхождение и историю. Моментальные увлечения и возникают моментально. Удовлетворив потребностям минуты, заняв собою на короткое время общество, они исчезают, заменяются другими эфемерными вопросами, не имеющими преемственной связи с первыми. Про такие явления мы можем сказать, что и они приносят свою долю пользы, но что на развитие их в будущем мало надежды и на них нельзя строить каких-либо обширных планов. Другое дело, когда мы видим, что какое-нибудь явление или зачатки его ведут начало с давних времен жизни общества, что оно растет вместе с обществом, приспосабливается к различным требованиям жизни, обнаруживает способность отвечать на разные вновь возникающие вопросы. Про такое явление мы можем сказать, что будущность его обеспечена.

Попробуем приложить этот способ оценки явлений к предмету нашей беседы. Вопрос можно бы решить в двух словах, определив, что такое музей. Музей есть систематическое собрание произведений природы или каких-либо видов человеческого труда с целью наглядного и опытного изучения собранных предметов. Это определение несколько обширно, под него подойдут ботанические сады, опытные фермы и т. д.; но в широком смысле [слова] это все музеи, только не с мертвыми, а с живыми предметами. Стало быть, музеи представляют собой орудие опытных наук. Никто не сомневается в том, что перед опытной наукой лежит громадное будущее и, стало быть, то же будущее предстоит и музеям; но такой способ заключения, несмотря на свою видимую простоту, недостаточно убедителен. Наука может пользоваться известным орудием, а потом заменить его другим и, как мы увидим, музеи нужны не для одних научных изысканий, а и для практической жизни. Как ни трудно это для меня, при моих недостаточных сведениях, но все-таки нам необходимо будет, хотя в самых общих чертах, коснуться истории музеев.

С давних времен люди стали собирать различные предметы, так или иначе казавшиеся им замечательными, –

одни поражали наблюдателя странной формой, необыкновенным видом, от других он ожидал получить пользу. Любознательность в человечестве проснулась еще в незапамятные времена. Из наиболее даровитых, восприимчивых и наблюдательных лиц и вышли первобытные лекари, знахари, заклинатели. Это были первые собиратели замечательных предметов. И теперь у каждого деревенского знахаря, вроде самарского Кузьмича, найдете вы своеобразную аптечку из сушеных трав, корешков и т. д. В давние времена еще люди этой категории обладали многими практическими знаниями свойств различных растений, продуктов животного царства, минералов. У Гомера уже мы видим упоминания о врачах, лечивших не заклинаниями, а лекарствами. В древней Индии и Египте при храмах было уже нечто вроде складов лекарств. В Греции врачи обучались своему делу при храмах Эскулапа. Были там уже и аптекари и дрогисты. Это не были, конечно, музеи в современном смысле слова. Если не в Греции, то в Индии и Египте знания, наука были привилегией замкнутого круга. Только жрецы занимались там наукой. Она считалась там достоянием немногих высших каст. Распространять науку в массе общества, как стараются это делать в наше время, в древней Индии и Египте считалось грехом. Это значило бы профанировать науку, по их мнению, низвести священное искусство на степень вульгарного занятия. И понятно почему: в ту пору всякий народ, особенно достигший некоторого развития, смотрел на себя как на народ привилегированный; соседи его, другие народы – существа низшие, достойные только быть рабами высоко даровитой расы.

Для инородцев уже и то большое снисхождение, что им позволяют жить. В пределах данного народа правоспособными считались только высшие касты. Не говоря уже о науке, относительно которой и до сих пор кое-где, среди бездарных тупиц и ученых ремесленников, сохранились кастовые взгляды; сама религия у некоторых древних народов считалась достоянием привилегированных каст. Низший член общества не смел молиться, даже не должен был знать, каким богам молятся его господа. У индусов только брамины и воины могли читать священные книги, ведь если б член низшей касты

как-нибудь подслушал, что читают высшие, — он заплатился бы жизнью. По закону ему за эту дерзость заливали уши расплавленным металлом. Общественные музеи, стало быть, и немислимы были в ту пору; но все-таки склады медикаментов, разных предметов природы уже в древние времена были необходимы для изучения некоторых наук.

В Греции у некоторых лиц были уже громадные коллекции естественноисторических предметов. Вспомним Аристотеля, которому его ученик Александр Великий присылал из своих дальних походов различные редкости, вспомним знаменитого греческого врача Гиппократ и ботаника Теофраста. Из дошедших до нас сочинений их видно, что эти натуралисты обладали обширными сведениями естественноисторических предметов, изучали и сравнивали их между собой, а это уже предполагает наличность систематических коллекций. Известно, что римский натуралист Плиний обладал обширными естественноисторическими коллекциями; но и здесь это было достоянием частного лица, богатого патриция-любителя, который не жалел средств на покупку вещей, его интересовавших; все это еще не было музеем

в строгом смысле слова. Самый термин — музей имел тогда несколько иное значение. Музей Александрийский, возникший при царях Птоломеях, был жилищем муз, богинь-покровительниц наук и искусств*. Это было скорее учено-литературное общество, нежели музей в нашем смысле слова.

В начале Средних веков наука замыкается в монастырях, наука становится исключительно книжной, наблюдение и изучение природы отодвигаются на второй план. Два народа в эту эпоху продолжают изучение природы — арабы и евреи. Первые перевели на свой язык большую часть сочинений древних классиков, занимались астрономией, медициной, химией и ботаникой. Их путешественники и географы сохранили нам сведения об отдаленнейших уголках мира, начиная от

** Автор повторяет укоренившееся с XIX в. неверное толкование термина музей как жилища муз. По новейшим данным, греческое слово *μουσα* (муза) означало речь, слова, искусство, поэзию (отсюда богинь, покровительниц искусств, именовавшихся музами), а кроме того, образование, ученость, просвещенность, науку; как следствие, словом музей обозначается центр искусства и науки (каковую роль и играл в продолжение многих веков Александрийский музей).*

экваториальной Африки и оканчивая нынешней Россией и Средней Азией. Сады лекарственных растений заводились у них; известно, что они были большие любители редких животных и птиц. Рассеянные по всему свету евреи были в Средние века врачами, химиками и drogистами. Нередко у католического аббата был врачом неверный жид. Если в эту пору мы еще не встречаем музеев, то опять-таки это весьма понятно – роль музеев служебная. Пренебрежение к изучению природы, забвение преданий натуралистов древности было тому причиной; но уже в конце Средних веков, в так называемую эпоху Возрождения наук и искусств, обстоятельства изменяются. Италия начинает особенно усердно изучать древних, проникается их духом и с особенной заботливостью начинает собирать памятники древнего творчества. В Риме, во дворце пап, в главных городах Италии собираются памятники древнего искусства, великие художники и поэты того времени, так, например, Леонардо да Винчи и Данте были и великими натуралистами своего времени.

Вообще же можно сказать, что начало и развитие музеев в Европе совпадают с эпохой великих открытий в географической науке и в изучении природы, эпоха эта – XVI, XVII и XVIII века. Моряки увидели за океанами новое небо и новую землю. Натуралисты и философы открывают новые горизонты в науке, и на старое, известное всем видимое небо образованные люди начинают смотреть уже другими глазами. В эту пору основываются академии наук и ученые общества в Европе. В университеты, схоластические средневековые университеты, начинает проникать естествознание – сначала как пособие при изучении медицины, а потом и как самостоятельный отдел философии.

У нас в России до Петра Великого трудно искать каких-нибудь зачатков изучения природы. Ученый человек того времени должен был знать Св[ященное] писание, из светских знаний допускалось изучение истории, преимущественно византийской, так как Византия была не только религиозным, но и политическим авторитетом для древней России. Изучение природы в глазах массы было делом предосудительным, оно смешивалось с колдовством и чернокнижием.

Врачи при дворах царей были из иностранцев. Насколько чужды были мы в ту пору современным волновавшим Европу вопросов, видно уже из того, что один из грамотеев после смутного времени, осуждая Марину Мнишек, говорил, что она была «иезовитка (иезуитка) люторка, кальвинка». Хорошо, значит, понимали в ту пору значение религиозных и политических партий, из-за которых лилась кровь в Европе. После падения названного царя Дмитрия и после окончания смутного времени многие удивлялись легковерию современников и затруднялись понять, каким образом неведомого авантюриста могли признать сыном Грозного, когда известно было, что подлинный Дмитрий умер. Недолго задумываясь, наши книжники отвечали: «сталось так», потому что «онный Гришка астрономии умел». Один из моралистов старой Руси в следующих словах характеризует мудрого человека: «Эллинских борзостей не текох, с мудрыми не бых, и Аристотеля не читах». При таких воззрениях, конечно, и разговора не могло быть об изучении природы. Редкие отдельные примеры, указы царей о собирании лекарственных трав, носят слишком узкий, утилитарный характер, чтобы можно было им придавать какое-нибудь общее значение.

Петр, которому до всего было дело и на все хватало времени, понимал, что для познания нашего Отечества и правильного пользования дарами природы необходимо иметь собрания предметов природы. Отсюда его указы по областям и провинциям о собирании «раритетов», об основании кунсткамеры, основание Академии наук и первые ученые экспедиции в Сибирь. Заботясь об изучении России, император сам был лучшим знатоком своего обширного государства. Чего только не знал о России Петр! Есть его указы, где он требует от сибирских воевод высылки к нему на показ инородцев – остяков самоецких*. Требовал он к себе и шаманов, которые «в бубны колотя, беснуются и в огонь мечутся, и в бесновании том вопрошают гуся медного, а гусь им отповедь дает, и иные мечты творят». Много ли было людей на свете в XVII столетии, которые обладали бы такими сведениями

* Следуя терминологии XVII–XVIII вв., автор говорит о сибирских народах, ныне известных как ханты, кеты, селькупы и др.

о северо-востоке Азии, какие мимоходом в этом указе обнаруживает Петр?

С легкой руки Петра дело изучения природы быстро привилось на Руси: бессмертные экспедиции прошлого столетия в южную Сибирь и на крайний Северо-Восток обогатили науку громадными открытиями, а музей Академии редкими коллекциями*. В середине XVIII века мы уже встречаем лиц, жертвующих громадные суммы на приобретение замечательных предметов, на собирание редких памятников и издание их. Кто не знает из нас имени графа Румянцева, создателя громадной библиотеки и музея, носящего его имя? Кому из нас неизвестна деятельность графа Шувалова?

* Имеются в виду научные экспедиции по Сибири XVIII в.

После основания университетов при каждом из них возникают как пособия при преподавании кабинеты и музеи. В первой половине текущего столетия здесь принадлежит выдающаяся роль старейшему университету Московскому и старейшему русскому ученому обществу натуралистов – Московскому обществу испытателей природы; но в последнее время, помимо него, помимо университетов, академий и высших учебных заведений, возникают целые ряды музеев и отдельных ученых обществ. Изучение России, сделавшее такие громадные шаги за последние тридцать лет, вызвало и основание целого ряда обширных специальных музеев: мы имеем теперь музеи археологические, этнографические, не говоря уже о музеях естественноисторических; но развитие прикладных знаний, [создание] специальных сельскохозяйственных, педагогических [музейных] учреждений у нас ничтожно по сравнению с тем, что мы видим в этом отношении за границей.

Кроме громадных, так сказать, мировых музеев, которые имеются в Лондоне, Париже, Вашингтоне, Берлине, Вене, возникают громадные учреждения этого рода по частной подписке, например Международный этнографический музей в Лейпциге. Эти музеи, где директорами и консерваторами служат ученые авторитеты, представляют замечательные хранилища сокровищ науки. Работая там, ученый может

осветить темные вопросы науки, создать новую теорию, не выходя из стен музея, описать флору или фауну отдаленного уголка мира; но современные требования науки не удовлетворяются и этим. Я приведу примеры из более известной мне области – доисторической археологии. Громадны коллекции по этой отрасли, хранящиеся, например, в Британском музее, но рядом с ним возникает целый ряд отдельных музеев, посвященных специально этой молодой отрасли наук. Чтобы показать, насколько интересуются этой отраслью, достаточно припомнить, что кремневые ножички, осколки, топоры, костяные шилья и стрелочки в обширных размерах подделываются. Это ясно указывает, что на вещи эти имеется большой спрос, что они представляют значительную рыночную ценность, так как подделка каменных орудий требует значительной затраты труда и умения. Торговля естественноисторическими предметами и коллекциями имеет обороты в сотни тысяч. Естественноисторические предметы имеют свою определенную цену, которая колеблется, как ценность бумаг на бирже. Жуки и бабочки из Забайкалья, растения и окаменелости из Сибири котируются на этой бирже. Натуралисты не хуже спекулянтов биржи следят за повышением и падением цен на бабочек, мух, клопов, жуков и т. д. Один немецкий натуралист нашел у нас в Астрахани гусеницу какой-то очень редкой бабочки. Он набрал их несколько сотен, снял квартиру для вывода бабочек и засыпал энтомологический рынок редким видом. Цена на бабочку сразу упала, фирмы, выписывавшие это насекомое из других мест, понесли убытки. Если какие-нибудь предметы становятся достоянием крупной торговли – это уж несомненный признак, что в них есть широко развитая потребность.

Я говорил до сих пор только о научных музеях, но ими не исчерпывается музейное дело за границей. Можно сказать, что нет какой-либо отрасли человеческой деятельности, сколько-нибудь значительной, которая не имела бы своего специального музея. Практическое направление нашего века не удовлетворяется знанием книжным; книга книгой, но описываемое в книге нужно видеть, осязать, исследовать. Жизнь требует от делового человека целого ряда фактических

знаний, которые без помощи музеев может дать только очень обширная и разносторонняя опытность, да и то в весьма недостаточной степени. Приведем примеры: известно, что, например, Франция питается главным образом привозным хлебом. Пшеница идет туда главным образом из России и Америки, но также из Австрии и в последнее время также из Австралии. Из одной России через Одесский порт идет до десяти различных сортов пшеницы, хлеб из других стран также представляет массу разновидностей; урожаи одного и того же сорта в разные годы неодинаковы. Какую опытность надобно иметь, чтобы разобраться во всех этих постоянно изменяющихся сортах? А уметь различать достоинства каждого, определить сорт муки, какой выйдет ее цвет, вкус, питательность – очень важно. За границей покупатель очень требователен насчет качества хлеба. Стоит пекарю закупить партию муки, которая в печении выйдет немного потемнее той, к которой привыкли его покупатели, и он потеряет заказчиков и, что всего хуже для репутации промышленника, заподозрит подделку. Существование музея хлебной торговли и лабораторий для испытания хлеба чрезвычайно облегчает дело: превосходно подобранные образцы не только зерна и муки, но и колосьев, отрубей, отсеков, образцов печеного хлеба, легкие и практичные приспособления для испытания достоинств зерна – все это дает возможность избежать промахов при покупке, а там, где торговое предприятие, дающее 7 или 8 процентов [прибыли], считается чрезвычайно выгодным, каждый промах грозит убытком. В хороших торговых музеях имеются не только готовые продукты, но и сырые материалы, из которых товар сделан, а также инструменты для обработки и сверх того – подделки, фальсификации настоящих товаров. Легко сообразить, какую пользу может принести для хозяина торгового дела или [его] доверенного собрание таких образцов. Сведения, которые он мог бы получить только путем горького и долгого опыта, риска и убытков, он тут может приобрести без особых издержек или, по крайней мере, ознакомиться с делом настолько, что не будет игрушкой в руках других. Еще большее значение имеют промышленно-технические и художественно-технические музеи. Все удивляются

необыкновенно тонкому вкусу и изяществу работ парижских ремесленников. Приписывают это природным способностям французов; я этого оспаривать не буду, но всего природными способностями одними достигнуть нельзя. Вы, например, закажете столяру мебель во вкусе эпохи Возрождения, другой – в готическом, и мастер, чтобы исполнить заказы, должен иметь хорошие образцы перед глазами. Не может же он создать готического или итальянского стиля из своей головы. Необходимо, судя о парижских мастерах, иметь в виду, что нигде нет таких прекрасных собраний художественно-ремесленных произведений, как там, нигде пользование ими не упрощено до такой степени. Есть там, кроме того, учреждение – консерватория искусств и ремесел. Это громадный ремесленно-технический музей, открытый и доступный для всякого. Чтобы пользование материалами, собранными в этом громадном музее, сделать возможно более разумным, систематичным и доступным, там ежегодно читаются целые курсы публичных лекций, примененных к уровню познаний и потребностям рабочих. Когда около двадцати лет тому назад мне довелось осматривать это превосходное учреждение,

** Так в тексте,
правильно – смекалистый.*

мне невольно пришло на мысль: что если бы у нашего смекаватого* мужика-ремесленника было под рукой такое учреждение. Каких чудес ремесленного искусства наделал бы он.

Ведь он одним топором и долотом выделывает такие вещи, для которых иностранцу нужны целые наборы инструментов. По одной наглядке он усваивает себе самые сложные технические приемы. Я не буду говорить здесь о различных тонких работах, которые выделывает наш кустарь, ни о роскошной мебели в витринах дорогих магазинов, которая попала туда прямо из крестьянской мастерской. Есть факты более поразительные – оказывается, что кустари-крестьяне у себя выделяют физические инструменты, термометры и барометры и неплохие, так как у них массами забираются такие изделия оптическими инструментальными магазинами. Признаюсь, меня сильно поразил этот факт, когда я впервые узнал о нем из исследований русской кустарной промышленности. Работы по дереву,ковка железа и т. д. – это все такие занятия,

к которым наш мужик подготовлен уже своей обыденной жизнью, у нас каждый почти крестьянин – плотник; работа с долотом, стамеской или кузнечным молотом и напильником для него не невидаль какая-нибудь, но вот мы видим, что тот же пахарь разумно и ловко работает с хрупким стеклом, проделывает все манипуляции с ним, готовит инструменты для измерения тепла и давления воздуха. В последнее время обращено, впрочем, внимание на крестьянские ремесла, но весьма характерно для нашей цели: отправная точка этих попыток развить, улучшить и направить дело – все, заинтересованные этим вопросом, хлопочут об основании и развитии промышленных музеев, где собраны были бы образцы крестьянских производств, начиная от сырых продуктов, инструментов и оканчивая готовыми изделиями, затем – хорошие образчики подобных работ и серии подходящих инструментов, рисунков и моделей. Есть у нас уже несколько таких музеев, но их желают, находят нужным устраивать во всех местах, где развиты кустарные производства. Итак, если мы только пожелаем отдать себе отчет в каких-нибудь явлениях нашей жизни, найдем нужным приложить силы для улучшения и развития ее, нам тотчас же является необходимость представить себе нашу задачу наглядно при помощи специального музея. С тех пор, как лучшие учителя у нас и за границей задумались над улучшением воспитания детей, над тем, чтобы облегчить ребенку первые шаги на пути приобретения знаний, начинают возникать педагогические музеи и музеи учебных пособий. Посмотрите: у наших детей уже и игрушки совсем не те, которыми играли мы. Какой-нибудь конь на колесах для мальчика, кукла, одетая в невозможный костюм; в богатой семье – все это куплено за дорогую цену, конь обит шкурой, кукла с восковой головкой и париком; у менее зажиточных – те же предметы, но попроще – вот игрушки нашего детства. Девочки еще играли своими куклами со смыслом – шили им платья, шляпки, башмачки, а мы только неистово ломали, к ужасу родителей, наши игрушки – кони на другой день валялись без ног, а доска, на которой стоял этот зверь на колесах, превращалась в тележку, в которую запрягался дворовый щенок. Надоедали игрушки, потому что

смысла в них не было. Теперь купленные игрушки, кубики, принадлежности для клейки дети более берегут, потому что игрушки стали гораздо интереснее, а всему этому обязаны мы изучением этого дела педагогами, педагогическим музеям и их влиянию на самый характер промышленности производства игрушек.

Недостаток времени не дает мне возможности остановиться на одном очень ярком сибирском явлении, которое служит наглядным примером того, как худо вести дело, не имея под руками соответствующего музея. Пятьдесят с лишком лет существует в Сибири золотопромышленность, и, как в начале, так и теперь, ведется она наугад, по преданиям, приметам, чуть ли не по шаманским наговорам. До сих пор в поисках золота, в разработке его и технике господствует «хаоса бытность довременна». Одни знают не хотят никаких новшеств и утверждают, что лучше старого ничего не придумать, другие пускают в ход собственные изобретения или набрасываются на американские способы, устраивают гидравлические машины в сухих логах. Примеры рациональной техники, которые встречаются кое-где, остаются без подражания. Енисейский золотопромышленник ничего не знает о россыпях забайкальских, олекминских и [даже] енисейских. Ни собрания пород, ни планов выработок, словом, никаких пособий для сравнительного изучения нет. Любый шурфовщик считает себя авторитетом в деле поисков золота. И выходит, благодаря этому, что поиски считаются и теперь таким же рискованным делом, как и пятьдесят, шестьдесят лет тому назад. Многое можно бы сказать на тему о золотопромышленном музее; но я могу здесь только сделать намеки на этот вопрос.

Мне предстоит теперь перейти к моей главной задаче – местным музеям. Казалось бы, что развитие музеев общенаучных, специальных и прикладных в состоянии удовлетворить насущным надобностям науки и жизни, но она требует большего. Ученые устраивают периодические съезды, собственно, для того, чтобы меняться мыслями о насущных задачах науки, о вопросах, которые стоят на очереди, о своих работах. Съезды эти, с одной стороны, приняли чуть ли

не всесветный характер, с другой – сильно специализировались. Науки так обширны, в пределах каждой из них такая масса вопросов, что каждая из них нуждается в особых съездах. И вот собираются всемирные съезды географические, антропологические, зоологические и т. д. Не прихотью вызвана эта специализация, а необходимостью: научная работа в каждой отрасли знания настолько растет, вопросы настолько разнообразятся, что нужны особые совещания, чтобы ориентироваться среди них. И этих съездов, однако, недостаточно: современные научные вопросы требуют для своего решения массы наблюдений, громадных материалов, чувствуется потребность привлечь к собранию этих материалов не одних специалистов, так как их не хватит, а и вообще образованных любознательных людей. Успех некоторых наук прямо зависит от количества наблюдений. Всего яснее это видно по науке о погоде, метеорологии, имеющей такое важное значение для жизни человека и земледелия. Без преувеличения можно сказать, что ценность и прочность ее выводов о климате страны прямо возрастает с каждой новой станцией, с каждым новым наблюдением градусника. Только грубый, самодовольный и узкий педантизм может говорить – устройте хорошенько съезды ученых, и все пойдет, как следует, больше ничего и не нужно. Для людей более широкого понимания этого недостаточно: в сколько-нибудь обширной стране нужно иметь агентов, работников в разных захолустьях, в дальних уголках, нужны местные собиратели материалов. Где они есть, их нужно привлечь к делу, где нет, нужно подготовить их. Изучение страны посредством поездок и экспедиций ученых становится недостаточным – не кратковременные наблюдения проездом и мимоходом, а исследования на месте, стационарные, все более и более выдвигаются на первый план. Все эти современные требования науки уже невольно наводят на мысль об основании провинциальных обществ любителей наук, а где для этого нет достаточных сил и средств, то хотя бы местных складов научных предметов.

Помимо этих общих условий развития науки, вопрос о местных музеях выдвигается на первый план и самой местной провинциальной жизнью, и ее запросами. В столицах

кипит жизнь – научная и практическая. Живете ли вы там постоянно или же только приехали туда для отдыха или по делу – вы окружены массой самых разнообразных впечатлений. Интересуетесь вы каким-нибудь научным вопросом или техническим – музеи, библиотеки, публичные лекции, совещания со специалистами, бюро для справок к вашим услугам. Отдых и развлечения ваши вы можете разнообразить в очень значительной степени. Наконец, вы не расположены ни слушать оперу, ни смотреть новую пьесу, гуляния, другие увеселения также не манят вас, вам просто хотелось бы новых лиц, нового общества, так как старое уже примелькалось. И это вы можете устроить себе в большом городе. Наконец, просто на улице, из ежедневной городской хроники, из простых, на лету слышанных разговоров схватите вы целый ряд впечатлений, которые хотя бы временно займут вас. Не то у нас в провинции. Жизнь наша очень однообразна, одни и те же впечатления повторяются из года в год, изо дня в день. В столице занимательно быть просто зрителем чужой работы, потому что работа широкая, захватывающая, интересы крупные, важные. Нам смотреть не на что, да и невозможно, если мы будем смотреть на работу других, то и работать будет некому. Развлечения наши крайне однообразны: отправляясь, например, на охоту или любительский спектакль, мы уже вперед знаем, что будет. Знаем, что такой-то будет горячиться на охоте, наделает кучу промахов, другой только ради вида взял с собой ружье и целый день просидит на таборе. Только с детства всосанная нами инстинктивная любовь к жизни среди природы да охотничья страсть, при которой каждый выстрел по рябчику представляет свой особый новый интерес, и поддерживают это развлечение. В любительском спектакле мы наперед уже знаем, кто и как проведет свою роль. Если говорить правду, то гораздо больше развлечения доставляют хлопоты о спектакле, сборы, репетиции. Это дает повод видаться друг с другом по интересному для всех поводу. Некоторые находят себе работу, посвящая свои силы городскому хозяйству; но это доступно немногим. Для того, чтобы найти интерес в этом деле, нужно хорошо знать свой край, а изучения-то его и нет у нас! Очень часто от провинциальной

скуки рекомендуют универсальное средство – чтение. Легко сказать – чтение: но попробуйте-ка наполнить им весь ваш досуг. Для этого нужна особая охота, привычка жить в мире книг. Кабинетные привычки не многим даются, большинству нужны живые впечатления попеременно с книгой. Чтение чтению опять-таки рознь! Все, что нам приходится читать о текущих делах, о направлении работ в руководящих сферах, происходит так далеко от нас, что имеет только интерес исторического факта. Мы часто не можем уразуметь ни внутренних мотивов известных действий, ни внешних причин, их вызвавших. Прочтем в запоздалой газете какое-нибудь утешительное известие – скажем: слава Богу, что людям хорошо живется. Придет известие горестное – пожалеем, но так как все это далеко, далеко от нас, пособить, принять участие почти нет возможности, то чтение и останется одним чтением. Чтение, чтобы наполнить жизнь человека, должно превратиться в занятие, так бесцельное и непрерывное странствие по печатному слову имеет и свою обратную сторону. Примеры этому я в провинции видывал. Читает человек с утра до вечера, читает массу всякой всячины и живет в мире своих книг, в мире далекого от того, что его окружает. Он с волнением передает подробности о размолвке «железного канцлера» с императором Вильгельмом, его живо интересуют и колониальные распри европейцев в Африке, и Тройственный союз, а спросим, что у вас делается. Да что у нас? У нас спячка, я, признаться за этим не слежу, т. е. все взоры мои обращены в прекрасную даль, к широким мировым вопросам, и дела мне нет до муравьиной работы. Это презрительное отношение к окружающей среде, отношение к ней сверху вниз – очень нежелательное явление. Как бы бедна ни была жизнь наша содержанием – она все-таки частица общечеловеческой жизни. Неужели же нашей провинции нет места в общечеловеческой работе, неужели нам дома у себя и делать нечего? Неужели, если у нас нет широкой общественной деятельности, то нельзя найти скромной, культурной, общепользуемой работы? Есть лица, не одни зачитавшиеся провинциальные книжники, которые думают так; недавно еще один авторитетный по своей части голос безапелляционно заявил, что

умственная жизнь в провинции возможна только при университетах. Что всякие попытки, какие были сделаны до сих пор ради развития научных учреждений в провинции, обречены на бесплодное вымирание. Этот грозный приговор произнесен над нами недавно в Москве профессором Мензбиром и отпечатан на страницах «Русской мысли», и я вчера только прочел его здесь, в Кяхте. Я не буду теперь занимать вас разбором мнений московского орнитолога, да, признаться, для провинциалов, особенно для нас, обитателей Сибири, такие приговоры не новость. Если не в печати, то словесно нам немало приходилось выслушивать подобных «комплиментов». Придет сибиряк в столицу – ему и теперь еще задают вопросы о медведях, ходящих по улицам, о лютых морозах, о пожирании сырой рыбы; теперь еще характеризуют нашу жизнь тем же чертами, которыми очертил ее шведский путешественник двести лет тому назад. Справедлива ли эта характеристика, здесь разбирать не стоит. Припомню лучше спор о значении провинций, бывший и кончившийся всего лет шесть тому назад в русской периодической литературе между двумя почтенными деятелями и знатоками русской провинциальной жизни г[осподами] Гацисским и Мордовцевым. Имя Даниила Лукича Мордовцева достаточно известно, чтобы распространяться о нем, имя же Гацисского известно гораздо меньше, чем оно того заслуживает. Это почтенный нижегородский труженик, работающий уже не один десяток лет и в качестве статистика, и в качестве практического деятеля, и в качестве собирателя разнообразнейших материалов по изучению своего края – достойный пример и образец для подражания всем нам, чья жизнь так или иначе связана с провинцией.

В очень горькой статье Мордовцев как-то расписал самими мрачными чертами сонную жизнь наших захолустьев и обрек ее на совершенное бессилие. Хотя эта статья во многом прямо относилась к деятельности Гацисского, но он не отвечал на нее. Многими уже забылась статья Мордовцева; но вот в 1887 году появляется новая статья этого же автора под знаменательным заглавием «Жизнь, жизнь провинции!».

С жаром, искренностью и остроумием, свойственными этому писателю, рассказывает он историю своего обращения

и торжественно отрекается от своего приговора провинции. «Гацисский не отвечал мне, – пишет Мордовцев, – а вместо этого ежегодно присылал мне то какие-нибудь провинциальные издания, то отчеты о деятельности провинциальных учреждений и имел жестокость еще делать на них собственноручную надпись – многоуважаемому Даниилу Лукичу Мордовцеву от такого-то. Читал, читал я эти книги, и волей-неволей рассеивалось мое прежнее неверие, и теперь я должен воскликнуть: ты победил, галилеянин, из провинции. Жизнь, жизнь провинции». Так заканчивает свою статью Мордовцев*.

** Статьи
Д.Л. Мордовцева у меня
нет под руками, а потому
я могу ручаться
только за смысл,
а не за подлинную
точность выражений
автора (прим. автора).*

Этот полузабытый инцидент представляет одно из светлых явлений нашей литературы по чистоте и искренности отношения писателя к затронутому им вопросу. Думать надобно все-таки, что не один пример Гацисского, а и вообще подъем самодеятельности провинции, особое внимание, обращенное на провинциальную жизнь мыслящими слоями русского общества, имели такое решающее влияние на воззрения одного из наших выдающихся писателей.

В двух странах в новейшее время выдвинулся на первый план провинциальный вопрос – в нашем отечестве и во Франции. И по весьма понятным причинам: слишком велика и там, и здесь разница в положении обитателей столиц и деревенских захолусть:

«В столицах шум, гремят витии, / Кипит словесная война! / А там, во глубине России, / Там вековая тишина», – писал еще 30 лет тому назад Некрасов, и с тех пор наша столичная интеллигенция не ниже европейской, ее идеалы, понимание вопросов не ниже общеевропейских, между тем, как большинство народа, лишенное благ цивилизации, живет своею стародавней жизнью. Во Франции то же явление. Париж – столица мировой интеллигенции, передовой отряд европейской цивилизации, к голосу которого прислушиваются образованные люди обоих полушарий, а масса деревенского населения дика до полного безграмотства**. Страшный погром прусского

*** Так в тексте,
правильнее –
безграмотности.*

нашествия показал, что в трудных обстоятельствах между высокопросвещенной столицей и первобытной провинцией нет взаимного понимания. Самый патриотизм французского крестьянина был не похож на патриотизм крупных центров. Понятно, что новое правительство, после горького урока, должно было все силы употребить на развитие образования в народе. Школы, публичные лекции, громадная литература популярных книг были результатом этих стараний; но скоро оказалось, что одних этих пособий недостаточно. Книга достаточна для отдельного человека, для школы, но, если мы хотим влиять на разумение взрослых людей, на развитие целого народа, нужны факты другого рода, нужна наглядность, нужно дать что-нибудь осязательное и притом близкое к интересам его. Так возникла мысль об основании местных музеев во Франции. Желая влиять на образование крестьянина, нужно, прежде всего, обратить внимание на то, что его окружает, на свою местность. Так и смотрел на дело главный инициатор местных французских музеев, адвокат и ученый Гру. Мысль свою о местных учреждениях вроде музеев как о средстве народнообразовательном он развивал еще покойному Гамбетте. Громадный практический ум государственного человека сразу постиг все благотворное влияние новых начинаний, и он поощрил и одобрил мысль Гру.

Движение это во Франции началось в 1876 году в Лизере, на родине Гру. Здесь его стараниями был основан местный музей, в том же году основан был Дюпоном, товарищем Гру, новый местный музей в Мезидоне. Как и всегда бывает, новое дело было встречено скептически. Что за затея – музей в маленьком городке, кому он нужен, кто станет им пользоваться, кто будет разбирать коллекции? Оказалось, что для выполнения этого начала нужны были только добрая воля и вера в свое дело. У тех же обывателей, которые боялись за музей, нашлось немало предметов, годных для него. Выставленные вместе, систематически расположенные, они привели в восторг публику. Публика и не ожидала, что в разрозненном виде, у случайных владельцев, у нее самой имеется так много поучительного. Действительно, десяток шуфов минералов, древняя вещьца, альбом, где есть два-три местных

вида, пока они стоят одиноко в квартирах любителей или случайных владельцев, они напоминают интересную книгу, разорванную по листкам, и не оставляют цельного впечатления; когда те же самые предметы собраны вместе, соединены в однородные группы, когда приложено старание выставить на вид их поучительные стороны – впечатление получается совсем другое, неожиданное. Пример подобного испытал и я сам; в 1887 году, по мысли энергичного Петра Ивановича Макушина¹, мне пришлось принять участие в устройстве этнографической выставки в Томске. Затеяно дело было великим постом, а к Пасхе выставка была уже готова. Было время распутицы, выписать, достать что-либо от иногородних не было возможности. Все, что было на выставке, собралось в том же Томске, у местных обывателей и любителей, и однако же публика посещала выставку, посещала за плату и усердно в течение целой недели. Правда, здесь много помогали интересные объяснения библиотекаря университета г[посподина] Кузнецова² и его личные богатые коллекции, но все-таки публика никак не ожидала, что из тех вещей, которые находились в Томске, в разных домах, можно составить такую поучительную картину, но вернемся к местным французским музеям.

Сборы растений, насекомых, минералов, производимые не учеными, конечно, которых не было в маленьких городках, а фармацевтами, учителями, купцами, школьниками дали самим местным жителям совершенно новое представление о своей местности. Собрались предметы; новая забота – определять, изучать их. С этим горем справились скоро. Французские ученые, как только слышали, что в Лизере собираются коллекции, сразу принялись за их обработку. Мало того, посыпались заказы в маленькие музеи – нельзя ли собрать то и другое? Хорошо изучена Франция – слов нет: ее ученые искрестили ее вдоль и поперек, но многие вещи из местных музеев оказались новостью и для ученых. Таким образом, учреждение, имевшее вначале задачу чисто педагогическую – дать умственную работу заолухустью, стало источником для расширения знаний, дало работу ученым. Не осталось без влияния и на промышленную жизнь провинции

открытие музеев. Оказалось, что залежи некоторых минералов, на которые никто не обращал внимания, – превосходный материал для удобрения. В другом месте найдены растения, которые оказались пригодными для красильного дела; но всех примеров не перечислить.

Музейное дело было встречено сочувственно французским правительством, бедным музеям выдавалась казенная субсидия. С 1880 года Гру начал издавать свои ежегодники музеев, так как дело росло. В настоящее время, по сведениям, может быть, несколько устарелым, во Франции 87 музеев местных, не считая парижских по округам и, конечно, не считая музеев центральных академических.

Общий характер местных французских музеев таков: в музее имеются коллекции естественноисторические, он также собирает произведения местной промышленности. Далее идут памятники местной старины в подлинниках, снимках, моделях и фотографиях, рукописи и документы, касающиеся истории края. Все это в простых витринах на полочках. Не блещут эти коллекции ни особенным обилием, ни красотой. Привыкший к музеям-дворцам, с громадным штатом служащих посетитель на первый взгляд разочаровывается, вступая в скромный местный музей, но вот он присматривается к одному, к другому предмету, прислушивается к объяснениям, и невольно начинает его тянуть к этим местным труженикам, невольно возрастает его интерес к маленькому делу, и он выходит из музея, как бы породнившись с ними. И, странное дело, у него остается какое-то теплое чувство спокойного удовлетворения, какого он не испытывал, посещая великие музеи. Там его подавляло все необыкновенной грандиозностью. Он чувствовал осязательно всю необъятность человеческого знания и все свое ничтожество перед ним. Вот стоят египетские саркофаги, над описанием которых трудятся уже десятки лет специалисты, вот громадный шкаф с насекомыми из Бразилии – над обработкой его трудились ученые всей Европы. Перед посетителем громадный мир, которого обнять одному человеку нет возможности. Почтенные специалисты, знатоки дела, по книгам которых он учился, знания которых он так привык ценить, и те теряются среди этих

богатств, каждый из них доведет посетителя только до порога той комнаты, в которой он работает, — дальше и для него, как и для любознательного гостя, начинается чуждый мир. Невольно думаешь: что мне здесь делать, где крупный ученый только скромный труженик. Здесь годы тратятся на изучение содержимого трех-четырёх витрин. Совсем иначе чувствует себя простой, любознательный посетитель, неспециалист-ученый, выходя из маленького местного музея: он сознает, что маленький уголок Франции он узнал так, как не узнал бы его в 10 лет. Он чувствует, что и у себя дома можно сделать нечто подобное, что можно любить свой уголок не только по одной привычке, не потому только, что с ним связаны дорогие воспоминания, а потому еще, что, сверх всякого ожидания, этот уголок очень интересен.

Особое оживление бывает в местных музеях в годовщину оснований их. Устраивается общее собрание, читается годовой отчет, осматриваются новые коллекции, и всякий видит, что дело идет в гору. Кто-нибудь из членов местного комитета при музее читает речь, посвященную воспоминаниям из истории города или местности или же из жизни местной природы, читаются поздравительные телеграммы от разных учреждений, и все заканчивается или общей прогулкой, или банкетом. Банкет — это слишком громкое название для скромного товарищеского обеда, где нет иного вина, кроме своего, местного, трапеза отличается умеренностью и простотой, но главное ее украшение — живая добрая беседа людей, уверенных, что они делают доброе дело.

Что касается организации музеев, то около них состоит обыкновенно комитет из пяти лиц, чаще всего членов думы или учебного ведомства. Город дает от себя помещение, комитет нанимает сторожа, который метет и открывает по праздникам музей для публики. При некоторых из музеев начинают формироваться общества для изучения своего края. В обращениях к публике в своих брошюрах Гру и его сотрудники теперь уже держатся твердого тона; о пользе музеев они почти уже не говорят, считая вопрос бесспорно решенным. В ответ на приветствия разных городских советов и поздравления, вместо благодарностей и комплиментов,

Гру пишет: *assez des paroles, des actes messieurs!* Вы поздравляете нас, спасибо! Но почему вы сами у себя не заводите своих музеев. Нет у вас, что ли, нескольких сот франков на дешевые витрины, нет денег на сторожа! Или патриотизма не хватает? Вера в пользу дела создала самое дело, оно вошло уже в жизнь и дало право поборникам его говорить о нем, как о совершившемся факте, как о признанном жизненном явлении.

Скромная работа Гру и его единомышленников не осталась незамеченной крупными центрами умственной жизни. Большая золотая медаль Министерства народного просвещения на выставке в Париже, целый ряд почетных отзывов ученых, французских и заграничных, были наградой деятелей во Франции.

В нашем Отечестве дело местных музеев возникло почти одновременно с Францией, совершенно независимо от первой, так как у нас нужда в них даже более настоятельная, нежели во Франции. Мы уже говорили об однообразии и бедосодержательности провинциальной жизни. Француз, образованный человек или просто желающий запастись новыми впечатлениями, освежиться, может сесть на железную дорогу, продремать несколько часов в вагоне и к утру – он в столице мира. У нас расстояния приковывают человека к месту. Богатые люди и пользующиеся досугом, и те могут позволять себе поездки в столицу лишь изредка. Нужна умственная жизнь какая-нибудь на месте. Франция – небольшая страна, и она изучена довольно хорошо. Природные ресурсы ее известны, но и там остается дела немало на долю местных музеев. Что же сказать о нашем обширном Отечестве? У нас природные дары лежат, попираемые ногами. Давно ли открыты богатейшие залежи ртутной руды в Бахмутском уезде? Давно ли открыты залежи серы в Тетюшском уезде, под боком почти у Казанского университета! Нельзя винить наши центральные ученые общества за пробелы в исследованиях России. Слишком велика наша территория по сравнению с научными силами центров. Отдаленная наша окраина в этом отношении стоит, конечно, еще в худших условиях. Научные разыскания здесь требуют, кроме громадных издержек для приезжих,

еще большего мужества, готовности и умения переносить лишения скитальческой жизни. Да, чтобы уж сказать все сразу, невозможно путем кратковременных экспедиций с длинным маршрутом изучить обширную страну. Таким путем можно уловить только общие, характерные стороны данной страны, а не местные особенности каждого ее уголка; между тем, где дело идет о практических и промышленных вопросах – все дело в подробном знании местности. От недостатка исследований отдельных местностей страдает наука, а еще более местные обыватели. Сколько теряется заработка, сколько промыслов не развивается у нас благодаря недостаточному знанию местностей! Сознали давно это лучшие люди в провинции, и вот начинают возникать местные музеи в Твери, в Вятке, Петрозаводске, Уфе, возникает музей при Петровском обществе в Астрахани и других местах.

Было бы очень утомительно и бесцельно останавливать ваше внимание на истории музеев Европейской России, когда у нас, недалеко, в Сибири, мы имеем блестящие примеры развития музейного дела, примеры, более подходящие к условиям нашей жизни, а стало быть, и более поучительные.

Вы ожидаете, вероятно, что я буду говорить о музее Минусинском и о деятельности Николая Михайловича Мартянова. Действительно, говоря о местных музеях, нельзя обойти ни этого города, ни этого имени. Минусинский музей – старейший из местных музеев и самый богатый: из 57 тысяч предметов, хранящихся в восточносибирских музеях, 28 тысяч, более половины, лежит в Минусинском музее; но я смотрю на деятельность г[осподина] Мартянова несколько иначе, нежели остальная публика. Обыкновенно представляют себе дело так, что музей этот – дело рук, необыкновенных способностей и энергии г[осподина] Мартянова. Я не желаю нисколько умалять заслуг и способностей моего близкого личного друга, с которым мы жили, думали вместе и работали целых 6 лет. Велика его энергия, но и она не привела бы ни к чему, если б его дело было только его личным делом; не встретил бы он ни преемников, ни подражателей, не отнеслись бы так горячо к его делу в разных концах Сибири. Музей этот, как бы хорош он ни был, остался бы одинокой

интересной попыткой оригинального человека и только. Натуралист по призванию и по образованию, явившись в Минусинск, Мартьянов занялся успешно сбором различных коллекций. Мелькала у него мысль об устройстве музея в Минусинске, но было страшно заявить о таком новом деле. После первых переговоров с близкими лицами, он встретил такую массу возражений и охлаждающих замечаний, что хотел оставить коллекции у себя и посылать некоторые из них для определения в столицы. Насколько нова была идея местного музея для самого Мартьянова, видно из того, что в первое время он и не думал собирать археологические минусинские коллекции, которые привлекают к нему до сих пор всеобщее внимание. Первого сторонника своей мысли г[осподин] Мартьянов нашел не среди местной интеллигенции, которая привыкла судить по готовым образцам, идти по проторенным дорогам. Поддержал его городской голова Гусев, человек хотя не образованный, но смелый и энергичный, новатор по натуре. Он провел в [городской] думе вопрос об открытии музея. Но как открывать было его, когда нет в кармане ни гроша денег, нет самой простой мебели? Здесь опять-таки помог Гусев, на его деньги сооружены шкафы, и в двух комнатках разместился местный музей. Это было в 1877 году; всего 1362 предмета со всеми натяжками насчиталось в музее; но и это скромное начало было как факт гораздо внушительнее всяких рассуждений.

** Так в тексте,
правильнее – находясь.*

Самоотверженно работал Мартьянов, но нашлись у него и самоотверженные помощники.

Ходя* в поисковой партии, молодой золото-промышленник, вместе с торбой с сухарями, нес за плечами мешочек с породами для музея. Таким образом получены были породы с реки Кантигир, где ни прежде, ни после, до настоящего времени, еще не бывала нога путешественника. У одного богатого любителя собралась коллекция древностей – он ее жертвует в музей. Эта небольшая коллекция и послужила основой археологического отдела, доставившего такую громкую известность всему музею. В 1880 году появился напечатанный на пожертвованные средства первый каталог музея. Генерал-губернатор Анучин, губернатор Лохвицкий

отнеслись очень сочувственно к новому предприятию. Кроме того, в первые годы существования и до последнего времени Минусинский музей деятельно поддерживала местная пресса. Немало совершенно безвестных, но бескорыстных и полезных работников поддерживали музей своими трудами. Ими составлены книги, выпущенные от имени музея, которыми он справедливо гордится. Этим доказывалось, что местный музей действительно одно из пригоднейших учреждений для изучения местности, особенно в таком крае, как наша Сибирь. Пригоден он тем, что нагляден, пригоден тем, что дает возможность начать работу при сравнительно малых средствах. В чем же секрет деятельности Мартьянова, почему удалось ему поставить дело, первый начин которого казался столь трудным. Многие приписывают все его личным качествам и умению привлекать людей. Разумеется, очень многие помогали музею только ради Мартьянова; но многие работали сознательно, ради дела. Лица, приписывающие весь успех обаянию личности основателя музея, не поняли главной заслуги его – чрезвычайно разумной системы действий, которую можно рекомендовать как руководство и образец.

Первое правило, за которое Мартьянов нес иногда несправедливые нарекания, – пользоваться всяким человеком, обнаруживающим склонность быть полезным музею. Ни различия в образовании, ни в общественном положении не мешали Мартьянову пользоваться человеком, раз он, по его мнению, мог что-нибудь сделать для музея, – золотопромышленник, учитель, простой рыбак, охотник, крестьянин, всеми он умел и считал нужным пользоваться; музей не был его личным или только городским делом, а делом всех сочувствующих и могущих быть полезными. Если б Минусинский музей был разборчивой невестой, браковал бы одних сотрудников за недостаточное образование, других – за низкое положение в обществе, замкнулся бы в ограниченном кружке – ничего бы не вышло из работы Мартьянова. Некоторые местные музеи, основанные впоследствии при более крупных средствах и более благоприятных условиях, прозябали и развивались черепашным шагом, благодаря тому, что смотрели на музей как на кружковое дело.

Второе правило – пользуясь всеми, Мартьянов старался быть полезным всем. Нужно ли кому выписать книгу, узнать, есть ли в этом камне серебро или золото, определить растение – он не отказывался. Чего не мог сделать сам, обращался к другим, посылал в Петербург, Москву – музей старался быть справочной конторой для всех.

Третье – он не спал со своими коллекциями. Находилось что-либо интересное, он посылал в столицы, за границу, и благодаря ему не один ученый труд о Сибири был выпущен за границей, была, по его инициативе, снаряжена целая экспедиция для исследования окаменелостей около села Бейского. В России носились еще только неопределенные слухи о Минусинском музее, а в Вене жена известного миколога, покойного барона Тюмена, уже писала о нем статьи в газетах. По последним отчетам, музей находится в сношениях, кроме обществ и ученых русских, с французскими, шведскими, немецкими, швейцарскими, итальянскими. Важность такого способа действий ясна сама собой; но им очень часто пренебрегают и чем учение консерватор, тем чаще. Сам, дескать, займусь, обработаю. При разносторонних своих познаниях Мартьянов мог бы более многих других претендовать на право личной разработки коллекций; но он поступался и своей ученой славой, и даже самими коллекциями ради привлечения сотрудников-специалистов.

Четвертое правило – брать и составлять всякие коллекции, какие можно. Часто слышим мы: эти коллекции не подходят под нашу программу, эти коллекции мало поучительны, нам их не надобно. В таком деле, как местный музей, программа должна сообразоваться с опытом; непоучительная, ненужная, на первый взгляд, коллекция, может быть продана, обменена. Лицо, вначале доставлявшее только хлам, поощренное и наученное, может стать дельным коллектором.

Несмотря на то, что положение музея уже упрочилось, лет пять тому назад он был в затруднительном положении. Коллекции начали давить помещение, нужно было новое; нужна была масса книг ученых для работ при музее. Здесь опять явилось на выручку общество. Часть денег собралась на месте, большую половину дал И.М. Сибиряков³,

и у музея – прекрасное помещение, красивый зал и хорошая библиотека.

Добрый почин Мартьянова не остался без подражания. Возник музей в Семипалатинске, стараниями секретаря ст[атистического] комитета Маковецкого, потом – в Енисейске. Оказалось, что устраивать музеи везде возможно и полезно. Самым же [убедительным] примером в этом случае может послужить музей ачинский; главным работником в нем был не ученый, как Мартьянов, а просто воспитанник Красноярской учительской семинарии Д.С. Каргополов⁴, уроженец Минусинского округа, горячий почитатель Мартьянова. При своих ограниченных сведениях, при скромном положении зрителя городского училища, он, при сочувствии общества, сумел сделать небольшой, но полезный музей. Две комнатки, в которых он помещается, были заняты дельным материалом. Помню я с большой пользой и удовольствием просидел в нем два дня, рассматривая горные породы и почвы Ачинского округа. Небольшая коллекция девонских рыбок, отосланная из этого музея в [Российскую] академию, послужила полезным подспорьем для д[окто]ра Рогона в его палеоихтиологических трудах. Пример Каргополова достаточно показывает, что главное здесь – вера в дело и любовь к нему, что полезен и интересен материал, собранный неспециалистом, если он собран аккуратно. А в собирателях и сотрудниках и у Каргополова не было недостатка, – помогать начали и ему, начиная от мальчиков-школьников и оканчивая местным исправником. Если теперь, после отъезда Каргополова, об Ачинском музее мало слышно, то подобному явлению удивляться нечего: и в крупных учреждениях бывают периоды застоя в деятельности, но периоды могут сменяться более оживленными, лишь бы только само учреждение существовало.

В Енисейске основан музей в 1884 году, в [18]86-м – Красноярский и Нерчинский, в [18]87-м – Тобольский, и, наконец, в [18]90 году в далеком Якутске основан при статистическом комитете местный музей. Из них по своей энергичной деятельности выдаются музеи Нерчинский и Тобольский, хотя положение их крайне различно.

Нерчинский, имеющий уже около 10090 предметов, поддерживается думой и небольшим местным кружком. Тобольский – особым комитетом, председателем которого состоит губернатор. Пример этот показывает, что может сделать благожелательный администратор на пользу просвещения края. Музей этот начался с того, что для него выстроен был дом – с этого ни один сибирский музей не начинался. Задача – иметь свое приспособленное помещение – неразрешима для многих из них, до сих пор свои дома имеют только минусинский и тобольский. Строится помещение для красноярского музея, на которое жена товарища городского головы, одного из основателей музея, пожертвовала 23000 р[ублей] с[еребром]. Заявили себя научными изданиями три сибирских музея – минусинский, тобольский и якутский. Объяснения коллекций производились во всех музеях. Многие, как минусинский, красноярский, якутский и енисейский, производили научные экскурсии. Из них выдается громадная экскурсия А.И. Кытманова⁵ к устью Енисея, давшая богатые материалы, которыми он любезно поделился с Восточно-Сибирским отделом [Императорского Русского географического общества].

Из сказанного вы видите, что большинство наших сибирских музеев возникло по частной инициативе при помощи городских обществ. Это одно из доказательств зрелости и понимания своих обязанностей сибирскими городскими обществами. Музеи были встречены сочувственно высшей властью. Она первая поощрила труды работников. Первая золотая медаль Мартыанову была всемиловитейше пожалована государем императором.

Все мы видели и помним, с каким вниманием и интересом знакомился государь наследник с местными музеями.

Пожертвования денежные, награды основателям музея и, наконец, принятие под свое покровительство музея тобольского – вот чем выразилось отношение высокого путешественника к местным музеям*.

Я уже говорил в начале своей лекции, что, по слухам, вопрос о земских музеях, их нормальном уставе и бюджете их обратил на

* Имеется в виду путешествие по России наследника престола Николая Александровича (Романова) в 1891 г., во время которого он обязательно посещал и осматривал сибирские музеи.

себя внимание высших сфер. Нельзя не пожелать скорейшего решения этих вопросов. Действительно, музеи нуждаются и в нормальном уставе, и в поддержке не только материальной, но умственной и нравственной, нуждаются в руководительстве* компетентной ученой коллегии. Необходимо выяснить значение этих учреждений перед лицом закона.

** Так в тексте,
правильно – руководство.*

Теперь уже пора издавать ежегодники музеев по примеру Франции. Наши сибирские музеи печатают свои отчеты и рассылают их охотно (за исключением Ачинского и Красноярского музея), но это отдельные отчеты! Необходимы общие выводы, сравнения, необходимо печатать запросы музеев, соображения их о своих нуждах. Необходимы также сведения о частных коллекциях. Многие ученые для своих специальных работ нуждаются в коллекциях, которых сами собрать не могут. Нам не случалось читать ни объявлений, ни запросов от таких ученых в общераспространенных или даже специальных изданиях. Такие объявления в ежегодниках были бы уместны: один, например, может, пожелал бы приобрести коллекцию сибирских водорослей, другой нуждается, для пополнения своих обширных работ, в собрании сибирских злаков, сведениях о цвете глаз, волос и т. д. Это связало бы ближе провинцию с крупными учеными центрами.

В заключение я обращаюсь к рассмотрению частного, близкого нам вопроса, который задавали мне здесь не раз. Какое значение будет иметь открытие местного музея в Троицкосавске или Кяхте? Я бы мог ответить на него просто: где есть люди, где есть человеческая любознательность, где есть потребность в изучении окружающего, там принесет и свою пользу местный музей, но относительно Кяхты, мне кажется, возможны и особые соображения, и особые задачи для музея.

Сто семьдесят лет тому назад образовалась на границе Монголии маленькая русская колония, одна из таких, каких немало рассеяно по русской границе. Положение этой колонии было настолько трудным ввиду дикости соседнего населения, что оно выбрало себе местечко для

местожительства на речке, текущей из русских пределов. Было основание опасаться, что «добрые» соседи отравят, испортят или отведут воду. Маленькая деревенька эта становится мало-помалу заметным пунктом, не по численности населения, а по своему громадному торговому значению. Скоро эта слобода делается отправным пунктом русской торговли с Китаем, она пролагает пути в за-

стенный Китай*, создает русское торговое дело в срединной империи**. До завоевания Средней Азии, до открытия Суэцкого канала и морского пути в Одессу эта слобода сосредоточивала в себе почти всю русско-азиатскую торговлю. Маленький уголок на китайской границе приводил в движение капиталы на берегу Москвы-реки и на берегах Янце-кианга***. Все это создано было умением, энергией и настойчивостью небольшой кучки людей, отцов и дедов со-

временного поколения. Какими бы путями ни пошла наша торговля с Азией в будущем, за Кяхтой навсегда останется заслуга создания русско-китайской торговли, открытие рынка для русских товаров в Китае и произведений Китая для России. Исполнением этой задачи никоим образом не может, не должна ограничиться роль Кяхты. Путем долгого знакомства с Китаем, путем общения с ним Кяхта приобрела глубоко практическое, так сказать, личное знакомство с Китаем, у Кяхты громадные ценные связи внутри Китая. Вспомним, какой интерес возбудили в научной литературе простые дневники торговых приказчиков, изданные нашим отделом на средства фирмы г[оспод] Кокovina и Басова. Понятное дело, что эти сведения – малая часть того, чем обладает, что может дать Кяхта. Китай – нам близкий сосед, сосед богатый. Во имя пользы государства, во имя интересов русской промышленности и русской науки мы должны изучать и изучать Китай и Монголию. И теперь уже конкурирующие с нами на торговом поприще иностранцы доказывают нам, что они глубоко знают Китай, его нравы, производительные силы.

* Застенным Китаем назывались территории, заселенные ханскими китайцами во времена правления династии Цинь (XVI–XVII вв.).

** Срединная, или Поднебесная, империя – самоназвание Китая, использовавшееся с древности.

*** Р. Янцзы.

Нам нельзя отставать от иностранцев, всякий, кто может помочь в этом деле, обязан оказать свою долю содействия.

Какое же содействие могут оказать Кяхта и Триокосавск? Здесь люди практики, не кабинетные работники, как они могут участвовать личными трудами в деле изучения Китая? Ответ мой будет короток – созданием местного и монгольско-китайского музея. При своем громадном практическом знании Китая, при крепких, близких связях с ним Кяхта может, при добром желании, создать единственный в своем роде кяхтинско-монгольский музей. Ученый путешественник, хоть и хорошо знающий эти страны, с трудом, случайно добудет и узнает то, что для Кяхты дастся без труда.

Произведение китайской промышленности, оригинальная внутренняя жизнь этой страны, памятники ее искусств, странные и удивляющие всех религиозные верования; своеобразные обычаи, своеобразная литература – вот громадное поле для деятельности Кяхты и кяхтинцев. Конечно, такой музей уже нечто большее, нежели местный музей; но в Кяхте так благоприятно сложились внешние обстоятельства для образования такого музея, как нигде. В центрах умственной жизни, русской или заграничной, нет одного из главных условий для полноты такого музея, нет возможности следить непрерывно за жизнью Китая или Монголии. В Европе поняли это, как ни богаты луврские древнеегипетские коллекции – все-таки нашли нужным основывать музеи в самом Египте (Булакский музей).

Оказав громадную услугу русской торговле в прошлом, Кяхта, основав музей, окажет ее и далекому будущему, ее практическое знание Китая не пропадет бесследно, а послужит на пользу грядущим поколениям, русской жизни и русской науке. По ее музею как по живой книге, будут знакомиться с Китаем и Монголией русские люди, и в потомстве будет обеспечена благодарная память его основателям.

Публикуется по: Клеменц Д. Местные музеи и их значение в провинциальной жизни (публичная лекция, читанная в Кяхте 8 октября 1892 г.) // Сибирский сборник: приложение к «Восточному обозрению». Иркутск, 1893. Вып. 2. С. 1–35.

* Сост. по: Историческая
энциклопедия Сибири:
в 3 т. Новосибирск, 2009.
Т. 2–3.

КОММЕНТАРИИ*

¹ Петр Иванович Макушин (1844–1926), учился в Петербургской духовной академии, сотрудничал в Алтайской духовной миссии; с 1868 г. жил и работал в Томске, организовал первый в Сибири книжный магазин, издавал и редактировал «Сибирскую газету», позже – «Сибирскую жизнь». Много жертвовал на нужды культуры и образования, участвовал в создании Педагогического музея, в организации и проведении выставок. Просветительная деятельность Макушина была отмечена присвоением ему звания почетного гражданина г. Томска (1910), почетного гражданина Сибири (1919).

² Степан Кирович Кузнецов (1854–1913), выпускник Императорского Казанского университета, в 1885 г. приехал в Томск, занимался организацией библиотеки Императорского Томского университета, руководил ею более четверти века; проводил археологические раскопки, материалы которых передавал в Археологический музей Томского университета.

³ Иннокентий Михайлович Сибиряков (1860–1901), иркутский купец 1-й гильдии, золотопромышленник, финансировал научные исследования Северной и Центральной Азии, поддерживал создание и деятельность сибирских музеев.

⁴ Дмитрий Семенович Каргополов (1858–1922), окончил Красноярскую учительскую семинарию, преподавал в Ачинске, где организовал с помощью И.М. Сибирякова городской музей. Позже участвовал в создании Канского музея.

⁵ Александр Игнатьевич Кытманов (1858–1910), выходец из семьи енисейских золотопромышленников, окончил Санкт-Петербургский университет, избирался в Енисейскую городскую думу; инициировал создание Енисейского городского музея и более 20 лет безвозмездно заведовал им.

**РЕЧЬ А.К. КУЗНЕЦОВА,
ПРОИЗНЕСЕННАЯ ПО СЛУЧАЮ
ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЯ
ИМПЕРАТОРСКОГО РУССКОГО
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА**

Алексей Кириллович Кузнецов (1845–1929), сын херсонского купца, после окончания Московского коммерческого училища учился в Петровской земледельческой и лесной академии (совр. Российский государственный аграрный университет), увлекался гербаризацией, писал научную работу о «низших вредителях в сельском хозяйстве». Вовлеченный в террористическую деятельность народнического нечаевского кружка, был обвинен в убийстве студента, арестован и в 1871 г. приговорен судом к каторжным работам. Кузнецов отбыл шесть лет на Карийской каторге, после чего был переведен на поселение, а позже перебрался в Нерчинск, где занимался огородничеством, а также фотографированием (и этим зарабатывал на жизнь). В 1886 г. он открыл первый на восточносибирских территориях публичный Нерчинский музей. Чуть позже, переехав в Читу, административный центр Забайкальской области, участвовал в формировании Забайкальского областного отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества, много лет руководил созданным при отделении музеем, превратив его в научно-культурный очаг всей восточной части России. В 1906 г. А.К. Кузнецов вновь был арестован и по обвинению в участии в революционных событиях приговорен к каторжным работам в Якутии. Благодаря ходатайству влиятельных друзей и коллег по музейной работе он получил разрешение поселиться в Якутске, где ему удалось вернуть к жизни заглохший местный музей, созданный еще в конце XIX в. В 1913 г. Кузнецову было дозволено возвратиться в Читу, и он занялся

восстановлением пострадавшего от пожара Читинского музея, которым руководил более 15 лет.

К 50-летию Императорского Русского географического общества, в январе 1896 г., А.К. Кузнецов подготовил строго документированный обзор истории исследований восточных территорий Северной Азии, начиная с пребывания Мессершмидта, Гмелина, Миллера и завершая трудами Н.М. Пржевальского, Г.Н. Потанина, В.А. Обручева. Характерно, что научные труды членов сибирских отделов и подразделов Географического общества тесно увязывались Кузнецовым с музейной деятельностью, с формированием Читинского, Красноярского, Минусинского, Кяхтинского музеев. Первым среди музееведов А.К. Кузнецов собрал и систематизировал достоверные сведения о создании Иркутского музея, открытие которого ознаменовало начало музейного дела в Азиатской России. Давно ставший библиографической редкостью доклад А.К. Кузнецова серьезно корректирует современные представления о научных исследованиях и развитии музейного дела Северной Азии конца XVIII – второй половины XIX в.

Н.М. Дмитриенко

Я счастлив, что на мою долю выпала честь говорить в такой торжественный день, как сегодня, когда мы, члены одной из отдаленнейшей и слабейшей ветвей центрального Императорского Русского географического общества, собрались праздновать его пятидесятилетний юбилей.

Но прежде, чем сказать о возникновении географического общества, почтить память его основателей и обрисовать в кратких словах его громадные заслуги на поприще науки и его влияние на культурное развитие России вообще, позвольте мне сделать историческую справку о трудах, предпринятых с целью исследования России, ее азиатских окраин в предшествующую эпоху, когда изучение не имело еще систематического и преемственного характера и велось как отдельными лицами, так и снаряжаемыми Правительством экспедициями. Конечно, невозможно исчерпать столь обширный вопрос в пределах краткого сообщения; поэтому

я ограничусь тем, что укажу на то, что было сделано в прошлом столетии для исследования Сибири и в частности Забайкалья. Затем, указав на организацию и деятельность географического общества и охарактеризовав могучий импульс, данный им русской географической науке, я перейду к той стороне его деятельности, которая для нас, жителей дальней окраины, представляет наибольший интерес: к той нравственной, отчасти и материальной, помощи, которую оно в состоянии оказывать местным силам, группирующимся под знаменем географического общества для местных исследований.

Интерес к изучению окружающей нас природы при помощи точных научных методов, с музеями и библиотеками как пособиями возник сравнительно недавно. Но собирание разных редкостей, в большинстве случаев ради одного любопытства, и у нас началось давно. Еще Петр Великий собирал всевозможные редкости как за границей, так и в России для основанной в Москве при главной аптеке, а затем переведенной в Петербург в летний дворец Кунсткамеры, всем известной теперь только по басням дедушки Крылова.

В 1721 году был даже издан Указ: «Курьезные вещи, которые находятся в Сибири, покупать Сибирскому губернатору или кому где надлежит, настоящею ценою и, не переплавливая, присылать в Берг- и Мануфактур-коллегию»*.

** Полное собрание
законов Российской
империи с 1649 года.
СПб., 1830. Т. 6, № 37389
(прим. автора).*

Гениальнейшим Великим Петром было положено и начало изучению Забайкальской области: в 1720 году, т. е. ровно 175 лет тому назад, выехал для исследования Сибири вызванный из Германии ученый доктор Даниил Готтлиб Мессершмидт.

С 1722 года, в течение 7 лет, он изучал Сибирь и между прочим Даурию, Нерчинск, Далай-Нор и Монгольскую степь. Имея в инструкции приказ собирать разные редкости, он обращался к властям с просьбами доставлять ему «всякие к древности принадлежащие вещи, якобы языческие шайтаны (кумиры), великие мамонтовы кости, древние калмыцкие и татарские письма и их праотческие письменна; также каменные и кружечные могильные образы».

Возвратившись в Петербург (в 1729 году), уже после смерти Петра Великого, Мессершмидт привез разные предметы по естествознанию, археологии (древности металлической эпохи) и обширные материалы по географии, орнитологии и т. д. Крайне жаль, что громадные и интересные дневники Мессершмидта (на немецком языке) остаются до сих пор не изданными Академией наук, и мы знаем о них кое-что только по отрывочным сведениям, приводимым позднейшими исследователями, из которых Паллас наиболее воспользовался его трудами. Насколько велики труды Мессершмидта, можно судить по его *Mantissa ornitologica*, находящихся в академической библиотеке и состоящих из 18 томов.

При изучении Сибири Мессершмидт нашел себе помощника, а затем и друга, в лице шведа Филиппа-Иогана Тибберта, взятого в плен после Полтавской битвы и сосланного в Сибирь, где он жил до заключения мира с Швецией. По возвращении на родину Тибберт получил дворянское звание и фамилию Страленберга, под каковым именем он более известен. Тибберт собрал много сведений о Сибири и составил ее карту; в 1730 году он издал на немецком языке описание своих путешествий, заслужившее общее внимание, но не переведенное на русский язык*.

* *Das nord- und östliche Theil von Europa und Asia, in so weit solches das ganze russische Reich mit Sibirien und der grossen Tatarey in sich begreiffet in einer historischgeographischen Beschreibung der alten und neuen Zeiten und yielen andern unbekannten Nachrichten vorgestellt etc. von Philipp Iohann von Strahlenberg. Stockholm, 1730 (прим. автора).*

С открытием Академии наук (12 ноября 1725 года) на средства правительства был снаряжен ряд экспедиций, из которых некоторые изучали Забайкалье и особенно восточную часть его, Даурию, или Закаменье, лежащую по сю сторону Яблонового хребта.

Академией наук была снаряжена так называемая Вторая Камчатская экспедиция, или Великая северная экспедиция, начавшая исследования с 1733 года и продолжавшаяся 11 лет; экспедиция была разделена на две части: одна, под управлением Беринга, должна была совершить плавание к берегам Америки, другая отправиться через Сибирь в Камчатку сухим путем. В экспедиции принимали участие молодые ученые: натуралист Иоганн-Георг Гмелин, историк Герард-Фридрих

(иначе Федор Иванович) Миллер, профессор истории Фишер, астроном Делиль-де-Крайер (старик), адъютант Стеллер, студент Академии Крашенинников (оставивший замечательный труд о Камчатке), четыре студента, четыре землемера, переводчик, рисовальщик, живописец и инструментальный ученик. «Это была одна из замечательнейших ученых экспедиций, — говорит А.Н. Пыпин, — какие предпринимались для исследования Сибири». «Путешествие в то время соединялось с большими затруднениями: исследователи должны были почти все наблюдать и разыскивать в первый раз; самые категорические предписания из Петербурга к местным властям о содействии трудам экспедиции не избавили путешественников от крупных и мелких хлопот, и, несмотря на то, в трудах экспедиции остались замечательные исследования, которые положили начало дальнейшим изысканиям сибирской природы, этнографии и истории»*.

Фридрих Миллер работал в сибирских архивах и несколько лет особенно усердно трудился в одном из древнейших архивов Забайкалья — Нерчинском**.

Этого замечательного исследователя не по одной только истории, но и по этнографии и другим отраслям знаний справедливо называют отцом сибирской истории. Несмотря на огромные и ценные собранные им материалы, он мог издать всего 1 том своих трудов под названием «Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державой по сии времена; сочинено Герардом Фредериком Миллером, историографом и профессором университета Академии наук и Социетата аглинского членом». (Второе издание. СПб.,

* Пыпин А.Н. История русской этнографии: в 4 т. СПб., 1890–1892. Т. 4. С. 224 и многие др. (прим. автора).

** Из-за безграничного невежества представителей городского управления г. Нерчинска, в 1878 г. драгоценнейший архив в течение нескольких дней был вывезен на лошадах пожарной команды и свален под берег р. Нерчи. В то же время был вывален под берег р. Нерчи замечательный по своей полноте гербарий, составленный в течение нескольких десятков лет М.А. Зензиновым, выдающимся местным любителем естествознания, членом многих ученых обществ. Насколько был велик гербарий, можно судить по уцелевшей карпологиической коллекции, имеющей более 1000 видов семян (коллекция эта Нерчинским музеем передана в музей Читинского отделения). По основанию Нерчинского музея (1886 г.) были найдены в забытом заброшенном амбаре (во дворе полицейского управления) остатки от его же когда-то больших минералогических коллекций, которые послужили основанием коллекции Нерчинского музея. После смерти М.А. Зензинова (1873 г.) осталось также много рукописей, бумаг, дневников, особенно по метеорологии, введенных более 20 лет, но и они частью были расхищены и употреблены на оклейку стен (прим. автора).

1787). Как продолжение сибирской истории были напечатаны только отдельные главы по-немецки в «Sammulung russischer Geschichte», а по-русски – в издававшихся Миллером «Ежемесячных сочинениях», где он поместил, между прочим, краткий обзор сибирской истории.

Продолжателем по разработке истории Сибири, по предложению Миллера и на основании собранных им материалов, был назначен академик профессор Иоганн-Эбергарт Фишер. Он выехал из Петербурга в Сибирь в 1739 году и пробыл здесь около 9 лет, но работами в архивах почти не занимался; в 1741 году он посетил также и Нерчинск для разборки архивов.

Воспользовавшись исключительно готовыми трудами Миллера, он написал «Историю Сибири» по-немецки, переведенную потом на русский язык под заглавием: «Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием, сочиненная на немецком языке и в собрании академическом читанная» (СПб., 1774).

В 1735 году вместе с Миллером в Забайкалье приехал Гмелин, трудившийся особенно много по ботанике и открывший столько новых растений, сколько, по отзыву знаменитого Линнея, открыли их другие ботаники вместе взятые.

В его классическом труде «Сибирская флора» описано 1178 растений с приложением 300 рисунков*; кроме того, им издано несколько томов путешествия. Но самый интересный труд Гмелина – «Дневник», напечатанный в Геттингене в 1751–52 годах на немецком языке, в свое время был признан у нас «сумнительным». Несмотря на прошедшие 150 лет книга эта не лишена интереса, так как в ней подробно описаны посещенные места, картины грубых нравов общества, взяточничество чиновников и т. д., но книга эта и до сих пор остается не переведенной на русский язык. Насколько исследования Миллера и Гмелина были обширны и вместе с тем разносторонни, можно отчасти судить по огромному пройденному ими пути. По расчету Миллера, он проехал по Сибири более 30 [тысяч] верст, а Гмелин – 31357 верст.

Еще более известна в ученом мире по богатству научных результатов экспедиция, снаряженная для исследования

* *Gmelin J.G. Flora Sibirica sive historia plantarum sibiriae. Petropoli, 1747–1769*
(прим. автора).

Сибири в царствование Императрицы Екатерины II под начальством знаменитого ученого Петра-Симона Палласа. Экспедиция, отправившаяся в путь в 1768 году, была очень многочисленна, так что ее можно считать как бы странствующей академией. Кроме Палласа, в ней принимали участие натуралисты и этнографы: Гмелин-младший, Георги, Фальк, Гильденштетт, Лепехин, астроном Эйлер с своими помощниками, «студенты»: Соколов, Зуев, кроме того, Рычков и др. В Европейской России и Сибири они должны были произвести исследования «природы, племен, народного быта, промысла, древностей и достопримечательностей».

Паллас, путешествовавший всего 6 лет, пробыл в Забайкалье с 1771 года по 1773 год. Переправившись через Байкал, он поехал в Кяхту, где изучал китайцев, затем по Селенге проехал в Даурию. Здесь его поразила оригинальная природа, невиданные формы растений, животных и т. д. «Различные глыбы гор, – говорит Паллас, – приводящие в удивление своей формой и положением, долины, покрытые приятной зеленью, березовые и осиновые рощицы, покрывающие в разных местах вершины гор с северной стороны, множество оленей и других диких зверей, еще большее обилие различных птиц в это весеннее время года – все это делает эту страну такую приятною, что приятнее и уединеннее нельзя и желать, и я никогда в свою жизнь ничего не видел лучше. Такая волшебная обстановка, а особенно множество в полном цвету растений на южной стороне гор привели меня в восхищение... Начиная с Урала до самого Байкала, я не собрал нигде столько замечательных произведений природы, сколько в одной Даурии, нигде эти произведения не были в таком обилии и совершенстве, как в Даурии и в нагорной стороне за Байкалом».

По возвращении из путешествия Паллас издал целый ряд ученых трудов, один из них переведен с немецкого языка на русский под заглавием: «Путешествие по разным провинциям Российского государства» (СПб., 1773–1788. Т. 1–5)*. Сочинения Палласа и до сих пор служат авторитетным источником при изучении

* Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs. СПб., 1771–1776. Т. 1–3; Sammlung historischen Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften. СПб., 1776–1801. Т. 1–2; Neue nordische Beiträge. СПб.; Лейпциг, 1781–1796. Т. 1–7 (нрум. автора).

сибирской природы, этнографии и археологии. В свое время открытиями Палласа, особенно в неведомой Сибири, Европа была поражена не менее, чем на нашей памяти она поражалась открытиями в Центральной Азии, сделанными нашим славным путешественником Н.М. Пржевальским.

Сотоварищ и спутник Палласа, также замечательный ученый, Иоганн Готлиб Георги проехал Сибирь только до Даурии, впрочем, в 1772 году посетил юго-западную часть Витимского плоскогорья и сделал его краткое описание; он работал по геогнозии, ботанике, а главным образом по этнографии. В этой последней области ему принадлежит первый всесторонний обширный труд, в котором собраны ценные сведения о сибирских инородцах, а в числе их и о наших бурятах. Его сочинение, вышедшее одновременно на немецком и русском языке, носит заглавие «Описание всех, обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей».

Следует еще упомянуть о путешествиях и исследованиях академика Эрика Лаксмана, который в 1766 году предпринял путешествие на восток Сибири, причем доехал до Кяхты, а потом до Стретенска; он посетил Туркинские минеральные воды и первый указал на их целебные свойства. Везде он собирал коллекции, интересовался этнографией и лингвистикой; он первый указал письма на скалах р. Джиды в юго-западной части Забайкальской области. Привезенные Лаксманом в Петербург из Сибири коллекции заинтересовали весь ученый мир. Но Лаксман не поладил с академическим начальством, оставил свою профессию в Академии по химии и экономии и в 1780 году приехал в Нерчинск на должность горного советника; в 1783 году он исправлял должность нерчинского исправника; затем переехал в Иркутск, где и продолжал свою деятельность*.

Всеми упомянутыми исследователями XVIII века в Петербург привозились обширные и очень ценные коллекции по естествознанию и этнографии, разные древние предметы, преимущественно металлические из

* Сукачев В.П., ред.
Иркутск. Его место
и значение в истории
и культурном развитии
Восточной Сибири.
М., 1891. С. 179
(прим. автора).

курганов, а также и сведения о древних памятниках. Несмотря на то, что в 1728 году, т. е. через 3 года после смерти Петра Великого, коллекции Кунсткамеры были переданы Академии наук, несмотря на то, что в конце XVIII столетия в Академии ими заведовал знаменитый ученый Паллас, перед которым благоговела вся Европа, – от коллекций, собранных в Сибири, не осталось почти никаких следов; правда, этому отчасти способствовал и пожар Кунсткамеры, бывший в 1747 году.

С передачей Кунсткамеры в ведение Академии наук коллекции продолжали носить кунсткамерный характер: чучела животных, большею частью в неестественных позах, физические инструменты, насекомые, оружие, шкуры животных – все это было перемешано, расположено красивыми группами, и только в 1830 году с назначением заведующим коллекциями знаменитого европейского ученого К.М. Бэра, а затем Ф.Ф. Брандта (1831 год) все материалы были классифицированы по строго научной системе, и с тех пор коллекции начали служить пособиями при научных работах; слово кунсткамера было заменено словом музей. С преобразованием учреждение это начало быстро развиваться и теперь считается нашей национальной гордостью. В настоящее время один только Зоологический музей Академии [наук], коллекции которого пополняются преимущественно экспедициями, снаряжаемыми Императорским Русским географическим обществом, имеет более 50 тыс[яч] предметов и справедливо признается одним из лучших в Европе. В этом музее работают многие из знаменитейших европейских ученых, и он насчитывает 50–60 тыс[яч] посетителей в год.

Из этого краткого обзора мы видим, что важность географических исследований вполне сознавалась правительством в прошлом столетии, и что тогда не было недостатка в людях науки, совершавших дальние и трудные путешествия и возвращавшихся с богатым запасом научных материалов.

Но в этой научной деятельности не было надлежащей преемственности, последовательности и системы, что следует приписать несовершенству тогдашней организации и характеру того учреждения, которое стояло во главе русской науки и просвещения – Академии наук. На ее долю

выпала целая масса разнообразнейших и труднейших задач. При ней находились гимназия, университет, типография, литография и много других дел, не имевших никакого отношения к научным работам. Понятно, что учреждение со столь универсальным характером и принужденное так разбрасываться не могло сосредоточиться на одной какой-нибудь отрасли научной деятельности. Если руководящая роль, которую Академия наук играла в географических исследованиях в прошлом столетии, удовлетворяла потребностям того времени, то в новейшее время, когда с особенной силой проявилась необходимость специализации в деле научных исследований, у нас заявляли еще в [18]20-х годах о потребности основать такое общество, которое всецело посвятило бы себя географии и связанным с нею наукам, явилось бы надежным хранилищем для всех добытых на этом поприще материалов и результатов и в то же время давало бы импульс научной деятельности и изысканиям в этой области. Запросу этому должно было удовлетворить основанное в 1845 году Русское географическое общество.

Прежде, нежели говорить об Императорском Русском географическом обществе, скажем несколько слов относительно возникновения вообще географических обществ в других государствах.

Географическое изучение разных стран началось еще в XVII столетии, но такое изучение носило характер преимущественно коммерческий. Только в 1821 году в Париже возникло первое географическое общество (*Société de Géographie*) с программой чисто научного характера. Затем географические общества одно за другим начали быстро возникать во всех главных городах не только Европы и Америки, но и Азии; в 1831 году в Бомбее возникло первое географическое общество. В 1845 году, когда основано Императорское Русское географическое общество, было всего 8 географических обществ, теперь же их насчитывается более 120 с 60 тысячами действительных членов. Количество трудов, изданных этими обществами, колоссально: достаточно указать, что в настоящее время издается до 160 одних специальных географических журналов, из которых 14 выходят на русском языке.

Деятельность по изучению географии выражается еще и в Национальных конгрессах, которые в некоторых европейских государствах собираются почти ежегодно, а затем в Международных географических конгрессах и съездах, на которые собираются ученые всего мира; таких международных конгрессов по настоящее время было 6.

В сороковых годах [XIX века] под влиянием только что совершенного замечательного путешествия А.Ф. Миддендорфа на Таймырский полуостров и в Приамурский край* небольшая группа таких корифеев науки и академиков, как К.М. Бэр (натуралист), В.Я. Струве (астроном), Г.П. Гельмерсен (геолог), П.И. Кеппен (статистик), А.И. Левшин (этнограф), В.И. Даль (лингвист), К.И. Арсеньев (географ и статистик), во главе с адмиралом Ф.П. Литке как главным организатором географического общества и с целой плеядой географов и путешественников, между прочим, составивших свою славу исследованиями в разных краях Сибири и лиц с высшим положением в государстве, – решили организовать Русское географическое общество, ввиду того, что была признана необходимость более систематического изучения русской народной жизни и необходимость сосредоточить географические изыскания, которые до тех пор велись разъединенно, не имели одного общего специального органа. Членов-учредителей общества было 17 человек: четыре адмирала – Ф.П. Литке, И.Ф. Крузенштерн, барон Ф.П. Врангель и П.И. Рикорд; четыре академика – К.М. Бэр, В.Я. Струве, Г.П. Гельмерсен и П.И. Кеппен; три офицера главного штаба – генерал М.П. Вронченко (геодезист), Н.М. Муравьев (управляющий межевым корпусом, впоследствии виленский генерал-губернатор), генерал-квартирмейстер Ф.Ф. Берг (впоследствии наместник в Царстве Польском) и деятели на разных поприщах: А.И. Левшин, К.И. Арсеньев, В.И. Даль, оренбургский генерал-губернатор В.А. Перовский, литератор князь Одоевский, путешественник по Алтаю и Малой Азии П.А. Чихачев. К сожалению, нужно сказать, что ни

* На обратном пути из Якутска Миддендорф прошел через Становой хребет и спустился к слиянию Шилки с Аргунью, куда прибыл 14 января 1845 г., а 5 марта возвратился в Петербург (прим. автора).

один из них не дожил до празднуемого теперь юбилея, который, впрочем, есть апофеоз их славной деятельности. Временный Устав общества был Высочайше утвержден 6 августа 1845 года, с ежегодной субсидией в 10 т[ысяч] руб[лей], увеличенной с 1871 года до 15 т[ысяч] р[ублей], и вместе с тем последовало Высочайшее соизволение на принятие звания председателя Великим князем Константином Николаевичем [Романовым], в кабинете которого, в Зимнем дворце, впервые, в определенной форме и была высказана мысль об образовании Русского географического общества. Полвека Великий князь неусыпно заботился о преуспевании географического общества и горячо интересовался его деятельностью. Общество высоко чтит своего первого председателя и навсегда сохранит о нем благодарную память. По смерти Великого князя 19 февраля 1892 года последовало новое Высочайшее соизволение на принятие звания председателя Великим князем Николаем Михайловичем [Романовым].

Таким образом, через 24 года после основания первого в Европе географического общества возникло наше Русское географическое общество, которое быстро приобрело общее сочувствие и доверие, и уже 28 декабря 1846 года оно [было] наименовано Императорским.

Со дня 25-летия покровителями общества состоят царствующие императоры. В Высочайшем рескрипте, данном Императорскому Русскому географическому обществу (22 декабря 1894 года), сказаны следующие многознаменательные слова: «Следя за успехами наших познаний о русских азиатских окраинах и внутренней Азии, я имел случай убедиться, какую пользу принесли труды географического общества и его отделов дорогому нам Отечеству. Уверенный, что географическое общество и впредь будет продолжать развивать свою деятельность на пользу и на славу Отечеству, выражаю ему и его отделам мое благоволение и с готовностью принимаю звание покровителя Императорского Русского географического общества».

Первое собрание членов учредителей общества состоялось 19 сентября 1845 года в квартире В.И. Даля, где единогласно был избран помощником председателя вице-адмирал

Ф.П. Литке, почетным членом – Л.А. Перовский и 51 лицо действительными членами, а первое общее собрание было 7 октября в здании Академии наук, в присутствии 48 членов, причем были избраны члены совета и управляющие четырьмя отделениями общества.

В 1849 году временный Устав общества был переработан и утвержден окончательно. По этому Уставу Императорское Русское географическое общество «имеет целью собирать, обрабатывать и распространять в России географические, этнографические и статистические сведения вообще и в особенности о самой России, а также распространять достоверные сведения о России в других странах». Для выполнения своей программы Общество имеет четыре отделения: географии физической, географии математической, статистики и этнографии; каждое из них управляется особым председателем. Совет управляет всеми делами общества как в ученом, так и в хозяйственном отношении. Члены совета избираются из действительных членов общества на четыре года, которых к 1 января 1896 года состоит 1019, за пятидесятилетний же период в обществе работало более двух тысяч членов. Общество имеет председателя – Великого Князя Николая Михайловича, вице-председателя – сенатора П.П. Семенова, который с 1873 года становится главным руководителем общества и душой каждого предприятия, не исключая работ сибирских отделов.

После Лондонского географического общества (Royal Geographical Society) наше Географическое общество тратит наибольшие суммы сравнительно с другими такими же обществами; одни обыкновенные средства общества достигают ежегодно до 20000 р[ублей], общая же сумма капиталов общества к 1 декабря 1896 года простиралась до 135428 р[ублей] 28 к[опеек]. Капитал образовался из пособия от Государственного казначейства, членских взносов, процентов с неприкосновенного и запасного капиталов и доходов от продажи изданий общества. Но гораздо большие суммы поступают в общество в виде пожертвований на то или иное из специальных ученых предприятий, а также и на издания. Насколько велики эти пожертвования видно, напр[имер], из

того, что только на путешествия в Китае Н.М. Пржевальского, Г.Н. Потанина¹, В.И. Роборовского и издание их трудов общество получило около 175 т[ысяч] р[ублей].

Со времени своего основания Императорское Русское географическое общество снарядило целый ряд больших и малых экспедиций и отдельных исследований по самым разнообразным и широким программам.

Урал от северной части Пермской губернии до Ледовитого океана исследован экспедицией, снаряженной уже на второй год существования Географического общества (1847–1850 годы), под начальством профессора минералогии и геологии Э.К. Гофмана, магистра астрономии Ковальского, инженера Стражевского и др. Труды их были изданы (на русском и немецком языкам) в двух томах; в них, кроме обзора путешествий, собраны наблюдения астрономические, магнитные, геологические и палеонтологические, [даны] географические определения мест, описание гор, определение климата, флора, фауна.

В пятидесятых годах чрезвычайно расширилась русская территория в Азии. В 1854 году Н.Н. Муравьев, впоследствии граф Амурский, снарядил в Нерчинске большую флотилию и спустился на ней по Амуру до его устья, и таким образом река с Амурской областью стала русским владением, к которому в 1858 году присоединился Уссурийский край по Пекинскому договору 1860 года. Эти завоевания, стоившие Забайкалью много жертв, в первые же годы существования Географического общества обратили его особое внимание на исследование Восточной Сибири, и в 1850 году было задумано снаряжение большой Сибирской экспедиции. Некоторым приготовлением к этому предприятию общества служила так называемая забайкальская экспедиция, отправленная Главным штабом и работавшая с 1849–1853 годов под начальством полковника Ахтэ. В ней участвовал и астроном Л.Ф. Шварц; сделанные им астрономические определения послужили потом к подробной картографии местностей вокруг Байкала, а путешествие экспедиции между Байкалом и Тихим океаном доставило первые сведения о всей области северных притоков Амура.

В это время Географическое общество снарядило на широких началах так называемую Сибирскую экспедицию, работавшую с 1854 до 1859 года.

В эти пять лет экспедиция под начальством того же Л.Ф. Шварца определила 110 астрономических пунктов; офицерами межевого корпуса Рошковым, Усольцевым и Смирягиным сделано 20 т[ысяч] верст маршрутной съемки, с определением географического положения 254 мест, причем было составлено 50 расспросных карт, собрана масса данных по метеорологии, географии, орографии и гидрографии обширного пространства от границ Томской губернии до острова Сахалина и от верховьев Енисея до предгорий, подходящих к долине Лены и юго-восточной части Забайкалья. Присоединенный к этой же экспедиции натуралист Г.И. Радде с художником Майером (в 1855–1859 годах) произвел обширные естественноисторические исследования на южной границе Восточной Сибири и преимущественно в Забайкалье*. По окончании работ математической экспедиции снаряжена была физическая, работавшая под руководством геолога Ф.Б. Шмидта с 1859 по 1863 год, определившая в общих чертах геологическое строение части Забайкалья, Амурса и притоков Буреи и Амгуни, часть Южно-Уссурийского края и о[строва] Сахалина; им были открыты богатые отложения с растительными остатками юрского и третичного периодов на Амуре и на Буреи и изучены меловые и третичные осадки о[строва] Сахалина. В то же время сотрудники Ф.Б. Шмидта: топограф П.П. Глен, прапорщик Шебунин, профессор Гревинг, мичман Пешуров – собрали богатые материалы для [изучения] флоры Амурского края и о[строва] Сахалина, затем – по этнографии населения западной части острова Сахалина**.

* *Radde G. Reisen im Süden von Ost-Sibirien. СПб., 1863. Т. 1–2 (прим. автора).*

** *Труды Сибирской экспедиции Императорского Русского географического общества: Математический отдел Л. Шварца. СПб., 1864; Труды Сибирской экспедиции Императорского Русского географического общества: Физический отдел. Т. 1: О физико-географических исследованиях Ф.Б. Шмидта и П.П. Глена. СПб., 1868; Т. 2: Ботаническая часть Ф.Б. Шмидта. СПб., 1874; Т. 3: Геогностическая часть. Вып. 1: Окаменелости меловой формации с острова Сахалина Ф.Б. Шмидта. СПб., 1873; Т. 3, вып. 2: Юрская флора Иркутской губернии и Амурского края О. Геера. СПб., 1878; Т. 3, вып. 3: Миоценовая флора острова Сахалина О. Геера. СПб., 1886 (прим. автора).*

* При поездке на Амур Ф.Б. Шмидт в конце июня 1859 г. прибыл в Забайкалье; месяц он пробыл в Нерчинске с целью изучить флору окрестностей Нерчинска и части Даурии, где он встретил мало нового, но зато большой интерес представляли исследования вдоль р. Шилки; в окрестностях Сретенска в течение 10 дней он собрал небольшую коллекцию растений местной флоры (прим. автора).

** Двадцатипятилетие Императорского Русского географического общества. СПб., 1872. С. 23–24 (прим. автора).

*** Устаревшее обозначение отрога, горного кряжа.

**** Имеется в виду «Землеведение Азии», изданное в 1856 г. немецким географом Карлом Риттером, под влиянием которого формировалась и развивалась географическая наука в России.

Только после этих экспедиций были получены точные сведения о Восточной Сибири, а особенно об Амурском крае*.

Вот какую оценку трудов этой экспедиции делает само Географическое общество**. Благодаря этим трудам, обширное пространство на восток от Байкала представилось в совершенно ином свете. Прежнее преувеличенное представление о Становом хребте утратило свое значение; вместо него, можно сказать, открыт новый хребет, коего горы, достигающие до 5000 ф[утов], отрасли*** и плоскости простираются непрерывно от Байкала до Охотска. Не менее существенные изменения произошли в представлениях о Саянах и Малом Хингане, причем только ряд дальнейших исследований выяснит все громадное значение обширных плоскогорий, открытых к югу от Саян сибирской же экспедицией. Карта г[осподина] Шварца надолго послужит основой будущих картографических работ. Но едва ли еще не важнее то влияние, которое она оказывала, вместе с изданным в 1856 году томом перевода и дополнений Риттеровой Азии****, на изучение новых еще нетронутых пространств Восточной Сибири, Амурской речной области и прилежащих стран; достаточно обратиться к свидетельству путешественников, впервые проникавших

в неведомые части Сибири и пограничных стран, чтобы оценить значение в этом отношении обоих изданий общества.

С 1850-х годов Императорским Русским географическим обществом были предприняты усиленные исследования в Центральной Азии при помощи ряда экспедиций, что продолжается и до настоящего времени; некоторые из сделанных там открытий имеют мировое значение и покрыли славой русскую науку.

В 1867 году штабс-капитан генерального штаба Н.М. Пржевальский проехал через Иркутск и Забайкалье

в Уссурийский край, а оттуда по р. Сунгари к озеру Ханка. После почти трехлетнего изучения края он возвратился в 1870 году в Петербург с большими коллекциями, которые заинтересовали ученых специалистов, а изданная им в том же году книга «Путешествие в Уссурийский край» познакомила публику с отдаленнейшей окраиной России. Приобретая в первом путешествии опытность, Н.М. Пржевальский 17 ноября того же 1870 года по распоряжению Географического общества отправился с офицером Пальцовым, казаком и переводчиком-бурятом, через Кяхту в Пекин, куда прибыл в начале 1871 года. В Калгане была снаряжена экспедиция в Центральную Азию, на неведомую до тех пор Желтую реку, озеро Куку-Нор* и в северный Тибет, в страну тангутов. Путешествие, на 8 верблюдах и с 40 пудами клади, было совершено на очень скромные средства (всего около 9 т[ысяч] р[ублей]); оно продолжалось 2 года 101/2 месяцев, причем было пройдено более 11 т[ысяч] верст, из которых 3500 [верст] снято глазомерно бусолью, составлена карта, 18 пунктов которой определены астрономически, во многих местах определена абсолютная высота, сделаны наблюдения по метеорологии, зоологии и этнографии; кроме того, собрано 238 видов птиц в 1000 экземплярах, 130 шкур млекопитающих 42 видов, около 10 видов пресмыкающихся в 70 экземплярах, 11 видов рыб, более 3000 экз[емпляров] насекомых, до 600 видов растений в 4000 экземплярах и коллекция горных пород**. В обработке собранных материалов, кроме самого автора, принимали участие академик Штраух и профессор Келлер.

12 августа 1876 года Н.М. Пржевальский отправился в новую экспедицию, в Западный Китай, в страну Тарима и Лоб-Нора. На расходы по экспедиции из государственного казначейства было выдано в распоряжение Географического общества 24700 рублей. Экспедиция была снаряжена в Кульдже (тогда еще занятой русскими) из 10 лиц, в числе которых был прапорщик Повало-Швейковский и вольноопределяющийся Эклон.

* Так в тексте,
в дальнейшем озеро
названо Хуху-Нор
или Хухунор.

** Пржевальский Н.М.
Монголия и страна
тангутов. Трехлетнее
путешествие
в Восточной Нагорной
Азии. СПб., 1875–1876.
Т. 1–2 (прим. автора).

С 24 верблюдами и 4 верховыми лошадьми экспедиция двинулась по р. Или, затем через южный склон Тянь-Шаня долиной р. Тарима к озеру Лоб-Нор. Вследствие болезни «зуд тела» Н.М. Пржевальский возвратился для лечения в Зайсанский пост, здесь поправился и снова выступил в путь, но на первом переходе экспедиция была остановлена телеграммой г[осподина] военного министра ввиду обострившихся наших отношений с китайцами по поводу владения Илийским краем. Вторая незаконченная экспедиция, продолжавшаяся всего год и 21/2 месяца и стоившая 19150 руб[лей], описана в кратком отчете*; она дала значительные результаты: пройдено около 4000 верст, из них на протяжении 1200 верст произведена маршрутная съемка, совершенно изменившая карту бассейна Тарима, и, кроме того, сделан ряд астрономических определений широты и долготы, ряд гипсометрических и метеорологических наблюдений и собраны богатые коллекции по зоологии и ботанике.

* Пржевальский Н.М.
От Кульджи
за Тянь-Шань
и на Лоб-Нор. СПб., 1878
(прим. автора).

Третья экспедиция двинулась из Зайсанского поста 21 марта 1879 года с кладью до 200 пудов на 35 верблюдах и 5 верховых лошадях, при участии 13 спутников, из которых главными помощниками Н.М. Пржевальского были прапорщик Ф.Л. Эклон и В.И. Роборовский; она продолжалась год и 7 месяцев и обошлась в 23550 руб[лей]. Пройдя через восточную оконечность Тянь-Шаня, [путешественники] спустились в оазис Хами, лежащий у южной подошвы Тянь-Шаня и населенный по преимуществу земледельцами-сартами. За Хами на юг и юго-восток лежит на 347-й версте Хамийская пустыня, так называемая Мумуньская Гоби; переход через эту пустыню был очень труден. Затем, переваливши через Тянь-Шань, спустились в Цайдам и дошли до северной окраины Тибета, который расстилается за Куэнь-Лунем. Первый хребет, к которому подошли, был Бурхан-Будда, затем следовало еще несколько хребтов-отрогов, в том числе хребет Баян-хора-ула, составляющий водораздел истоков Желтой реки и верхнего течения Голубой. Перейдя затем хребет Тань-ли, экспедиция подверглась нападению еграев

(орда тунгутов, или тибетцев), но удачно отбилась от них; спустившись к р. Сан-Чао, Н.М. Пржевальский с прискорбием узнал от приехавшего тибетского чиновника, а затем посольства, что весь тибетский народ, правитель Номун-хан и сам Далай-лама не желают пустить к себе русских. Таким образом, заветной мечте путешественника проникнуть в Лхассу не удалось осуществиться, и он вернулся через Куку-Нор, верховья Желтой реки, через восточный Нан-Шань, Ала-Шань и средину Гоби в Ургу и Кяхту. Описание его путешествия было издано на Высочайше дарованную в распоряжение Географического общества особую сумму и обошлось почти в 15000 руб[лей]*. Кроме описания хода путешествия, в нем помещены многие физико-географические наблюдения, приведены очерки флоры и фауны, описан быт народов Северного Тибета и т. д. Это путешествие вызвало удивление как у нас, так и за границей; оно обогатило науку и обессмертило имя Н.М. Пржевальского.

Четвертая экспедиция Н.М. Пржевальского имела огромные средства – 43580 р[ублей], выданные Географическому обществу по Высочайшему повелению из государственного казначейства. Всех участников в ней было 21: два помощника, поручик В.И. Роборовский и вольноопределяющийся П.К. Козлов, препаратор урядник Те-лишов, урядник Иринчинов, 7 забайкальских казаков**, 7 нижних чинов, один вольнонаемный служитель и переводчик-таранчинец. Экспедиция выступила из Кяхты 21 октября, а из Урги 8 ноября [1883 года] с 57 верблюдами, 7 верховыми лошадьми и с кладью более 300 пудов. В середине марта караван прибыл к озеру Куку-Нор, а в начале мая [1884 года] к подошве гор Бурхан-Будда, ограждающих со стороны Цайдама нагорье Северного Тибета. Отсюда часть экспедиции отправилась к истокам Желтой реки и далее на юг к Голубой реке. Здесь два раза на караван нападали разбойники тангуты, около 300 человек, но меткими выстрелами из 14 берданок их

* Пржевальский Н.М.
*Третье путешествие
в Центральной Азии.
Из Зайсана через Хами
в Тибет и на верховья
Желтой реки. СПб., 1883
(прим. автора).*

** Одному из них
Н.М. Пржевальский
подарил седло,
на котором ездил
во время трех экспедиций.
Седло это хранится
в Читинском музее
(прим. автора).

разогнали. Не имея возможности перейти Голубую реку, Н.М. Пржевальский решился попытаться пройти в Тибет другим путем с северо-запада. Для этого он пошел вдоль северной подошвы Куэнь-Луня на запад, затем выступил к Лоб-Нору, а от него к юго-западу в оазис Черчен, затем вдоль окраины Тибета, пустыней, в оазис Керию. Желая найти в Керейских горах проход в Тибет, Н.М. Пржевальский предпринял несколько экскурсий для отыскания удобного места для переправы через р. Керию, но напрасно: высокий уровень реки, как и на Желтой, не давал возможности каравану переправиться на другой берег. После этого экспедиция направилась обратно через большой оазис Хотан и двинулась к северу в Аксу, через Тянь-Шань, 29 октября 1885 года перешла русскую границу, а через несколько дней прибыла в г. Каракол, пробыв за пределами России 2 года и 7 дней и пройдя за это время 7325 верст. Результа-

** Пржевальский Н.М.
Четвертое путешествие
по Центральной Азии.
От Кяхты
на истоки Желтой реки,
исследование северной
окраины Тибета
и пути через Лоб-Нор
по бассейну Тарима.
СПб., 1888:
3 карты, 29 фототипий
и 3 полиטיפажа
(прим. автора).*

ты этой экспедиции очень важны для науки, а собранные коллекции обширны и ценны, одних шкурок птиц привезено более 2000 экземпляров. На издание трудов по этому путешествию было истрачено более 25000 руб[лей]; в нем заключается много новых и интересных данных по географии Центральной Азии*.

14 октября 1888 года Н.М. Пржевальский отправился в пятый раз в пустыни Азии с твердым намерением пробраться в глубь Тибета – в Лхассу. Экспедиция была снаряжена Географическим обществом в грандиозных размерах: на нее было отпущено около 80000 руб[лей], участвовало 25 нижних чинов и офицеры В.И. Роборовский и П.К. Козлов. Прибыв на окраину, в г. Каракол Семиреченской области, Н.М. Пржевальский, простудившись еще на пути в окрестностях Пишпека, заболел и 20 октября 1888 года скончался от возвратного тифа. По его желанию, он [был] похоронен на границе, на берегу озера Иссык-Куль, в 13 верстах от города Каракола, который затем был переименован в город Пржевальск.

Сочувствие общества к Н.М. Пржевальскому выразилось в подписке на памятник, которая дала около 30000 руб[лей]; на эти средства не только устроен великолепный памятник, но и увековечена память знаменитого путешественника учреждением особой медали.

По смерти Н.М. Пржевальского начальником снаряженной экспедиции был назначен М.В. Певцов. К числу его сотрудников, по желанию Географического общества, был присоединен геолог, горный инженер К.И. Богданович; конвой экспедиции уменьшен на 13 человек. Вследствие новых назначений и приготовлений экспедиция тронулась в путь из г. Пржевальска только 13 мая 1889 года. В состав ее, кроме М.В. Певцова и трех сотрудников, входили переводчик, препаратер, 12 нижних чинов конвоя, два проводника и несколько погонщиков из киргизов; взято было 88 верблюдов, 22 лошади, 100 овец для продовольствия и 3 сторожевых собаки. Экспедиция отправилась через В[осточный] Туркестан в Тибет, по долине р. Яркенд-Дарьи к Яркенду, затем по хотанской дороге до Каргалыка и повернула на юго-запад, в горы Кузнь-Луня, далее на Хотан, через Чиру и Керию, перешла в селение Нию, где экспедиция зимовала. 1890 год был посвящен исследованию юго-восточной окраины Кашгарской котловины, Кузнь-Луня и прилегавшей к нему на юге полосы Тибетского нагорья; затем экспедиция спустилась с этого нагорья к озеру Лоб-Нору и через Курмю, Карашар, Токсун, Урумчи, Хотубей вышла 3 января 1891 года в Зайсанский пост.

Результаты экспедиции выражаются в следующем: всеми членами экспедиции сделано маршрутной глазомерной съемки около 10250 верст и измерено ртутным барометром, гипсотермометром и anerоидом 335 высот, определена широта и долгота 47 пунктов, причем в 10 из них сделаны еще магнитные наблюдения. Собрано громадное количество сведений географических и этнографических. Геолог К.И. Богданович сделал наблюдения и собрал огромные коллекции горных пород и почв на пространстве 6000 верст. Зоологическая коллекция состоит из 60 видов млекопитающих (200 экземпляров шкур с черепами), 220 видов птиц (около 1200 экз[емпляров]), 11 видов рыб (до 100 экз[емпляров]),

* Труды Тибетской экспедиции 1889–1890 гг. под начальством М.В. Певцова. Ч. 1: Путешествие по Восточному Туркестану, Куэн Луню, северной окраине Тибетского нагорья и Чжунгарии; Ч. 2: Геологические исследования в Восточном Туркестане К.И. Богдановича; Ч. 3: Экскурсии в сторону от путей Тибетской экспедиции В.И. Роборовского и П.К. Козлова. Б. м., 1892–1896 (прим. автора).

20 видов земноводных и пресмыкающихся (до 80 экз[емпляров]) и около 200 видов насекомых. Гербарий экспедиции содержит 700 видов растений (в числе около 7000 экз[емпляров]). Собранные материалы обработаны в обширных трудах экспедиции*.

Еще более важны для науки открытия, сделанные в северо-западной Монголии неутомимым путешественником Г.Н. Потаниным, под начальством которого в 1876–77 годах Географическим обществом была снаряжена экспедиция. Спутниками, кроме его жены Александры Викторовны, принимавшей самое деятельное участие в работах всех экспедиций, были известный ныне ориенталист А.М. Позднеев, натуралист М.М. Березовский и топограф П.А. Рафаилов. Экспедиция посетила Кобдо, Хами, Улясутой, озеро Косогол, монастырь Улангам, и, таким образом, северо-западная Монголия была охвачена как бы кольцом.

Вторая экспедиция в 1879 году была снаряжена в центральную часть северо-западной Монголии для посещения и изучения тех местностей, которых не удалось увидеть во время предшествовавшего путешествия. Выступив из Кош-Агача, на южной границе Томской губернии, экспедиция направилась в монастырь Улингон, далее к озеру Киргиз-Нор, посетила город Кобдо, оттуда вернулась в Улангом, а затем направилась на восток, к озеру Тер-Нор и далее через Дархатский курень к озеру Косогол и местности Мон в долине р. Иркуты. Во время путешествий были сделаны разные естественноисторические наблюдения, собраны богатые коллекции по зоологии, ботанике и геологии, наконец, добыты важные этнографические сведения. Капитальный труд Г.Н. Потанина «Очерки Северо-западной Монголии» (в 4 томах) составляет крупный вклад в этнографию монгольских и тюркских народностей. В 1884–86 годах Географическое общество снарядило под его же начальством новую экспедицию на китайскую восточную окраину нагорной Центральной Азии, в долины

и предгорья обширной северо-западной Ганьсуйской провинции Срединной империи, местность, имеющую большой научный интерес. Сотрудниками Г.Н. Потанина, кроме его жены, были геодезист А.И. Скасси и натуралист М.М. Березовский*. Выйдя из Пекина весной 1884 года, экспедиция употребила все лето на достижение окраины Амдоского нагорья. Летом 1885 года экспедиция выполнила главную свою задачу – исследование в разных направлениях Ганьсуйской окраины Тибетского нагорья. Зимовала экспедиция в знаменитом Гумбумском буддийском монастыре, на самой границе Амдосского нагорья, весной 1886 года была уже на Голубом озере Хуху-Нор, а затем по р. Экзинь-Голу углубилась внутрь Монголии, которую пересекла в меридиане озера Косогол по совершенно неизвестному доселе пути; и, наконец, спустившись по р. Орхону к русской границе, поздней осенью 1886 года достигла Кяхты. Научные результаты этой экспедиции громадны; ее исследования в Центральной Азии разносторонни, тщательно выполнены и могут служить образцом; они известны всему образованному миру и давно по достоинству оценены у нас и за границей**.

Г.Н. Потанин путешествовал без солдат и казаков и везде успешно пробирался даже по глухим дебрям Монголии среди полудиких, иногда враждебно настроенных племен и своим гуманным отношением пробуждал у местного населения симпатии к русскому народу. В 1892 году Потанины со спутниками, в числе которых был и наш забайкалец Б.Р. Рабданов, отправились в четвертую экспедицию в Монголию, именно в мало исследованные местности Восточного Тибета***. Но, к сожалению, этой грандиозной экспедиции не суждено было окончиться так же счастливо, как трем предыдущим: Г.Н. Потанин потерял лучшего своего помощника и друга, свою жену² и осенью 1893 года, не окончив экспедиции, возвратился обратно в Россию.

** Птицы Ганьсуйского путешествия
Г.Н. Потанина
в 1884–1887 гг. /
М. Березовский
и В. Бианки. Б. м., 1891:
3 таблицы раскрашенных
рисунков (прим. автора).*

*** Потанин Г.Н.
Тунгусско-тибетская
окраина Китая
и центральная Монголия.
СПб., 1893. Т. 1–2
(прим. автора).
*** В Читинском
музее есть небольшой
гербарий, собранный
Б.Р. Рабдановым
во время этого
путешествия
по Монголии
(прим. автора).*

Участники той же обширной экспедиции В.И. Роборовский и П.К. Козлов направились в Тибет с запада, исследовали Лук-чун, затем Са-Чжоу у северо-западного угла Нань-Шаня, Лоб-Нора, Хами и т. д.

Экспедиция под начальством В.И. Роборовского начала свои исследования с июля 1893 года, а в конце ноября 1895 года через Зайсан вступила на русскую землю. За это время ею пройдено 16000 верст съемкой, опиравшейся на 30 астрономических пунктов. О колоссальных трудах этой экспедиции лучше всего дают понятие собранные ею коллекции: 360 образцов горных пород, 250 шкур и 30 скелетов зверей, 1200 птиц, 450 гадов и рыб, несколько тысяч насекомых, 1300 видов растений и 300 сортов семян растений, дикорастущих и культурных. Кроме того, все время велись правильные метеорологические наблюдения, а в устроенной В.И. Роборовским и П.К. Козловым метеорологической станции в Лугчунской котловине – наиболее низкой части Азиатского материка – два года производились наблюдения над атмосферным давлением.

В.А. Обручев³, член той же экспедиции, в 1892–94 годах блестяще закончил геологические исследования значительной части Центральной Азии и ее южной окраины. Здесь им [было] пройдено 14 тыс[яч] верст, из которых снято горным компасом около 11 тыс[яч] и исследовано геологически более 12 тысяч. Собранные коллекции горных пород, почв, полезных ископаемых и окаменелостей имеют до 6000 образцов. Грандиознейший из открытых В.А. Обручевым хребтов в центральной горной системе Нань-Шаня, названный именем императора Александра III, вздымает свою убеленную вечным снегом главу на высоту свыше 20 т[ысяч] футов над уровнем океана.

В результате экспедиций В.И. Роборовского, П.К. Козлова и В.А. Обручева получена, между прочим, полная картина горной страны Нань-Шаня в орографическом, естественноисторическом, геологическом и климатическом отношениях. Благодаря сети маршрутов, взаимно пересекающихся, получилась съемка этой обширной области.

Следует еще упомянуть об обширных исследованиях М.М. Березовского на восточной окраине Тибетского нагорья,

в Гань-су и Сычуане. Отправившись из России в сентябре 1891 года, он вернулся с богатой научной добычей в мае 1895 года. Таким образом ко времени пятидесятилетнего юбилея Географического общества было снаряжено несколько грандиозных экспедиций для исследования внутренней Азии и восточной ее окраины со стороны Китая; экспедиции дали огромные научные результаты и обессмертили организовавшее их Географическое общество.

<...> Внутрь России Императорское Русское географическое общество занималось собиранием сведений по этнографии, <...> по отделам физической и математической географии, <...> по исторической географии <...>. Везде, где бы ни проявлялась деятельность общества, она никогда не ограничивается узкой специальной программой, но всегда отвечает на все запросы, которые ставит наука и жизнь. Вот почему деятельность общества имеет такое огромное научное и практическое значение для всей России. При появлении хотя слабых следов научной деятельности, особенно на окраинах нашего обширного отечества, – общество является организатором местных сил. После нескольких лет забот со стороны общества маленький ручеек умственной жизни на отдаленной окраине России, вначале иногда даже пересыхающий, превращается в могучий поток, направляемый умелой рукой в одно русло на пользу науки.

Уже с 1848 года в Императорском Русском географическом обществе возникла мысль об устройстве в разных местах империи отделов для объединения местных научных сил и направления их деятельности ввиду более широкого изучения России и сопредельных с нею стран. С 50-х годов общество начало осуществлять свои мечты. В 1850 году основан в Тифлисе Кавказский отдел, в 1851 году – Восточно-Сибирский в Иркутске и Северо-Западный в Вильно, в 1868 году – Оренбургский в Оренбурге, в 1873 году – Юго-Западный в Киеве, в 1877 году – Западно-Сибирский в Омске и в 1894 году – Приамурский в Хабаровске с отделениями в Чите и Троицкосавске. <...>

Я не буду останавливаться на рассмотрении деятельности отделов Кавказского, Оренбургского, Западно-Сибирского

и перейду прямо к Восточно-Сибирскому отделу, основанному 6 июня 1851 года и открывшему свою деятельность 17 ноября того же года в г. Иркутске, по приглашению и под председательством генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева, который проявлял большой интерес к географическим исследованиям в Сибири. Сибирский отдел был организован частью из членов центрального Географического общества, людей, служивших в Иркутске, и частью из местных любителей.

История этого отдела особенно поучительна для нас, так как он самый отдаленный от умственных центров и самый близкий к нам. Сибирский отдел в течение четверти столетия был единственным ученым учреждением для всей обширной Сибири; с основанием (в 1877 году) Западно-Сибирского отдела он стал называться Восточным. По Положению об учреждении Сибирского отдела, а затем по Уставу ему присвоены все права центрального общества, с теми же четырьмя отделениями: географии математической, географии физической, этнографии и статистики. Но при самом основании отдела программа деятельности его была расширена: при исследовании гор Восточной Сибири [было] предложено описывать их в «геологическом и вообще физическом отношении»; вменено также в обязанность заботиться об учреждении хранилищ материалов для ученых исследований: библиотеки, «депо местных карт», статистического архива и этнографического музея. По Положению делами Восточно-Сибирского отдела управляли председатель и правитель дел. Через несколько лет (в 1863 году) ввиду расширения деятельности оказалось необходимым организовать распорядительный комитет для управления делами отдела и редакционную комиссию, для чего и были изданы соответствующие правила.

Первым ученым предприятием Сибирского отдела была Вилуйская экспедиция (с марта 1854 по март 1855 года), снаряженная на средства (1000 р[ублей]), пожертвованные золотопромышленником С.Ф. Соловьевым, под начальством натуралиста, учителя иркутской гимназии Р.К. Маака, при участии топографа, прапорщика Зонтагена и препаратора отдела Фурмана. Экспедиция должна была исследовать

долину р. Вилюя, в особенности же верховья ее, богатые солью и цветными камнями*, затем вообще Вилюйский край мало известный, никем не исследованный.

Несмотря на неимоверные трудности и лишения, которые пришлось преодолевать экспедиции, результаты, ею добытые, громадны: съемка пройденной местности, карта Вилюйского края, коллекции по геологии, минералогии и этнографии, исследование климата, естественноисторических особенностей страны, ее флора, фауна. Обширный труд «Вилюйский округ Якутской области» появился лишь через тридцать лет после начала экспедиции**.

* Так в тексте,
правильно – камнями.

** Маак Р. Вилюйский
округ Якутской области.
СПб., 1883–1887. Ч. 1–3
(прим. автора).

В 1855 году была снаряжена Амурская экспедиция, для осуществления которой С.Ф. Соловьев предложил полпуда золота. Путешествие, под начальством Р.К. Маака, при участии Герфельда, Кочетова, Зонтгагена и Фурмана, продолжалось с апреля 1855 по январь 1856 года. Экспедицией было собрано очень много интересных данных о новом, совершенно еще неизвестном тогда крае и издано описание: «Путешествие на Амур, совершенное по распоряжению Сибирского отдела в 1855 г. Р. Мааком» (СПб., 1859): большой том с отдельным собранием рисунков карт и планов.

В феврале 1859 года снаряжена новая Уссурийская экспедиция под начальством того же Р.К. Маака, причем этнографические исследования принял на себя действительный чл[ен] А. Брылкин, собравший материалы для словаря местных инородцев-ходзенов. О собранных географических данных края, о флоре и фауне сообщено в книге «Путешествие по долине реки Уссури / совершил по поручению Сибирского отдела Р. Маак» (СПб., 1862. Т. 1–2: рис. и карты края).

В 1865 году (с 18 мая по 1 ноября) Сибирским отделом была снаряжена Витимская экспедиция под начальством И.А. Лопатина, труды которого изданы только через 30 лет***. В верховьях притоков Витима, в пределах Баргузинского округа, было пройдено около

*** Лопатин И.А.
Дневник Витимской
экспедиции 1865 г.,
обработанный
Б.К. Поленовым // Записки Императорского
Русского географического
общества. СПб., 1895.
Т. 28, № 1 (прим. автора).

* *Дневник Туруханской экспедиции*
И.А. Лопатина / под редакцией
И.В. Мушкетова // *Записки*
Императорского Русского географического
общества по общей географии. СПб., 1895.
Т. 28, № 2 (прим. автора).

** Иван Семенович Поляков (1846–1887), уроженец Забайкальской области, аргунский казак из бедной простой семьи; первоначально он получил только низшее икольное образование, но не переставал заниматься, когда был уже и взрослым. Почти без средств он странствовал по Забайкалью, собирал коллекции, вел дневники. Двадцатилетним юношей как любитель он был приглашен Крапоткиным присоединиться к Олекминско-Витимской экспедиции в качестве зоолога. Отчет о его исследованиях напечатан через 7 лет в указанных ниже трудах этой экспедиции. После экспедиции, решившись добиться высшего образования, он занимался сначала в Иркутске под руководством М.В. Загоскина, затем в Петербурге; с замечательной силой воли преодолел все трудности и поступил в университет вольнослушателем, через два года выдержал экзамен на аттестат зрелости и зачислен студентом. Он жил бедняком, существовал уроками, но несмотря на это, окончил блестящим образом курс по естественному факультету, затем получил степень магистра зоологии и сделался хранителем Зоологического музея Академии наук. С 1868 г. он предпринял целый ряд экспедиций и ученых исследований в России и в прибайкальских странах Сибири; с 1881 до 1884 г. изучал о. Сахалин, берега Восточного океана и Амур; занимался зоографией, этнографией и геологией, но особенно его интересовала археология доисторическая, остатки каменного века, которые он разыскивал в Сибири, на Сахалине, в Олонецкой губернии, в долине Оки, в верховьях Волги и т. д. И.С. Поляков умер в Петербурге в апреле 1887 г., около 40 лет от роду (прим. автора).

2000 верст, причем была сделана глазомерная съемка пути, собраны коллекции горных пород (1310 номеров) и составлен дневник геологических наблюдений, а также журнал метеорологических наблюдений. Сибирским отделом географического общества [было] израсходовано на эту экспедицию 1282 р[убля].

Кроме того, была снаряжена (в 1866 году) Туруханская экспедиция на средства енисейских золотопромышленников, при участии И.А. Лопатина и А.П. Щапова*; в изыскании принимал участие и Ф.В. Шмидт, ездивший по поручению Академии наук отыскивать труп мамонта (отыскал только неполный скелет) в тундрах между устьями р. Енисея и Оби. Обширные материалы по геологии, флоре и фауне были собраны Лопатиным, а этнографические – Щаповым; к сожалению, материалы последнего погибли вместе со зданием отдела во время [иркутского] пожара 1879 года. Затем Олекминско-Витимская экспедиция (в 1866 году) с участием П.А. Крапоткина и И.С. Полякова была исполнена на счет олекминских золотопромышленников для отыскания скотопронного пути из Нерчинского округа в Олекминский**;

при этих изысканиях были собраны обширные материалы по картографии, геогнозии, ботанике и зоологии***.

В 1868–1870 годах снаряжена экспедиция в Чукотский край под начальством барона Г.Л. Майделя; К.К. Нейману было поручено производить астрономические и магнитные наблюдения, топографу П. Афонасьеву – съемки маршрутов, Н. Антоновичу – соби-
рание естественноисторических коллекций; к экспедиции было прикомандировано пять конвойных казаков; описание путешествия появилось только через 25 лет*. <...>

Особенно важное значение имеют строго научные труды ссыльных поляков В.И. Дыбовского и В. Годлевского, Н.И. Витковского, А.Л. Чекановского и И.Д. Черского. Из них В.И. Дыбовский и В. Годлевский, кроме работ по зоогеографии В[осточной] Сиби-
ри, занимались исследованиями Байкала, впервые произвели ряд систематических промеров глубины озера и выработали для этого самостоятельный метод исследования. Н.И. Витковский работал по археологии и антропологии. Г[оспода] Чекановский и Черский произвели целый ряд обширных геологических и палеонтологических исследований, преимущественно в прибайкальских странах**. Исследования этих геологов дали твердое основание для последующих работ в той же области.

Невольно приходится удивляться, как можно было достигнуть таких громадных результатов при отсутствии средств и при крайне неблагоприятных внешних условиях. Следует также упомянуть о важных исследованиях П.А. Ровинского и А.П. Щапова в области этнографии, Н.М. Ядринцева, сделавшего выдающиеся археологические открытия по р. Орхону, о целом ряде капитальных геологических исследований В.А. Обручева. <...>

*** (к с. 170) *Записки по общей географии (по отделениям географии физической и математической) / под ред. П. Крапоткина. Т. 3: Отчет об Олекминско-Витимской экспедиции для отыскания скотопрогонного пути из Нерчинского округа в Олекминский, снаряженной в 1866 г. олекминскими золотопромышленниками при содействии Сибирского отдела Географического общества, П. Крапоткина и И. Полякова. СПб., 1873 (прим. автора).*

* *Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868-1870 гг. барона Гергарда Майделя // Приложение к 74 тому Записок Императорской Академии наук. СПб., 1894. № 3 (прим. автора).*

** *Черский И.Д. Отчет о геологическом исследовании береговой полосы озера Байкала, произведенном по поручению Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Иркутск. 1886; Он же. О результатах исследования озера Байкала. Краткий объяснительный текст к «Геологической карте береговой полосы озера Байкала», составленной на основании исследований 1877–1880 гг. СПб., 1886 (прим. автора).*

Экспедиции и исследования отдела совершались, конечно, не на обыкновенные средства отдела, т. е. 2 тысячи руб[лей], (общий итог годового дохода около 13 тыс[яч] руб[лей]), ассигнуемые ежегодно, а на пожертвования. В отделе есть и капиталы, пожертвованные со специальным назначением, как, напр[имер], капитал для исследования быта бурят, собранный более просвещенными ламами и бурятами.

Результатами обработки собираемых экспедициями и отдельными исследователями коллекций, материалов и вообще ученой деятельности отдела Географического общества служат его издания. В первый же год существования отдела было прислано до 40 статей географического и иного содержания, а к 1862 году их накопилось до 250; в первый же год явилась и мысль об издании трудов отдела. Сначала принятые статьи отдел посылал для печатания в центральное Географическое общество, но вследствие обилия материалов и затруднений печатать их в Петербурге совет Императорского Русского географического общества в 1854 году предложил отделу основать свой печатный орган. Известный деятель В.А. Милютин составил план издания «Записок Сибирского отдела», который был принят единогласно. Только через 5 лет после основания отдела, согласно выработанной программе, вышла первая книжка под заглавием: «Записки Сибирского отдела Императорского Русского географического общества», отпечатанная в Петербурге, с 6-го же тома «Записки» начали печатать в Иркутске. С этого времени деятельность отдела быстро расширяется и с каждым годом становится все более и более плодотворной. В последующие 40 лет издано 11 книг «Записок Сибирского отдела» (по 1894 год). С 1870 года отдел начал издавать, кроме «Записок», еще «Известия Сибирского отдела», которых по 1878 год вышло 30 книг; с 1878 года это издание продолжало выходить под именем «Известий Восточно-Сибирского отдела», и по настоящее время «Известий» издано 55 томов. Кроме того, отделом издано много интересных карт, и еще более их хранится в архиве.

В перечисленных повременных изданиях помещен целый ряд описаний отдельных местностей Сибири

и сопредельных стран, исследований по климатологии, метеорологии, геологии, палеонтологии, описания месторождений полезных ископаемых, статьи по горному промыслу, работы по зоогеографии, зоологии, ботанике, сельскому хозяйству, почвоведению, статистике, промышленности, истории, этнографии, археологии и языкознанию. «Записки Восточно-Сибирского отдела» заключают капитальные труды по общей географии, статистике, этнографии. Затем изданы описания путешествий, совершенных экспедициями отдела, программы по этнографии и ботанике, каталоги и описания выставок сельскохозяйственной и этнографической. <...>

Теперь сообщим о вспомогательных учреждениях Восточно-Сибирского отдела – о музее и библиотеке. Но прежде скажем несколько слов о любопытном книгохранилище и коллекциях, собранных в Иркутске еще в половине прошлого столетия; может быть, они послужили основанием для Музея естественных предметов, учрежденного в Иркутске почти через 100 лет. В открытую в Иркутске в 1781 году «Гражданскую школу» было перенесено «гражданское книгохранилище», основанное бывшим иркутским губернатором Ф.Н. Кличкой⁴. Благодаря заботам генерал-губернатора И.А. Пиля книгохранилище пополнилось пособием от казны и частными пожертвованиями; для него было построено особое здание, в котором, кроме книг, поместили физические инструменты, модели фабрик, судов и пр., а также «собрание естественных произведений, особливо свойственных сему краю». В 1792 году училищный кабинет получил приращение минералов, собранных маркшейдером Губановым в барнаульских рудниках. В 1804 году коллекции пополнились приобретением «натурального кабинета, оставшегося в Иркутске по смерти академика Лаксмана», состоявшего из 300 штук минералов и 860 раковин. По Высочайшему соизволению за коллекции г[осподина] Лаксмана было уплачено 3500 руб[лей]. В следующем году с открытием Иркутской губернской гимназии коллекции поступили в ведение последней, причем учреждение это было названо музеем*.

* Название это, получившее теперь у нас право гражданства в России, кажется, в первый раз появилось в Иркутске, по крайней мере, коллекция Академии наук около полу столетия после этого носила еще название Кунсткамеры (прим. автора).

В 1816 году некоторые любители учености из здешних чиновников представили 500 руб[лей] на украшение гимназического музея, а на пополнение физических инструментов купец В.И. Патюков пожертвовал 1 тыс[ячу] руб[лей].

В 1824 году музей имел: 1. Минеральный кабинет из 1135 штучек местных ископаемых; 2. Раковинный кабинет из 950 раковин Восточного и Южного океанов; 3. Библиотеку, имевшую более 1000 сочинений на разных европейских языках и большое собрание книг на китайском, маньчжурском, монгольском, японском и татарском языках; 4. Собрание ландкарт, планов, эстампов, математических и физических инструментов, моделей, редкостей с островов

Восточного океана, состоящих в естественных произведениях, одежде и разных орудиях, употребительных у тамошних народов*.

* Мартос А.
Письма о Восточной
Сибири. М., 1827. С. 173
и др. (прим. автора).

Учреждению отдела Географического общества в Иркутске предшествовало основание

Музея естественных предметов при главном управлении Восточной Сибири, по предложению министра внутренних дел. Распорядителем музея был избран инспектор Иркутской губернской гимназии В.И. Седаков, который деятельно трудился над созданием музея, составлением руководства для собирания, препарирования, хранения

** Очерк 25-летней
деятельности Сибирского
отдела Императорского
Русского географического
общества. Иркутск, 1876.
С. 4 (прим. автора).

и пересылки предметов; он входил в сношения с разными лицами во всех уголках Сибири**. В 1850 году, за год до основания отдела, в музее было собрано до 650 предметов. Только с 1854 года этот музей вполне сделался музеем Сибирского отдела; в этом году в него поступило первое пожертвование

медных, железных и эмалированных древних вещей, найденных в Минусинском округе.

Несмотря на то, что музей Сибирского отдела имел сначала специальную этнографическую программу, он, благодаря жертвователям, работам экспедиций и отдельных исследователей, быстро наполнялся коллекциями по естествознанию, палеонтологии, антропологии, этнографии, археологии и т. п.

К величайшему сожалению, пожар, бывший в Иркутске в 1879 году, уничтожил старый дом и хранившиеся в нем коллекции, книги, рукописи, карты, собранные в течение первых 25 лет с огромной затратой труда, энергии и средств; сгорели также и все здания отдела. Но в том же году снова началась кипучая деятельность по сбору коллекций, книг и денежных пожертвований на постройку здания для музея. Новое величественное каменное здание отдела, служащее лучшим украшением г. Иркутска, быстро переполнилось коллекциями, так что в 1890–92 годах к музею на новые пожертвования пристроено несколько обширных залов, а председателем отдела Географического общества В.П. Сукачевым подарен отделу купленный им за 4 тыс[ячи] руб[лей] соседний участок земли. В настоящее время в коллекциях музея числится около 25 тыс[яч] предметов.

В начале существования отдела рост библиотеки шел очень медленно, как и рост музея. В первый год она имела всего 39 книг, брошюр и периодических изданий; по отчету за второй год (с 21 мая 1852 года по 21 мая 1853 года) в библиотеке числилось 164 книги и карты; за третий год (1853–54) книг значится 742*. С началом издательской деятельности отдела, которая, как сказано выше, быстро расширялась, библиотека начала обогащаться специальными сочинениями. Несмотря на пожар, истребивший драгоценное книгохранилище, собранное в первые двадцать пять лет существования отдела, теперь специальная библиотека имеет более 15 тыс[яч] томов книг и карт.

** Записки Сибирского
отдела. СПб., 1856.
Кн. 1–2 (прим. автора).*

Чтобы иметь полное представление о значении для края Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, необходимо указать еще на его огромное культурное влияние, проникавшее в течение 45-летнего существования отдела в самые отдаленные уголки Сибири, на его помощь, оказываемую всем, даже слабым попыткам научения края, на его активное содействие при основании ученых обществ, музеев и библиотек.

Существующие ныне в Сибири местные музеи, основание которых находится в несомненной связи с деятельностью

Географического общества и его отделов, конечно, лишь до известной степени удовлетворяют указанным выше требованиям. Музеев этих насчитывается более 20: в Екатеринбурге (1869 год), Ирбите, Тюмени, Ташкенте, Тобольске (14 октября 1890 года), Омске, Барнауле, Томске, Ачинске, Енисейске (1877 год), Иркутске (1851), Троицкосавске (13 декабря 1887 года), Чите (1894), Нерчинске (1886), Благовещенске (1891), Якутске (1890), Хабаровске (1894), Владивостоке (1884) и на о[строве] Сахалин (1895). Во всех этих музеях уже хранится около 200 тыс[яч] предметов. В некоторых из перечисленных городов имеется по два музея, как, напр[имер], в Красноярске и Иркутске. Некоторые из них достигли замечательного развития, как, напр[имер], Минусинский музей (до 45 тыс[яч] предметов и более 22 тыс[яч] томов книг), в который нередко приезжают работать ученые из других стран. Он известен всему образованному миру и составляет гордость не только Сибири, но и всей России.

Беглый очерк 45-летней деятельности Восточно-Сибирского отдела служит лучшим доказательством того, что и в глухих местах, отдаленных от университетов и других центров умственной деятельности, ученое общество со скромными задачами может не только существовать, но и совершать громадную культурную работу, пользуясь уважением как среди всех слоев местного общества, так и среди ученых. Причина успеха и влияния отдела заключается в том, что деятельность его никогда не замыкалась в одну программу географии в узком смысле этого слова, а постепенно расширяла свои задачи, идя в уровень с прогрессом науки и потребностями жизни. Притом двери этого храма науки, как и страницы его изданий, всегда открыты не только для ученых специалистов, но и для скромных любителей из всех слоев общества, каково бы ни было их социальное положение; каждый из работников несет бескорыстно свой труд в общую сокровищницу знаний о Сибири.

К приезду нового генерал-губернатора С.М. Духовского на огромном пространстве Приамурского края из учреждений, имеющих большее или меньшее отношение к культурной работе, функционировало Общество изучения

Амурского края (с 1884 года) во Владивостоке, работавшее на пользу окраины уже 10 лет, с музеем и библиотекой; музей с библиотекой в Нерчинске, существовавший 7 лет; музей в Троицкосавске, официально не открытый; [собирались] коллекции в Хабаровске, Благовещенске и Чите, пригодные для музеев*.

Эти учреждения не были ничем объединены, и работа их не была систематизирована. Такое положение дела не могло удовлетворить столь просвещенного администратора, как С.М. Духовской. Плодотворная 45-летняя деятельность Восточно-Сибирского отдела ясно указывала, в каком направлении искать помощи для всестороннего изучения обширного края. 14 окт[ября] 1893 года С.М. Духовским была послана первая депеша вице-председателю Императорского Русского географического общества, сенатору П.П. Семенову, о необходимости учредить Приамурский отдел Географического общества. 20 ноября в заседании совета Географического общества в Петербурге под председательством Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Михайловича, был принципиально решен вопрос об основании Приамурского отдела. На это с небывалой у нас быстротой последовало формальное разрешение. Уже 2 мая 1894 года состоялось Высочайшее утверждение мнения Государственного совета об основании в составе Императорского Русского географического общества особого отдела – Приамурского. А 14 мая г[осподином] министром внутренних дел утверждено Положение о Приамурском отделе, с ежегодной субсидией в 2 тыс[ячи] руб[лей]; кроме того, выдано единовременно пособие в 10 тыс[яч] руб[лей] на первоначальное обзаведение. 19 мая последовало Высочайшее соизволение на принятие Его Императорским Высочеством Великим Князем Александром Михайловичем Приамурского отдела под свое покровительство. В то же время Общество изучения Амурского края во Владивостоке присоединилось к Приамурскому отделу; при этом за обществом был сохранен старый устав, ввиду его десятилетней полезной ученой деятельности.

* Губернатор М.П. Хороших, собравший несколько коллекций, 31 октября 1889 г. в заседании областного статистического комитета в Чите делал попытку поставить вопрос об основании в Чите музея, но безуспешно (прим. автора).

Сообразно с требованиями времени, Положением о Приамурском отделе права и круг его деятельности – сравнительно с правами других отделов – значительно расширены. К предметам занятий отдела, кроме изучения края в географическом, этнографическом и статистическом отношениях, присоединяется изучение и в естественноисторическом отношении, а также включено в программу изучение Китая и Японии. Вменено в обязанность заботиться о собирании и хранении ученых пособий, а также об устройстве и поддержании местного музея естественноисторических и этнографических предметов. Но самое главное отличие Приамурского отдела от других отделов заключается в том, что ему дано в законодательном порядке право, с разрешения г[осподина] Приамурского генерал-губернатора, образовывать местные отделения, которые пользуются всеми правами отдела и составляют нераздельную часть его. 30 янв[аря] 1894 года в Хабаровске генерал-губернатор пригласил к себе всех лиц, желавших быть учредителями Приамурского отдела. 10 апреля [1894 года] было первое собрание членов для выборов администрации. Для управления делами отдела временно был выбран комитет, а по утверждении Положения – совет, который, по § 74 Устава, «управляет всеми делами общества как в ученом, так и в хозяйственном отношении». Генерал-губернатор С.М. Духовской избран покровителем отдела, а председателем – помощник генерал-губернатора Н.И. Гродеков, известный своими обширными научными трудами. Затем ввиду быстрого роста библиотеки и музея уже 9 ноября 1894 года Положение о Приамурском отделе было дополнено новыми параграфами: о правах и обязанностях совета, редакционной комиссии, о порядке выборов, числе и сроке службы должностных лиц, причем библиотека и музей во главе с директорами поставлены независимо, с ответственностью перед советом и членами отдела.

Учреждение Приамурского отдела вызвало в русском интеллигентном обществе небывалое сочувствие. Обогащение библиотеки отдела началось знаменательным пожертвованием книг Его Императорского Высочества наследника-цесаревича, ныне благополучно царствующего

государя-императора Николая II и пожертвованием Великой княгиней Александрой Иосифовной замечательной библиотеки в Бозе почившего Великого князя Константина Николаевича, бывшего почти полвека председателем Императорского Русского географического общества с самого его основания. Затем поступили щедрые и ценные приношения от разных высокопоставленных лиц, общественных и ученых учреждений, а также частных лиц. В настоящее время библиотека отдела, как фундаментальная, так и публичная, имеет до 20 т[ысяч] томов. Хабаровская публичная библиотека удостоена 6 декабря 1894 года Высочайшего соизволения на присвоение ей наименования Николаевской.

Музей Приамурского отдела также быстро наполнился коллекциями благодаря неутомимым трудам одного из деятельных членов-основателей общества и первого директора музея В.Н. Радакова. Для музея и библиотеки в Хабаровске уже выстроено обширное каменное здание на средства, частью ассигнованные Правительством, частью пожертвованные местными жителями.

Приамурским отделом в короткий срок снаряжено несколько экскурсий с научной целью, из которых назовем наиболее выдающуюся, организованную по инициативе покровителя отдела, для исследований между озером Ханка и Тихим океаном при помощи охотничьих команд. Имеет также очень важное значение экспедиция, снаряженная (с 27 апреля по 4 декабря 1894 года) под начальством полковника И.И. Стрельбицкого и хорунжего В.Я. Гусева, прошедшая при самых неблагоприятных условиях по Халхе, Большому Хингану и Маньчжурии прямой дорогой из Урги во Владивосток. В настоящее время делаются приготовления к снаряжению обширной экспедиции для исследования Хингана, на которую предполагают затратить до 10 тыс[яч] рублей.

Деятельность отдела по изданиям также энергична: кроме печатаемых журналов совета и протоколов общих собраний, уже издано (по 1896 год) 2 выпуска «Трудов отдела», в которых напечатано несколько интересных статей, касающихся как Приамурья, так и Маньчжурии, и 1 том «Записок» (напечатанный в Петербурге) – «Некоторые данные

* В течение 1896 г.

*Приамурским отделом
изданы следующие
выпуски «Записок»:*

т. 1, вып. 2:

Шимкевич П.П.

*Материалы для изучения
шаманства и гольдов;*

т. 1, вып. 3: Иванов Д.В.

*Основные черты
орогеографического
строения хребта*

Сихотэ-Алинь;

т. 1, вып. 4: Ювачев И.П.

*Свод метеорологических
наблюдений*

в с. Рыковском

на о. Сахалине;

Кирилов Н.А.

Дацаны в Забайкалье;

Колбасенко И.С.

Рождаемость

и смертность

*населения г. Хабаровска
с 1858 по 1895 г.;*

Стрельбицкий И.И.

*Отчет о путешествии
по Маньчжурии в 1894 г.*

Т. 2, вып. 1: Омурьев А.В.

*Общий очерк Анадырской
округи, ее экономического
состояния и быта*

населения;

т. 2, вып. 2: Крюков Н.А.

Опыт описания

землепользования

у крестьян переселенцев

*Амурской и Приморской
областей (прим. автора).*

о положении рыболовства в Приамурском крае»*. Но самыми главными делами Приамурского отдела можно считать основание в Забайкальской области двух отделений: Троицкосавского, открытого 13 июля 1894 года в Троицкосавске, и 10 июля того же года Читинского отделения – в Чите. Оба отделения возникли главным образом благодаря энергичным хлопотам и переговорам на месте известного зоолога В.Н. Радакова.

Читинское отделение было торжественно открыто в Атамановском доме⁵ Его Высокопревосходительством г[осподином] генерал-губернатором Сергеем Михайловичем Духовским в собрании членов-учредителей и представителей города. Выслушав записку о необходимости открыть в Чите отделение Географического общества, Его Высокопревосходительство одобрил программу, разрешил начать деятельность отделения и принял звание покровителя его.

Первое общее собрание членов-учредителей Читинского отделения, для выбора должностных лиц, состоялось 8 августа 1894 года. Со времени своего основания по 1 января 1896 года деятельность Читинского отделения выражается в следующем: библиотека имеет 4095 томов, в числе которых считаются недавно присланные 392 тома дубликатов книг из хабаровской Николаевской публичной

библиотеки. Кроме того, Его Величеству [Николаю II] благоугодно было прислать для публичной библиотеки 2062 тома книг и 42 гравюры. 16 апреля 1895 года состоялось торжественное открытие музея и библиотеки. Из прочитанного тогда отчета о деятельности отделения за первые 5 месяцев видно, что по 1 января 1895 года в музее значилось 2495 предметов; в течение 1895 года их поступило 10764, так что всего по 1 января 1896 года зарегистрировано и хранится

в областном музее Читинского отделения 13259 предметов. Для пополнения коллекций музея директором Читинского музея была предпринята в течение 1895 года экскурсия по низовьям рек Ингоды и Онона – в дополнение к ранее предпринятым исследованиям в вершинах тех же рек – причем были осмотрены оловянные рудники по р. Онону, а также Агинская степь и собраны довольно ценные коллекции, особенно археологические. Петрографическая коллекция имеет большое научное значение благодаря тому, что она собрана под руководством одного из членов Забайкальской горной партии, горного инженера А.П. Герасимова, при совместном с ним путешествии.

Отделение, сознавая всю важность пробудившегося интереса к Маньчжурии, благодаря любезному согласию князя Г.З. Андроникова, начальника партии по железнодорожным изысканиям в Маньчжурии (отправившейся в 1896 году из Цурухайтуя), имело возможность присоединить к партии коллектора К.Д. Логиновского, а других членов экспедиции просить о собирании разных сведений*.

* Результаты исследований одного из членов экспедиции, В.Я. Гусева, помещены в настоящем выпуске «Записок» (прим. автора).

Кроме циркулярных писем об открытии отделения, приглашений к пожертвованиям, списков пожертвований, нашим отделением напечатан доклад по изысканиям железной дороги в Забайкалье, сделанный в общем собрании начальником экспедиции инженером Г.В. Адриановым; затем напечатан реферат профессора С.И. Залесского «К бальнеохимии Забайкалья» и его же «Программа исследований минеральных источников Забайкалья» и «Краткая инструкция к программе исследования минеральных вод». С возникновением отделения была признана необходимость собирать материалы по исследованию Забайкалья; таких материалов накопилось достаточно, и в конце года советом было решено приступить к изданию «Записок отделения», первая книжка которых готовится к печати.

Забайкалье исследовано до сих пор менее других частей [Российской] империи отчасти вследствие отдаленности от центров просвещения. На этом поприще не только для нас,

с нашими слабыми силами, но и для последующих поколений, которые будут вооружены большей опытностью и знаниями, предстоят обширные труды.

Будем надеяться, что с проведением железной дороги Забайкальскую область будут чаще посещать как отдельные ученые, так и целые экспедиции; будем надеяться, что в Сибири будут устраиваться сперва съезды местных работников, а затем и конгрессы специалистов... Будем надеяться... А до тех пор под высоко поднятым могучим знаменем Императорского Русского географического общества употребим все силы на полезную работу для дорогого нам Забайкалья.

Публ. по: Кузнецов А.К. Речь, произнесенная по случаю пятидесятилетней деятельности Императорского Русского географического общества в торжественном собрании Читинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества, 21 января 1896 г. // Записки Читинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. Чита, 1897. Вып. 2. С. 120–158.

КОММЕНТАРИИ*

* Сост. по:
Литературное
наследство Сибири.
Т. 7: Григорий
Николаевич Потанин /
гл. ред. Н.Н. Яновский.
Новосибирск, 1986.
342 с.; [Гагарин А.В.]
Профессора Томского
политехнического
университета:
биографический
справочник. Томск,
2000. Т. 1. 300 с.;
Дмитриенко Н.М.,
Черняк Э.И. Вклад
Г.Н. Потанина
в музейное дело Сибири
// Вестник Томского
государственного
университета. Томск,
2016. № 404. С. 67-76.

¹ Григорий Николаевич Потанин (1835–1920), виднейший исследователь Северной и Центральной Азии, пополнял собранными им во время экспедиций материалами фонды музеев Петербурга, Минусинска, Омска, Томска, Кяхты. В 1887–1890 гг., избранный на должность правителя дел Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, возглавлял Иркутский музей, наладил в нем научно-фондовую и экспозиционную работу.

² Александра Викторовна Потанина, урожденная Лаврская (1845–1893), сопровождала Г.Н. Потанина в его научных экспедициях, занималась составлением гербария, собирала и публиковала этнографические материалы. Ее научные труды, удостоенные серебряной медали Императорского Русского географического общества, были изданы посмертно (см.: Путешествие по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю. М., 1895). Скончалась во время второй экспедиции Г.Н. Потанина по Китаю на пути

в Чунцин, прах ее был доставлен в Кяхту и погребен в феврале 1894 г. Именем Александры Потаниной назван один из ледников Монгольского Алтая.

³ Владимир Афанасьевич Обручев (1863–1956), геолог, профессор, академик АН СССР (с 1929 г.). Как организатор и первый декан горного отделения Томского технологического института он активно содействовал созданию в институте геологического, палеонтологического и минералогического кабинетов (музеев), которые работают и в наши дни.

⁴ Франц Николаевич Кличка, уроженец Чехии, служил в Русской армии, вышел в отставку в чине генерала и в 1778 г. получил назначение на пост губернатора Иркутской губернии. В 1782 г. инициировал создание в Иркутске первой публичной библиотеки, своими дарами основал в библиотеке музейное хранилище, доступное для обозрения всем жителям Иркутской губернии. Сам составил опись музейных предметов и разработал Правила пользования библиотекой и музейными коллекциями.

⁵ Атамановский дом – дом наказного атамана Забайкальского казачьего войска, военного губернатора Забайкальской области, расположенный на главной площади города, рядом с построенным в 1899 г. железнодорожным вокзалом (сгорел в 1900-х гг.).

ОСНОВАНИЕ МИНУСИНСКОГО МУЗЕЯ ГЛАЗАМИ Ф.Я. КОНА

Феликс Яковлевич Кон (1864–1941), будучи студентом Императорского Варшавского университета, участвовал в польском социалистическом движении, был арестован и приговорен к каторжным работам, которые отбывал на Карийской каторге. В 1890 г. вышел на поселение, вскоре переехал в Иркутск, сотрудничал с Восточно-Сибирским отделом Императорского Русского географического общества, проводил этнографические исследования в Балаганском и Минусинском округах, в Урянхайском крае (совр. Тыва). После Революции 1917 г. он вернулся в центральную Россию, занимался партийно-политической работой, с 1930 г. сотрудничал в Наркомате просвещения РСФСР, заведовал музейным отделом. Представляемый читателям фрагмент книги Ф.Я. Кона о Минусинском музее, написанной им по материалам музейного архива, свидетельствам очевидцев и по собственным наблюдениям, позволяет увидеть историю музейного дела Сибири как проявление коллективной воли, реализацию первых государственных установлений в области культуры и образования. (Имеется в виду совершенно справедливая ссылка Кона на Городовое положение 1870 г., которое вменяло органам городского самоуправления устройство на средства городских бюджетов театров, библиотек и музеев.) Конечно, Ф.Я. Кон не мог не говорить о ведущей роли Н.М. Мартынова в создании и развитии Минусинского музея, его самоотверженности и, можно сказать, организаторской изобретательности, но он сумел показать вклад многих других коллекционеров и энтузиастов музейного дела, рассказал о поддержке

со стороны местного купечества и ученых России и других стран. Своим рассказом Ф.Я. Кон представил Минусинский музей как часть музейного мира Северной Азии и всей России.

С.Е. Григорьева

Возникновение Минусинского местного музея тесно и неразрывно связано с именем Николая Михайловича Мартынова¹, года за три до основания музея собиравшего уже коллекции, которые впоследствии явились краеугольным камнем этого учреждения.

Несмотря на неоднократные заявления г[осподина] Мартынова и других лиц, знакомых с условиями возникновения и существования музея, как, напр[имер], Д.А. Клеменца, основателю музея отводится роль, не соответствующая действительности, и возникновение этого учреждения истолковывается не как результат совместных стремлений пожертвований и трудов многих, а как воплощение идеи и трудов исключительно одного Н.М. Мартынова.

Такое мнение и несправедливо, и неверно. По вполне понятным соображениям мы здесь не можем распространяться об общеизвестных заслугах Н.М. Мартынова по отношению к музею и вынуждены по этому вопросу отослать читателя к многочисленным статьям как в общих, так и в специальных изданиях, но в интересах музея и правды должны выяснить роль и заслуги той среды, которая в момент приезда будущего основателя музея в Минусинск была далеко не поросшей мохом и с которой можно было собирать любопытные экземпляры для пополнения ботанических коллекций, как в оное время думали некоторые, а, наоборот, вполне подготовленной к восприятию научного зерна, сеянного Мартыновым с момента приезда.

«Между минусинцами, – пишет он одному из своих друзей 4 апреля 1874 года, – я встретил несколько лиц, которым не чужды интересы науки, а в особенности естествознания. Многие вполне сознают великую задачу естествознания и горячо сочувствуют ей. В этом отношении минусинцы – более прогрессивный народ. На коллекторов они смотрят

не как на чудиков, а как на лиц, достойных уважения. Благодаря такому благоприятному обстоятельству я постарался сойтись с некоторыми из этих естественных естествоиспытателей, предложил им свое содействие и посредничество,

** Так в тексте,
правильно – незначимо.*

и мы, таким образом, составили общество. Надеюсь, что и наше общество, как оно ни незначуще*, как ни малосильно, все-таки что-нибудь да сделает для науки. Хотя оно и не будет делать официальных заседаний, не будет писать протоколов, даже неизвестно по своему названию не только кому-либо из посторонних, но даже членам его, я все же называю его обществом потому только, что мы содействуем друг другу и руководимся теми же идеями, на основании которых и составились все общества естествоиспытателей!.. Чтобы лучше достигнуть цели, мы разделились на специальности. Одни из нас взялись собирать насекомых, другие – минералы. Одному ссыльному поляку я передал сочинение Эверсмана о птицах, и он взялся составить мне список тех из минусинских птиц, которых он сам убивал или имел возможность видеть у своих знакомых.

*** Здесь и далее цитаты
и заключенные в кавычки
части текста извлечены
автором из архива
Минусинского музея.*

Метеорологические наблюдения я передал одному любителю – здешнему учителю г[осподину] Сайлотову. Он усердно содействует мне при собирании разных коллекций»**.

Это письмо, написанное чуть ли не за три года до официального открытия музея, характерно во многих отношениях. В нем уже налицо все зерна будущего преуспевания музея. Тут и особенности края, тут несколькими штрихами обрисована уже та среда, содействию которой музей обязан столь широкой известностью; тут, наконец, уже начинают выступать на авансцену такие отдельные личности, как г[осподин] Сайлотов, личными своими познаниями и трудом оказавший Н[иколаю] М[ихайловичу] громадную поддержку в момент зарождения и в первые, самые трудные годы существования музея.

Из этого же письма видно, что будущий основатель музея явился в Минусинск уже с готовой, определенной, вполне сложившейся идеей основать здесь естественноисторический

музей. В «Истории Минусинского местного музея с 1877 по 1881 год», к сожалению, не напечатанной*, г[осподин] Мартьянов прямо говорит об этом: «Для этого, насколько позволяли мне время и средства, я знакомился с естественной историей, не только на лекциях, в музеях и кабинетах, но и собирая коллекции». А уезжая в Минусинский край, «насколько мог, подготовился, запасшись некоторыми специальными сочинениями по естественной истории (преимущественно по флоре) и географии Сибири», знакомился с гербарием сибирских растений в кабинете Казанского университета, предложил Казанскому обществу естествоиспытателей и С[анкт]-Петербургскому ботаническому саду «посылать дублеты своих коллекций с целью своевременно узнавать научные названия предметов, которые мог найти в Минусинском крае и в определении которых мог затрудняться». Наконец, по дороге в Минусинск [Мартьянов] свернул на 400 верст в сторону от тракта, в Барнаул, центр Алтайского горного округа, с целью осмотреть музей в местности, соседней с районом, в котором намерен был заняться естественноисторическими исследованиями.

* Рукопись хранится в архиве музея (прим. автора).

Ученые друзья основателя музея, узнав о его намерении основать в Минусинске, всполошились. Во многих письмах встречается упоминание о том, что они бы ни за что не поехали в Сибирь, так как там среда заест всякого образованного человека. Эти опасения, как видим, были результатом полного незнакомства с культурным уровнем среды, в которой приходилось действовать. Она не только не заела будущего основателя музея, но, наоборот, с момента его прибытия и по сию пору откликалась и словом, и материальными средствами, и делом на его призыв к совместной деятельности.

В главе о сотрудниках и на всем протяжении нашего очерка нам придется говорить об отдельных лицах, совокупность которых составляла эту среду. Теперь же остановимся на одном из таких лиц, чтобы познакомить читателя с тем, как встретил Мартьянова захолустный Минусинск, были ли опасения друзей Мартьянова сколько-нибудь основательны и, наоборот, не встретил ли он здесь такого теплого сочувствия,

какого не встретил бы, пожалуй, в любом культурном центре Евр[опейской] России. «Вы, Николай Федорович, – пишет М[артьянов] проф[ессору] Леваковскому, – были так добры, что спросили меня, как я здесь живу. Мой ответ короток: положи руку на сердце, скажу Вам, что хорошо; я вполне доволен своим местом и всем окружающим. Г[осподин] Малинин прекрасный, благородный господин, я его люблю и от души уважаю за его бескорыстие в делах, где другой извлекал бы разные выгоды». Скончавшийся 29 марта 1898 года в Пензе врач Александр Васильевич Малинин² в годы, предшествовавшие основанию музея, и затем до 1887 года жил в Минусинске, ввиду чего в делах архива за первые годы, за исключением этой краткой, не подкрепленной фактами, характеристики и протокола ревизионной комиссии, членом которой он состоял, о нем сведений очень немного, но тут-то громадную помощь нам оказывают устные рассказы минусинских старожилов, до сих пор с любовью и признательностью обрисовывающих роль покойного, как врача, как гласного [городской думы] и, наконец, как попечителя открытой, главным образом, благодаря его содействию, женской прогимназии. От них же, а равно и от основателя музея мы узнаем о том глубоком сочувствии и горячем содействии, какое покойный А[лександр] В[асильевич] оказывал музею. «По приезде в Минусинск, – рассказывает Ник[олай] Мих[айлович], – я остановился у Малининых. Распаковывая и приводя в порядок свои вещи, я в присутствии Ал[ександра] Вас[ильевича] развязал ящик с минералогической коллекцией. Он, внимательно осмотрев ее, вышел в другую комнату, а возвратившись минутой спустя, преподнес мне прекрасный малахит и золотой самородок: «Этих у вас нет! Надо пополнить коллекцию...». Это, собственно говоря, было наше первое знакомство... но до конца пребывания Ал[ександра] Вас[ильевича] в Минусинске это – «надо пополнить коллекцию» – было руководящим началом в наших отношениях. Я был приглашен для заведования принадлежащей Малинину аптекой. Это такого рода обязанность, что нельзя отлучаться из города ни днем, ни ночью... Будь владельцем аптеки кто-либо другой, никогда бы не нашли себе осуществления

все мои мечты и стремления. Но тут-то на выручку поспешил Ал[ександр] Вас[ильевич]. Бывали случаи, что он по целым неделям просиживал в аптеке, лишь бы мне дать возможность совершить экскурсию».

Ab uno disce omnes*. Конечно, А.В. Малинин выделялся из среды, в которой жил, но насколько эта среда старалась не отставать от своих лучших представителей, видно из тех результатов, которые были достигнуты в первый год пребывания Мартынова в Минусинске.

** По одному суди обо всех
(лат.).*

«Материалы, собранные нами в первое время, — сообщает Н.М. Мартынов, — заключались, главным образом, в коллекциях растений, горных пород, окаменелостей и насекомых. В настоящее время я не могу припомнить точное количество собранного мною тогда материала, но, во всяком случае, его было не менее тысячи номеров». Тут же мы находим очень ценные для нас сведения о сотрудниках: «Экскурсии свои в это время я большей частью совершал в обществе учителей Минусинского училища г[оспод] Сайлотова и Третьякова, которые весьма обязательно помогали мне не только в собирании растений, насекомых и минералов, но и доставлением различных сведений. Кроме совместных поездок, г[осподин] Сайлотов доставил еще коллекции с окрестностей дер[евни] Означенной и с. Шелаболинского, а г[осподин] Третьяков сделал экскурсии в тайгу, по р. Немир, на соляные озера по р. Уйбат и поздно осенью на гору Изых, по Абакану, специально за каменным углем и окаменелостями угленосной формации. Исследования первого года были дополнены г[осподином] Девятовым коллекцией таежных растений с р. Ирбы».

Второй год пребывания Н.М. Мартынова в Минусинске еще более характерен. Сам будущий основатель музея совершает несколько экскурсий в более отдаленные местности округа, как, напр[имер], в гористую местность, лежащую к востоку по р. Коп и Амыл, в окрестности дер[евни] Кужебар, и совместно с г[осподином] Сайлотовым по-прежнему совершает экскурсии в окрестностях Минусинска. «Г[осподин] Третьяков, переехавший в то время на жительство

в с. Шушенское, доставлял оттуда весьма обстоятельно собираемые коллекции растений не только с. Шушенского, но и таежные по р. Бараксан, куда им предпринята была специальная поездка», – [сообщал Н.М. Мартянов].

Г[осподин] Савицкий доставляет растения и горные породы с Минусинского самосадочного озера, г[осподин] Гладышевский – растения с Бейского соляного озера, И.А. Молодых – коллекции пород, сопровождающих золото с р. Бараксан, Ф.А. Должников – то же с р. Чибижек, Н.П. Барташев – с р. Кызас, Марденских – с р. Сисим, П.О. Барташев – с р. Узунжул и Часгол. А.А. Суслонов [доставляет] коллекции насекомых, растений и горных пород с р. Сисим, П.О. Глазов – из окрестностей с. Каратузского, брата Каргополовы – довольно богатые коллекции из окрестностей Абаканского завода, наконец, Ф.Н. Пименов, кроме других предметов, доставляет интереснейшие окаменелости девонской формации с р. Беи, «которые, [по свидетельству Мартянова], побудили Академию наук поручить известному сибирскому геологу И.А. Лопатину³ исследовать эту местность и проверить находки».

«Результаты общих наших трудов по собиранию естественноисторического материала в течение 1875 года возросли, – сообщает Н.М. Мартянов, – до почтенной цифры 2500 предметов». Читая эти строки, невольно задаешь вопрос: где же все это хранилось? Разве квартира организатора дела была, как шутил в письмах д[окто]р Думберг⁴, маленьким дворцом? Ответ на эти вопросы мы находим в письмах, хранящихся в архиве. 27 февраля 1875 года проф[ессор] Леваковский благодарит за присылку коллекции насекомых, 12 марта проф[ессор] Баталин – за присылку гербария и семян, 16 марта доктор Думберг – за растения и рыб. 1 апреля секретарь Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете, Н. Малиев⁵, от имени общества, – за коллекцию тайнобрачных растений и за череп, 17 июля проф[ессор] Баталин – за сухие луковицы кандыка, 16 августа доктор Думберг – за соли и рыбы Минусинского края, 5 октября Гуляев⁶ – за снимок с начертаний на скалах Енисея и за группу качинцев, 14 декабря И. Лопатин – за присылку

монеты и ножика, который, по его мнению, несомненно, древний и относится к веку каменному, или, может быть, медному; наконец, 29 декабря д[окто]р Думберг – за присылку рисунка доставленной Г.П. Сафьяновым⁷ монеты, оказавшейся впоследствии крайне редкой древнеперсидской медалью. Из этого мы видим, что уже в 1875 году часть предметов отсылалась для разных целей специалистам в Казань, Петербург и др. места, и этим хоть на время решался критический вопрос о помещении для хранения коллекций, с каждым днем все увеличивающихся и количественно и качественно. Но в следующем 1876 году, чем более мы приближаемся к моменту открытия музея, тем становится шире деятельность «общества естественных естествоиспытателей», тем богаче собираемые ими коллекции, тем оживленнее переписка с учеными учреждениями и людьми, тем глубже интерес ученых обществ к изобилующему во всех отношениях несметными сокровищами краю.

В феврале [1876-го] И.А. Лопатин, которому были сообщены сведения об ископаемых остатках Минусинского края и породах, в коих они залегают, причем для него оказались «совершенной новостью окаменелости с. Бейского как по месту нахождения, так и по остаткам», обращается к академику Шмиду с просьбой о содействии для приобретения субсидии от какого-либо ученого учреждения для геологического исследования окрестностей с. Бейского. Исследование это состоялось в июле. Н.М. Мартыанов сопровождал И.А. Лопатина в этой геологической поездке к р. Бее, месту залегания девонских ископаемых. Эта экскурсия, как это обыкновенно бывает, дала толчок к другим. Уже 17 августа И.А. Лопатин просит «г[осподина] Третьякова съездить и набрать шлифованных валунов из древней морены около д[еревни] Саянской». Кроме этих экскурсий, были совершены следующие: г[осподином] Мартыановым по р. Немир, Табат, Арбат, Чебаш, в окрестностях Абаканского завода, в степях по Енисею, между Абаканским и дер[евней] Алтайской, в Качинской степи, по Уйбату, в окрестностях Михайловского прииска П.О. Барташева, и им же вместе с Т.Н. Сайловым в низовьях р. Тубы. Г[оспода] Сайлов и Третьяков сделали

большую экскурсию на гору Борус, откуда доставили много горных растений, а г[осподин] Третьяков побывал в долине р. Ус, перевалив Саянский хребет по Арадану. Как в прежние два года, так и в этом к коллекциям, собранным экспедициями, присоединились коллекции, доставленные сочувствующими лицами из округа: г[осподин] Салтыков доставляет растения из окрестностей с. Белоярского, М.А. Кун – горные породы с р. Убей, Чернышев – с Белого Юса, Л.О. Ярилова – из окрестностей Казанского винокуренного завода, Суслонов – с р. Уджей, братья Должниковы – с р. Отрок, Ирбы, Кизир, Чибижек и др. И.Г. Гусев⁸ – из коренных месторождений по р. Кызас, П. Должников – с р. Уйбат и Н.П. Барташев – горные породы и минералы из коренных месторождений по р. Камыште, Нине, Немир, Узунжул, Тустугжул, Часгол, Сыру, оз[еру] Буланкуль, а также сталактиты из пещеры близ Михайловского прииска по р. Узунжул. Н.Г. Пермикин и Надольский доставили образцы железных и медных руд из рудников в Минусинском и Ачинском округах, Г.П. Сафьянов – несколько интересных естественноисторических предметов из местности, пограничной с Минусинским округом, и с высших точек Саянских гор, А.К. Стульгинский – несколько сделанных им чучел птиц. П.И. Кузнецов⁹ [доставил] превосходные экземпляры черепа изюбра и коллекции медных, бронзовых и железных археологических предметов, найденных в степи по р. Уйбат и послуживших впоследствии краугольным камнем для археологических собраний музея, А.Н. Мозгалевский – древности, собранные у подножия Саянских гор, на правом берегу Енисея между р. Сизой и Соболевой.

Наряду с этим Т.Н. Сайлотовым¹⁰ доставляются книги по технологии, сельскому хозяйству и описанию Минусинского округа, чем было положено начало библиотеке музея, а И.А. Надеждинским – несколько составленных по личным наблюдениям карт Минусинского округа.

Кроме этих коллекций, пожертвованных, поступили другие, приобретенные иными путями.

Венгерский ученый Richter Zajos из Будапешта 20 августа 1876 года предлагает прислать ему самые редкие из явнотрачных растений в обмен на большинство самых

редких европейских видов, а член Общества испытателей природы в Москве Н.П. Данилов, дав средства, предложил нанять коллекторов насекомых, которые жили по два и более месяца в местностях, значительно удаленных от Минусинска, в северной части округа, в с. Новоселовском, и в восточной [части] – по Амылу и в Кужебаре. На эти же средства была предпринята поездка в страну урянхайцев. На обязанность этих коллекторов возложено было собирание, кроме бабочек, насекомых других отрядов, а также и растений. Дублеты собранных тогда бабочек были потом присланы Н.П. Даниловым из Москвы уже с научными названиями.

Громадные коллекции, собранные за истекшее трехлетие, нуждались в научном определении. Первые шаги были сделаны еще в 1874 и 1875 годах, но особенное внимание на этот вопрос обращено в 1876 году. 20 августа будущий основатель музея в первый раз заводит сношения с заграничными учеными, он отправляет коллекцию собранных им низших грибов известному микологу барону F. von Thumen под условием определения ее. Уже в этой первой коллекции оказалось 23 новых вида. С этих пор между ученым-микологом и, по его выражению, «беззаветным и неутомимым» коллектором не прерывается оживленная переписка по поводу отправляемых из Минусинска коллекций, на основании которых в 1877–1882 годах бароном Тюменом издано 5 выпусков его знаменитых «Beiträge zur Pilz – Flora Sibiriens».

В августе [1876 года] Н.М. Мартянов, сообщая академику Максимовичу, что с весны 1874 года по момент написания письма собрано более 1000 видов высших и низших растений и что низшие грибы отосланы для определения барону Тюмену, просит его «взять на себя труд определить неизвестные ему и сомнительные виды», выражая при этом готовность пожертвовать в Ботанический музей Императорской Академии наук весь свой гербарий. На это предложение со стороны академика Максимовича последовало согласие, и в ноябре был ему отослан гербарий, расположенный по системе Декандоля, при письме, в котором сообщалось, что некоторые из растений в посылаемом гербарии собраны не г[осподином] Мартяновым, а его «обязательными минусинскими знакомыми»

и что коллекции минусинских мхов и лишайников отправлены за границу: первые – доктору Юрацко в Вену, а вторые – в Бреславль доктору Керберу, так как эти ученые согласились определить собранный материал.

Аналогичные предложения были сделаны относительно насекомых Русскому энтомологическому обществу, которое «с удовольствием взяло на себя труд по их разработке и определению». <...>

Собрав при помощи некоторых минусинских граждан довольно богатый материал, г[осподин] Мартьянов «счел своей нравственной обязанностью пожертвовать часть этого материала как наглядное пособие – минусинскому училищу». «Уже давнишним моим желанием, – продолжает он в предисловии к каталогу пожертвованных предметов, – было устройство в отдаленных от просвещенных центров провинциальных городах естественноисторических музеев, хотя бы местных произведений природы, с тем, однако, условием, чтобы подобные музеи были всегда открыты и доступны всякому желающему ознакомиться с естественной историей и чтобы таким путем могли распространяться естественноисторические знания среди общества... Я позволю себе надеяться, что мой пример найдет сочувствие во многих из жителей г. Минусинска, что найдутся лица, которые последуют моему примеру и что небольшая моя коллекция послужит основанием к устройству в Минусинске удовлетворяющего всем требованиям музея, хотя и не в близком будущем».

29 июля 1876 года высказанные в каталоге мысли были развиты более подробно на публичном акте в местном училище г[осподином] Сайлотовым, приглашавшим местное общество доставлять в училище так называемые редкости. Обращение г[оспод] Мартьянова и Сайлотова не осталось без отклика.

Пожертвования, как мы видели выше, посылались, и к концу года собранный общими усилиями материал увеличился настолько, что перед инициаторами дела встал критический вопрос о месте его хранения. Нужда заставила сделать решительный шаг, и, мы увидим ниже, мечта Мартьянова осуществилась...

Период, предшествовавший открытию музея, нами, по мере сил и возможности, обрисован. Итогов деятельности Н.М. Мартьянова за этот период я подводить не стану, представляя это сделать читателю. Повторю только слова Д.А. Клеменца, что вся энергия г[осподина] Мартьянова не привела бы ни к чему, если бы музей был только его личным делом. И действительно, как мы видели, здесь, в далеком Минусинском крае, где, по мнению тогдашних европейских ученых, можно было собирать мхи и грибы на его обитателях, нашлись Малинины, Сайлотовы, Третьяковы, Гусевы, Сафьяновы и многие другие, которые дружно поддерживали Мартьянова и своей преданностью делу, пониманием цели и значения музея, и своими неусыпными трудами помогли созданию того, о чем в то время не мечтал сам инициатор дела.

В январе 1876 года г[осподин] Мартьянов надеется только на то, что музей, и то исключительно естественно-исторический, удастся вообще устроить в Минусинске, хотя и не в близком будущем, но речь г[осподина] Сайлотова, энергия Гусева и Малинина, ценный дар Кузнецова дают возможность уже в начале следующего года открыть музей, в котором рядом с естественноисторическими коллекциями видную роль играют и археологические.

Эту деятельную отзывчивость местного общества мы можем проследить на всем протяжении существования музея. «Насколько минусинское общество, – говорит Н.М. Мартьянов, – сочувственно отнеслось к моей идее об основании музея, лучше всего можно заключить из того, что в редкий день не поступали ко мне различные, не только естественно-исторические предметы, но и древности». Это обстоятельство не могло, однако, рассеять сомнений, и они проскользнули совершенно невольно в предисловии к каталогу пожертвованных училищу коллекций. Иначе и быть не могло. «После первых разговоров с близкими людьми, – рассказывает вполне знакомый с положением дел Д.А. Клеменц, Мартьянов встретил такую массу возражений и охлаждающих замечаний, что хотел оставить коллекции у себя». Эти возражения и замечания исходили в значительной степени от лиц, по своему образованию стоявших настолько высоко, что, по словам

основателя музея, они немало способствовали расширению его собственного умственного кругозора, всей душой преданных идее основания музея и впоследствии своими трудами содействовавших его процветанию. Опасение неудачи заставляло их задумываться над возможными затруднениями, а это не могло не вызывать колебаний в самом Мартьянове. Но когда наступил решительный момент, именно большинство этих скептиков поддержало Мартьянова, к ним примкнул и И.Г. Гусев – городской голова, человек практичный, знающий прекрасно своих сограждан и, по местной характеристике г[осподина] Клеменца, «новатор по натуре», который при содействии А.В. Малинина провел 18 февраля 1877 года в думе вопрос о музее, поднятый Мартьяновым в следующем заявлении, помеченном 10 января 1877 года, почему этот день и принято считать днем основания музея.

[Заявление гласило]: «Как действительный член Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете и член-сотрудник С[анкт]-Петербургского общества естествоиспытателей я, посильно удовлетворяя всем требованиям Высочайше утвержденного устава этих обществ, поставил себе также задачей выполнение одного из важнейших пунктов устава, именно распространение естественнo-исторических знаний. С этой целью я в прошедшем 1876 году положил основание общественного музея; предоставив на первое время собранные мною коллекции и некоторые другие предметы как учебные пособия в пользование минусинского училища, о чем и было заявлено г[осподином] старшим учителем Сайлотовым на публичном акте училища в конце истекшего 1875/76 года. В настоящее время, благодаря богатствам, оригинальности и разнообразию природы Минусинского округа, а также разнообразию возрождающейся промышленности этого края и преимущественно вниманию и усердию жертвователей, я убеждаюсь, что положенное мною основание начинает быстро возрастать и готовится принять довольно широкие размеры ввиду многих лестных обещаний, предложений и предположений, которыми почтили музей г[оспода] посетители его, жертвователи и вообще все заинтересованные споспешествованием и содействием к развитию его.

Потому я нахожу вполне своевременным сделать настоящее заявление Минусинской городской думе и почтительнейше прошу принять некоторые условия, гарантирующие упрочение и официальное положение музея. Представляю при сем книгу для каталога музея, в которой вписаны мною все находящиеся налицо коллекции с отметкой фамилий жертвователей, и прошу городскую думу проверить этот каталог сличением с наличностью, скрепить его и затем возвратить мне или г[осподину] старшему учителю Сайлову».

[Далее Мартыанов предлагал]: «Музей должен именоваться как Минусинский публичный местный музей и всегда будет составлять собственность Минусинского городского общества. Минусинское училище, предполагаемая прогимназия и другие, какие могут открыться, учебные и воспитательные заведения будут иметь преимущественное право пользоваться коллекциями музея как необходимейшими учебными пособиями. Кроме того, музей должен быть всегда открытым для всех посетителей и любителей естествознания. Помещение музея, хранение и заведование вполне зависят от городской думы; на первое же время он будет помещаться при училище, а потому хранение его городская дума благоволит предложить г[осподину] заведующему училищем учителю Сайлову, на каковой предмет испросить, если будет необходимо согласие директора или смотрителя училищ. Что же касается заведования музеем в отношении дополнения его, ведения каталога, переписки по сношению музея с разными местами и лицами, а также отчета по музею, то все подобные обязанности я временно принимаю на себя, пока имею к тому возможность.

Что последует по этому моему заявлению, о том почтительнейше прошу Минусинскую городскую думу сообщить мне».

Как мы уже упомянули выше, это заявление было 18 февраля 1877 года доложено думе городским головой И.Г. Гусевым, и, по выслушании его, городская дума «ввиду той несомненной пользы, какую может принести впоследствии учреждение в г. Минусинске публичного местного музея воспитывающемуся юношеству в научном отношении»,

единогласно постановила: 1. Собранные г[осподином] Мартяновым и пожертвованные другими лицами коллекции для основания Минусинского публичного музея, хранящегося в настоящее время в помещении при Минусинском приходском училище, ныне же проверить согласно приложенного каталога через городскую управу, которой и поручить, по проверке наличности коллекций, каталог установленным порядком скрепить и для хранения как его, так и коллекций, впредь до особых распоряжений, передать г[осподину] старшему учителю Сайлотову, – между тем от имени городской думы, представляющей собой целое общество, г[осподину] Мартянову за его труды по собранию коллекций, послуживших основанием музея, принести благодарность. 2. Просить Его Превосходительство г[осподина] начальника губернии войти с кем следует в сношение об учреждении в г. Минусинске публичного музея, под наименованием Минусинский местный публичный музей. 3. Коль скоро будет получено от высшего начальства распоряжение об утверждении музея (который согласно желанию г[осподина] Мартянов как основателя этого общепольного учреждения будет составлять собственность минусинского городского общества), учредить особый комитет для управления и заведования музеем из числа избранных почетных лиц, по особому впоследствии определению думы, с устройством необходимого помещения при учебном заведении под размещение коллекций музея. 4. Впредь до утверждения официальным путем основания музея (в видах изъявляемой г[осподином] Мартяновым готовности принять на себя заботы по заведованию музеем и пополнению его более разнообразными коллекциями) просить г[осподина] Мартянова и старшего учителя Сайлотова под председательством городского головы или одного из членов городской управы составить ныне же временную, впредь до учреждения особого комитета, комиссию для заведования делами, относящимися до возрождения настоящего музея, и по возможности выработать программу условий, при которых музей вполне упрочил бы свое развитие и дальнейшее существование, которую и внести впоследствии на рассмотрение думы для необходимых с ее стороны распоряжений».

Копия с этого постановления думы была представлена на рассмотрение г[осподину] енисейскому гражданскому губернатору, причем, руководствуясь 2 п[унктом] этого постановления, дума просила г[осподина] начальника губернии войти с кем следует в сношение об учреждении в г. Минусинске публичного музея.

Этим ходатайством дума стучалась в открытую дверь. Начальник губернии, имея в виду то, что на осн[овании] ст[атьи] 2 <...> Городового положения 28 июня 1870 года к предметам ведомства городского общественного управления относится, между прочим, устройство театров, библиотек, музеев и других подобного рода учреждений; что по 55-й ст[атье], пункт 7 того же Положения городской думе предоставлено [право] принимать в пользу города разные пожертвования, а по 10-му пункту означенной выше статьи устанавливать правила для заведования городскими имуществами и сооружениями, а равно и состоящими во владении оной благотворительными и иными общепользовными заведениями, не признал возможным испрашивать разрешения на учреждение и открытие в г. Минусинске публичного музея, так как от городского общ[ественного] управления вполне зависит принять пожертвованные [Минусинскому музею] коллекции и установить в законном порядке соответственные правила для заведования означенным музеем с соблюдением действующих узаконений.

По получении этого ответа г[осподина] начальника губернии была избрана комиссия для составления устава музея. В эту комиссию вошли: Н.И. Попов¹¹, кн[язь] А.А. Крапоткин¹², врач А.В. Малинин и Н.М. Мартыанов. Главным руководителем, составителем и редактором устава был Николай Иустиневич Попов.

Возложенная на комиссию задача была не из легких; не говоря уже о том, что составители, за неимением готовых образцов в уставах других музеев, вынуждены были самостоятельно вырабатывать устав, для чего необходимо было не только теоретическое знакомство с Городовым положением, но и юридический опыт, единственный дающий возможность предусмотреть все могущие возникнуть на практике затруднения, не говоря обо всем этом, приходилось строго

и точно формулировать функции и роль как самой управы, так и отдельных членов комитета...

Излишняя регламентация могла бы стеснять распорядителя, отсутствие некоторых пунктов могло бы вызвать недоверие и недовольство. Рядом с этим, как основная часть вырабатываемого устава, должно было войти определение назначения музея – пункт, вполне зависящий от особенностей края, в то время еще совершенно не изученных, ради изучения которых и основывался музей. Комиссия успешно выполнила возложенный на нее труд. Выработанный ею Устав состоял из следующих 17 пунктов:

1). Минусинский публичный местный музей открыт и содержится минусинским городским обществом и составляет его собственность.

2). Назначение музея: 1) служить сборным пунктом для сведений о местных естественных и промышленных произведениях, а также о бытовых особенностях жителей Минусинского и смежных округов; 2) служить складочным местом для коллекций и книг, имеющих научное и образовательное значение; 3) служить, по мере возможности, к распространению через посредство своих коллекций и книг, естественнонаучных и технических знаний вообще и касающихся Минусинского округа в особенности.

3). Минусинский местный публичный музей состоит: а) из отделения специальных коллекций музея; б) библиотеки; в) склада вещей; г) денежной кассы.

4). Отделение специальных коллекций подразделяется на разряды: 1) по естествознанию, состоящий из коллекций и приборов, относящихся к области ботаники, зоологии, геогнозии, геологии и палеонтологии; 2) этнологический, состоящий из коллекций и приборов, относящихся к области сельского хозяйства, ремесл и промышленности. Эти приборы и коллекции должны служить преимущественно к возвышению технических знаний в округе.

Примечание: к составу специальных коллекций принадлежат также естественноисторические, этнологические и технические коллекции и приборы, принимаемые музеем только во временное пользование.

5). Библиотека музея состоит из рукописей, книг, карт, чертежей и рисунков, имеющих отношение к естествознанию, этнографии, археологии и технологии.

Примечание: в состав библиотеки временно входят и все те издания, которые согласуются со специальной программой музея, а принимаются только в основание будущей местной публичной библиотеки.

6). Склад состоит из пожертвованных или изъятых из коллекций по излишеству вещей, которые путем обмена могут послужить к обогащению музея.

7). Касса музея состоит из денег, поступающих в музей из различных источников к его содержанию.

8). Отчетность музея временно будет заключаться в следующих книгах: 1) журнал входящих и исходящих бумаг; 2) систематическом каталоге коллекций музея; 3) приходо-расходной книге для записывания сумм и предметов, поступающих в собственность музея и во временное пользование.

9). Помещение музея определяется постановлением Минусинской городской думы.

10). Заведование Минусинским публичным местным музеем принадлежит особому комитету, учрежденному Минусинской городской думой и состоящему из следующих лиц: председателя комиссии – городского головы или члена управы, распорядителя музея и хранителя музея.

Примечание: 1) два последних лица избираются думой из граждан на время до 3 лет и ей же увольняются; 2) к обязанностям распорядителя и хранителя музея могут быть приглашаемы думой и лица, которые не принадлежат к городскому обществу, но, проживая в г. Минусинске, изъявят согласие на принятие этих обязанностей.

11). Председатель музея обязан заботиться о преуспевании и целости его, а также о точном исполнении этого устава.

12). Распорядитель музея преимущественно заботится о том, чтобы музей удовлетворял своему назначению и целям, выраженным в ст[атье] 2 этого Устава, затем: 1) систематически расставляет коллекции музея; 2) относит к отделению специальных коллекций или к складу получаемые музеем предметы; 3) хранит у себя кассу музея до 100 рублей;

4) по совещанию с председателем и хранителем музея распоряжается этой кассой по своему усмотрению для пользы музея; 5) ведет отчетность и делопроизводство по делам музея; 6) дает ежегодный обстоятельный отчет по делам музея Минусинской городской думе.

13). Хранитель музея: 1) следит за внешним порядком и сохранностью вещей в музее; 2) принимает участие в обязанностях распорядителя, означенных в ст[атье] 12, пункт[ах] 1, 2 и 4.

14). Книги и предметы коллекций музея с обоюдного согласия распорядителя и хранителя музея можно на время выдавать разным лицам и учреждениям под ответственность получателей.

15). Минусинский публичный местный музей открыт по праздничным и воскресным дням для посетителей.

16). М[инусинский] п[убличный] м[естный] музей имеет свои бланки и свою печать с изображением в середине ее минусинского городского герба и с надписью вокруг него – Минусинский публичный местный музей.

17). Изменение статей этого Устава зависит от постановления Минусинской городской думы.

Устав этот, как удовлетворяющий на первое время требованиям этого учреждения, был утвержден гор[одской] думой 6 июня 1877 года. Тогда же было постановлено: сам музей с его начальными коллекциями поместить в отдельных комнатах при Минусинском приходском училище, помещающемся в доме наследников Меркушова, впредь до устройства для него особого помещения; в распорядители музея пригласить г[осподин] Мартянова, а в хранители г[осподина] Сайлотова. Пожертвованные Мартяновым коллекции состояли из четырех отделов: естественноисторического (1272 предм[ета]), технического (55), археологического (35), книг, картин и др. (90).

Еще до постановления думы 6 июня 1877 года музей, по предложению гор[одского] головы г[осподина] Гусева, был перенесен в его дом (б[ывшего] насл[едников] Меркушых), в одну из комнат, специально *ad hoc**

* *Ad hoc* – крылатое латинское выражение, означающее «специально для этого», «по особому случаю».

отделанную на его же средства. Здесь коллекции музея были приведены в систематический порядок г[осподином] Мартыновым при деятельном содействии г[осподина] Сайлотова. И.Г. Гусев, кроме того, на свой счет устроил временные столы и полки.

Только с этого момента музей мог начать оказывать свое благотворное влияние на местное население. Начало было положено, но самое важное – распространение в местном обществе убеждения в том, что музей имеет для него не только отвлеченное, но и практическое, реальное значение, – было делом будущего. Озабоченный этим комитет музея хотел воспользоваться предстоявшей Всемирной выставкой в Париже и для иллюстрации значения музея для местной промышленности решил экспонировать на выставке след[ующие] предметы: 1. Образцы сырых продуктов животного, растительного и минерального царств, которые свидетельствуют об естественных богатствах края и в то же время могут быть предметом обработки и сбыта на внутренние и заграничные рынки; 2. Собственные изделия, характеризующие местную производительность и имеющие значительный сбыт на месте или же занимающие своей обработкой значительное число рук; 3. Лучшие образцы пушнины и выделанных звериных шкур, а также костюмы инородцев Минусинского округа.

К сожалению, по программе Парижской выставки предполагавшиеся к отправке предметы должны были быть размещены в различных местах Русского отдела, благодаря чему намеченная комитетом музея цель не могла быть достигнута, так как незначительная и не бросающаяся в глаза минусинская коллекция совершенно затерялась бы среди блестящих экспонатов Евр[опейской] России. Ввиду этого, а также и кое-каких других обстоятельств музею пришлось отступить от своего намерения.

Эта неудача не отразилась на энергии комитета и сочувствующих ему лиц: 16 июля А.П. Баранов, «искренне сочувствуя предпринятой полезной цели по устройству городского музея», спешит заявить свое скромное вещественное доказательство готовности содействовать доброму делу и посылает три выпуска «Первобытного мира в различные периоды его

образования» и девять ландшафтов в рамках под стеклами. Очень характерны заключительные строки письма, при котором препровождено это ценное пожертвование: «Позвольте надеяться, что я не буду лишен чести, в случае каких-либо нужд музея, быть знакомым с ними в видах возможного с моей стороны содействия к развитию его на тех полезно научных началах, которые положены в основу устройства его». Как бы в подкрепление своих слов им же в этом же году доставлены образцы хлебных растений, семян и почв, составившие зародыш будущего сельскохозяйственного отдела, древняя медная ваза и др. предметы. В июне и в октябре Антон Криспинович Стульгинский, пожертвования которого послужили еще ранее основанием отдела чучел, позвоночных животных, преимущественно птиц, вновь жертвует очень ценные чучела орла и др. птиц. Г.П. Сафьянов, о котором не раз придется говорить впоследствии, [передает] череп зубра, один из самых ценных из имеющихся и теперь в музее. М.Т. Самохвал дарит музею модель золотопромывательной машины и коллекцию минералов, П.И. Кузнецов – большую медную вазу и др. древности, П.Г. Седов – интересную коллекцию орудий каменного века и др. предметы древности.

В этом же году комитет музея обращается за содействием по пополнению коллекций и к лицам, живущим за пределами округа, но известным по своему сочувствию ко всяким начинаниям на ниве науки и просвещения. Это обращение не осталось без ответа. С.И. Гуляев присылает из Барнаула несколько интересных предметов с Алтая. Горный инженер И.А. Лопатин – коллекцию сибирских минералов и окаменелостей и составляет таблицу напластований горных пород Минусинск[ого] окр[уга]; Рихтер Лайос в обмен на полученные растения прислал гербарий, состоящий более чем из 200 видов растений, характерных для венгерской пушты.

Само собою разумеется, что комната в 311/2 кв[адратных] арш[ина], в которой помещался музей, не могла вместить с каждым днем увеличивавшихся коллекций, но как и в самом начале, так и в описываемый момент сочувствующие музею лица соперничают друг с другом в деле устройства помещения и внешней обстановки. В апреле 1878 года

И.Г. Гусев приспособляет* для музея вторую комнату, П.О. Барташев делает на свой счет восемь витрин-столов, В.А. Данилов жертвует средства на четыре больших стеклянных шкафа для чучел и 3 шкафика для минералов. Наконец, М.А. Кун [дарит] два больших комода-альбома, исполненные по его рисункам, для растений и насекомых. Только теперь склад преобразуется в музей, который находится здесь до 30 апреля 1879 года, когда городская управа предложила перенести коллекции в три просторные и светлые комнаты в принадлежащем городу каменном здании на главной площади города, где уже с 1878 года помещалась библиотека. Этим моментом заканчивается, т[ак] с[казать], скитальческий период музея, так как в этом здании коллекции остаются до перенесения их в собственное здание музея в 1890 году.

** Так в тексте,
правильно –
приспосабливает.*

С деятельностью комитета музея за первые 11/2 года его существования знакомит нас отчет, прочитанный Н.М. Мартыновым 31 декабря 1878 года. О деятельности председателя комитета, – гор[одского] головы И.Г. Гусева – мы уже говорили. Заведующий музеем, кроме приведения в порядок и систематизации коллекций и кроме хлопот об увеличении коллекций музея и улучшении его обстановки, вырабатывал и распространял программы для собирания коллекций, совершал экскурсии ради пополнения их, определял их, а в случае затруднения предлагал для определения другим лицам и составлял каталоги предметов музея. Наконец, хранитель музея Т.Н. Сайлотов объяснял посетителям выставленные в музее предметы, собирал и приводил в порядок часть специальных коллекций. В приведении в порядок и в систематическом распределении коллекций помогали распорядителю и хранителю Н.И. Попов, М. Кун. О том, насколько комитету музея удалось сделать популярным вновь возникшее учреждение и возбудить живейшее к нему сочувствие, можно судить по тому, что ряды сочувствующих музею лиц значительно против прошлых годов увеличились, что вызвало со стороны комитета Минусинского музея редакцию такого отчета, который знакомил бы их не только с достигнутыми результатами, но и с теми ощутительными пробелами, которые могли быть

восполнены доброхотными пожертвованиями друзей музея. Комитету музея, при участии Н.И. Попова, взявшего на себя труд редактирования отчета, удалось блестяще исполнить эту задачу. Несколько прочувствованных строк мы находим в отчете по поводу археологических находок: «Минусинский музей, находясь в центре Минусинского округа, может и обязан дать приют этим мелким археологическим находкам и стараться распространять между обитателями Минусинского округа ту мысль, что эти предметы надо беречь, так как они могут оказаться необходимыми при изучении страны. В настоящее время, за исключением редких случаев, когда находки эти приобретаются более сведущими людьми, весьма многие, а в особенности земледельцы, которым по преимуществу попадают в руки археологические предметы, особенно медные, уничтожают их бесследно, переплавляя их на медную посуду или переделывая на предметы, имеющие применение в домашнем быту... Минусинские жители, которые вполне понимают важное историческое значение этих предметов, должны общими усилиями позаботиться о том, чтобы эти драгоценные памятники старины уцелели как от всепоглощающего времени, так и от хищнических истреблений профанов».

Описывая коллекции по сельскому хозяйству, составитель отчета характеризует Минусинский округ в земледельческом отношении, указывает на вновь зарождающиеся факторы роста земледелия в крае (путешествие Норденшильда: возможность вывоза хлеба за границу), делающие Минусинск центром, в который «будут обращаться письменно и лично за сведениями по сельскому хозяйству округа многие лица, которые пожелают заняться их производством и сбытом». И отмечает, что примеры подобного рода справок уже имели место. «Разумеется, – говорит составитель, – что систематическое или рациональное устройство коллекций и приборов по этой важной отрасли промышленности округа – дело очень сложное и трудное, а главное, требующее не мало средств и времени, но основатель музея возлагает свои надежды на то обстоятельство, что коренные жители Минус[инского] округа поймут значение учреждения, которое содействовало бы

промышленным целям округа, горячо примут к сердцу это дело и общими усилиями помогут в устройстве этого полезного отдела в нашем музее».

Такой же системы составитель отчета придерживается и относительно других отделов. За общей характеристикой страны в данной области, следует указание, насколько она иллюстрируется коллекциями музея, поясняется, насколько в практическом отношении полезна полная, по возможности, иллюстрация, делаются указания, как этого достигнуть, после чего следует призыв к дружной работе. Подводя итоги посильно принесенной музеем за отчетное время пользы, автор указывает, что «как посетители музея, так и [жители] разных мест округа к распорядителю музея письменно и словесно стали все чаще обращаться за разными сведениями, справками и разъяснениями и, по возможности, получали все нужные им справки, а иногда и нужные предметы из дублетов музейных коллекций, хранящихся для этой цели».

Первое публичное чтение отчета сказалось весьма благотворно на дальнейшем развитии музея. Минусинское общество познакомилось с программой и задачами музея, с одной стороны, с другой – узнало о его нуждах и дружно откликнулось на призыв к содействию. Почти ежедневно начали поступать разные предметы в пополнение его коллекций. Но с увеличением количества предметов естественно увеличивалась потребность как в устройстве соответственной мебели для удобного и приличного помещения поступающих предметов, так и в пополнении музейной библиотеки новыми специальными сочинениями и справочными руководствами, необходимыми для научного определения музейных предметов. Заведение мебели и приобретение руководств требовало денежных затрат, а средств на покрытие таковых у музея не было. Ввиду этого распорядитель обратился с подписным листом к лицам, сочувствующим цели и преуспеванию музея. И в короткое время было собрано около 500 р[ублей].

При таких условиях неудивительно, что распорядитель счел нужным при содействии Н.И. Попова выработать подробную программу материалов, потребных Минусинскому местному музею и сообщить ее сочувствующим музею лицам.

Деятельная помощь в прошлом давала право надеяться, и не напрасно, на таковую же в будущем. В содействии музею и в проявлении к нему сочувствия и интереса не отставала от общества и городская дума.

28 декабря 1878 года ею была назначена комиссия, в состав которой вошли И.В. Крылов, В.П. Попов и А.В. Малинин, которым было поручено произвести ревизию М[инусинского] м[естного] п[убличного] м[узея] и отчета о нем, представленного распорядителем музея. По сообщению этой комиссии М[инусинский] м[естный] п[убличный] м[узей] к 1 января 1879 года располагал: по естественноисторическому отделу 3083 предметами, по этнологическому – 150 и предметов не местного происхождения – 120. Воздав должное лицам, способствовавшим преуспеянию музея и указав на достигнутые блестящие результаты, комиссия сочла своей обязанностью указать и на нужды этих учреждений (музея и библиотеки), и на существующие в них недостатки. «Всем известна, – говорится в отчете комиссии, – та истина, что нажать копейку – труд, а сберечь ее – двойной. Что приобрели мы музей и библиотеку – одно дело, а сберечь их и тем более содействовать дальнейшему их обогащению и развитию есть другое дело, не менее трудное, которое всецело лежит на обществе, представительницей которого есть дума». Комиссия, по-видимому, в высшей степени серьезно отнесшаяся к возложенной на нее обязанности, характеризует помещение, отведенное для музея, указывает на его недостатки, доказывает необходимость перенести коллекции в другое, более подходящее помещение и, останавливаясь на вопросе о том, что у музея нет никаких собственных средств, находит «настоятельную надобность в назначении музею постоянной денежной субсидии хотя бы в сто руб[лей]».

Этим заканчивается первый период существования музея, период, несомненно, самый трудный, когда музею приходилось тесниться со своими коллекциями, где Бог послал, когда единственной материальной поддержкой его были пожертвования сочувствующих ему частных лиц. Но уже тогда было налицо здоровое зерно будущего процветания музея, уже тогда музей сумел сделаться плотью от плоти местного

общества, откликаться на его нужды и потребности, расти с ростом общества, уже тогда, следовательно, музей сумел стать тем пропагандируемым Э. Гру обществом взаимного страхования, в которое каждый вносил свою лепту познания труда и доброй воли, получая от него нужные сведения, добытые трудами всех...

Публикуется по: *Кон Ф.Я. Исторический очерк Минусинского местного музея за 25 лет (1887–1902 гг.). Казань: типолитография Императорского Казанского ун-та, 1902. 260, VI, II с.*

КОММЕНТАРИИ*

¹ Николай Михайлович Мартянов (1844–1904), учился в Московском и Казанском университетах, работал провизором в казанской аптеке, занимался коллекционированием. Положил свои естественнонаучные коллекции в основание Минусинского музея, которым руководил вплоть до самой смерти. Ныне созданное им музейное хранилище называется Минусинским региональным краеведческим музеем имени Н.М. Мартянова.

² Александр Васильевич Малинин, занимал должность «городового врача» в Минусинске, открыл первую в городе «вольную аптеку» и в 1874 г. для работы в ней пригласил молодого провизора из Казани Н.М. Мартянова. По приезду в Минусинск Мартянов некоторое время не только работал, но и жил в доме Малининых.

³ Иннокентий Александрович Лопатин (1839–1909), окончил институт Корпуса горных инженеров в Петербурге, служил инженером в сибирских горных округах. В 1870 г. вышел в отставку и занялся золотопробышностью; изучал геологию и географию Сибири.

⁴ Карл Евгеньевич Думберг (1862–1931), историк и археолог, в 1891–1901 гг. возглавлял Керченский музей древностей.

⁵ Николай Михайлович Малиев (1841–1916), выпускник Санкт-Петербургской медико-хирургической академии, доктор медицины, в 1888–1897 гг. был ординарным профессором кафедры анатомии Императорского Томского университета. Занимался антропологическими исследованиями, основал и возглавил Анатомический музей Томского университета.

⁶ Степан Иванович Гуляев (1805/06–1888) – уроженец Алтая, окончил Барнаульское горное училище, служил в горном отделении Императорского кабинета в Санкт-Петербурге. Состоял членом-сотрудником Императорского Русского географического общества, занимался изучением и коллекционированием разнообразных памятников алтайской природы и культуры.

* Сост. по:
Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2 т / отв. ред. Д.Я.Резун. Новосибирск, 2012–2013. Т. 1–2; Ресурсы Интернета.

⁷ Георгий Павлович Сафьянов (1850–1913), минусинский купец 2-й гильдии, золотопромышленник. Три (или четыре) четырехлетия подряд занимал должность городского головы Минусинска, избирался почетным мировым судьей, был в числе выборщиков депутатов Государственной думы. Состоял членом Императорского Русского географического общества, собирал и публиковал материалы по истории и экономике Южной Сибири, жертвовал на нужды Минусинского музея.

⁸ Иван Гаврилович Гусев (1833–1892), минусинский купец 1-й гильдии, основатель первого в Енисейской губернии «Акционерного общества минусинских золотых приисков». Избирался городским головой, деятельно поддерживал создание Минусинского музея, был первым председателем музейного комитета.

⁹ Петр Иванович Кузнецов (1818/19–1878), красоярский купец 1-й гильдии, золотопромышленник, трижды избирался городским головой Красноярска. Известен своей благотворительной деятельностью в сфере культуры, науки, образования.

¹⁰ Тимофей Николаевич Сайлотов (1845–1918), родился в семье ссыльного декабриста Н.А. Крюкова и его жены М.Д. Сайлотовой (дочери хакаса и русской крестьянки). Окончил Томскую губернскую мужскую гимназию, учился в Императорском Московском университете, но полного курса не окончил. Сдал специальный экзамен на звание учителя и всю жизнь учительствовал, инициировал открытие Минусинской женской прогимназии; был первым по времени хранителем Минусинского музея. За заслуги в деле образования в 1890 г. удостоен звания почетного гражданина г. Минусинска.

¹¹ Николай Иустинович Попов – бухгалтер, начальник Минусинского отделения Енисейской казенной палаты.

¹² Александр Алексеевич Кропоткин (Крапоткин) (1841–1886), князь, выпускник Военно-юридической академии в Петербурге. Обвиненный в пособничестве бежавшему из тюрьмы брату П.А. Кропоткину (куда тот был заключен как участник народнического движения), был сослан в Сибирь, жил в Минусинске, затем – в Томске, занимался метеонаблюдениями, публиковал в российской и зарубежной научной периодике статьи по астрономии.

СИБИРСКИЙ ОБЛАСТНОЙ МУЗЕЙ В ТОМСКЕ

Идея создания Сибирского областного научно-художественного музея возникла в Томске в 1910 г. в связи с подготовкой празднования 50-летия отмены крепостного права в России. Сформированный музейный комитет сначала во главе с чиновником Ф.Я. Несмеловым, позже – профессором университета А.М. Крыловым занимался разработкой плана организации музея. Публикуемый проект музея не подписан, но, учитывая, что в комитете работали виднейший исследователь Северной и Центральной Азии, имевший немалый опыт музейной работы, Г.Н. Потанин, директор Томского технологического института, причастный к созданию в институте сети музеев, профессор Е.Л. Зубашев, археолог и этнограф А.В. Адрианов, организатор первого в Томске Педагогического музея и один из инициаторов создания Музея прикладных знаний П.И. Макушин, можно с полной уверенностью называть их в числе авторов документа.

В проекте высказывались важные мысли о значении музея как «одного из самых могущественных средств приобретения необходимых знаний и распространения их в широких массах населения». Особо подчеркивалось то, что в Томске, в отличие от других сибирских городов, отсутствовал городской общественный музей. На восполнение недостатка музейных учреждений в Томске и всей Сибири и был направлен проект, в котором прописывались структура и основные направления работы будущего музея, а также высказывались рекомендации по сбору и сохранению памятников культурного наследия.

К работе по созданию музея приступили сразу после публикации проекта в 1911 г. Сибирские исследователи и коллекционеры передавали в будущий музей небольшие естественнонаучные коллекции, археологические и этнографические сборы. Собранные коллекции экспонировались в Музее прикладных знаний, а зимой 1919/20 г. были переданы в Археологический музей Томского университета и частично перевезены в Новониколаевск (совр. Новосибирск), но следы их затерялись. И все же опыт создания первого в Томске общественного музея не был напрасным, сама идея музейного проекта и отдельные его положения до сих пор не утратили своего значения.

С.Е. Григорьева

19 февраля 1911 года исполнилось пятьдесят лет со дня освобождения крестьян от крепостной зависимости, этого величайшего преобразования в России, совершенного по воле императора Александра II.

Томская городская дума, желая ознаменовать память об этом событии, постановила учредить в Томске областной сибирский научно-художественный музей как памятник, достойный имени царя-освободителя, и ходатайствовать о присвоении ему имени императора Александра II¹. «Такой памятник, – докладывала думе избранная ею комиссия, – будет иметь для широких масс огромное образовательно-воспитательное значение не только для нашего города, но и для целого края и, совместно с другими просветительными учреждениями поведет из тьмы невежества поколение за поколением в то царство мысли, где сияет вековечный день; этот памятник переживет века и сотни лет будет напоминать сибирякам образ царя-освободителя».

Постановив учредить музей, дума ассигновала на постройку здания для него 50 тысяч рублей, открыла прием пожертвований на постройку и приобретение предметов и выбрала особый комитет из 9 лиц, которому поручила разработку плана здания музея, собирание и хранение предметов для него и проч.²

На комитете лежит, таким образом, обязанность практически выполнить большую и сложную задачу – создать учреждение, в котором была бы представлена вся Сибирь, которое стало бы гордостью всей страны. Из этого ясно, что в создании такого учреждения, такого общего для всех жителей Сибири дела должны принять участие возможно большее число людей. Они должны принести сюда прежде всего свою любовь, свой труд, знания, материальные средства – кто чем богат. Каждый – от бедного до богатого, от неграмотного крестьянина до высокообразованного человека, от юного школьника до убежденного седидами старика, – решительно каждый может быть полезным и ценным участником в устройстве этого учреждения.

Чтобы показать, как и в чем может проявиться участие всех в этой общей работе, комитет решил познакомить с этим в настоящем изложении.

Музей есть место, в котором собраны предметы, характеризующие природу страны, то есть показывающие, какие в ней почвы и что и как на них растет, какие горы и из каких камней они сложены, какие в ней реки и озера и что в них водится, какие породы леса в ней растут и какие звери и птицы в них водятся, какую пользу или вред они приносят человеку, что находится в земле, какие полезные ископаемые (наприм[ер], золото, каменный уголь, разные руды – медная, железная и пр.).

Музей есть место, в котором собраны предметы, характеризующие жизнь человека, жизнь каждого народа, то есть как он живет, в какой обстановке, какое жилье себе строит, какими предметами пользуется в своей домашней жизни, какую одежду носит, чем он питается, чем занимается и добывает себе средства к жизни и какими орудиями пользуется при своем занятии и ремесле.

Но ведь человек живет на земле с незапамятных времен и все время учится, все время увеличивает свой опыт и знания, даже не учась грамоте. Старые люди – за 100, 200, 300 лет тому назад и больше – жили, одевались, питались, занимались своими делами иначе, чем ныне живущие люди. Надо сохранить память и об этих старых людях и их жизни –

мы ушли от них вперед, но зато от них мы многое переняли, многому научились и им обязаны своими успехами, они облегчили нам нашу жизнь.

Но до этих старых людей за тысячу, за две тысячи лет и больше также жили люди и умерли, не оставив ни потомков, ни наследства нам от своего земного существования. Кто они эти люди древности глубокой, мы не знаем и зовем их чудью, рассказываем про них сказки. Все, что нам осталось от этой сказочной чуди, это их могильные холмы, курганы, в которых древние люди были похоронены... Конечно, надо знать, как жили эти древние люди, так умевшие чтить память своих покойников, сооружая огромные могильные холмы, что и тысячи протекших лет не изгладили следов их существования в древности. Не нужно, разумеется, тревожить прах этих людей и раскапывать древние могилы неумелыми руками, потому что этим способом уничтожается единственный памятник со всем, что в нем содержится, – пусть раскопкой занимаются люди знающие, ученые, они сумеют сберечь остатки древнего жителя и показать нам его обстановку и обычаи. Но от древнего человека немало осталось таких следов его жизни на земле, которые случайно попадают – при распашке земли, в размытом рекой береговом яру, при рытье погребных ям или подполий и проч.: тут попадают оббитые кремни и обделанные камни, костяные стрелочки, медные ножи, удила, сосуды и разные поделки из камня, кости, меди, железа, глины, чаще всего горшечные рисунчатые черепки – вот эти ценные находки, их надо собирать, беречь и хранить.

Музей есть место, в котором собираются предметы общего пользования, например, монеты, иконы, церковная утварь и проч. Чем они древнее, тем ценнее, потому что, выйдя из употребления, разбрасываются и уничтожаются. Их надо непременно сохранить, потому что на всех них лежит печать творческой работы старого человека, печать его понимания вещей в то время, которое стало для нас малопонятным. Старые книги, рукописи, чертежи, рисунки, разные сведения в устном рассказе и преданиях и записях о старинном храме, часовне, какой-нибудь сторожевой башне, о великой

старинной постройке, не похожей на современные, все это должно найти свое место в музее.

Из этого можно видеть, что каждый ребенок, роясь, скажем, в песчаных выдувах за околицей своей деревни и найдя там кремневую или бронзовую стрелочку или собирая жучков и бабочек, каждый взрослый приметливый человек, привыкший думать о том, что он видит и встречает, каждый может оказать учреждаемому музею пользу, иногда очень большой ценности, сам того не подозревая, если доставит такие предметы в музей. И чем больше этих предметов из разных частей Сибири соберется, чем полнее будет представлена природа и жизнь человека теперь и прежде в каждом уголке Сибири, тем лучше мы будем знать настоящее и прошлое каждого такого уголка.

Из всего сказанного вытекает и значение музея как учреждения, его задача и цель. Если собранные в нем предметы подобрать и расположить не как попало, а в строго обдуманном порядке, то каждый посетивший музей узнает, какая природа и какие богатства существуют в стране, какие люди в ней живут и чем они занимаются и какие люди жили тут в старое и древнее время. Никогда не бывая в стране, не будучи грамотным, человек узнает это, увидит собственными глазами, и это полученное наглядным способом знание засядет в его памяти крепко. Увидев здесь даже хорошо знакомый предмет – камень, дерево, чучело животного, бабочку, жука – и совершенно не зная, какое они имеют значение, посетитель музея получит здесь наглядное разъяснение, для чего такой камень всего более пригоден, какой вред человеку приносит вот эта хорошенькая бабочка и т. д. В этом главное значение музея. Никакая книга, никакая лекция или рассказ не в состоянии дать человеку совсем необразованному и неграмотному в такой короткий срок и таким легким, доступным способом так много знаний, как путем осмотра подлинных убедительных документов. Поэтому-то музей должен быть всегда открыт для посетителей, вход в него должен быть бесплатный. Музей есть самый надежный рассадник просвещения, верный источник приобретения разнообразных знаний. Это давно поняли в образованных государствах Западной Европы. Там, в Германии

и Франции и в других странах, нет, кажется, ни одного самого маленького городка, где бы не было своего местного музея, в который все жители городка и окрестных селений постоянно несут различные предметы, постоянно трудятся над постройкой общего их, всеми любимого учреждения, являющегося их украшением и гордостью.

У нас в Сибири есть нечто подобное только в Минусинске. Это образцовый музей, хорошо известный и в Западной Европе. Он есть также результат общей работы минусинцев и пользуется всеобщей любовью населения этого города и уезда; крестьяне, мещане, купцы постоянно сносят в этот музей различные предметы, непрерывно пополняя и обогащая свой музей. Каждый год в этом музее пребывает десять-пятнадцать тысяч посетителей; инородцы, съезжающиеся в город из своих улусов в базарные дни, являются постоянными его посетителями. Но это музей исключительно местный, в нем представлены только природа и люди минусинского края. Наш же музей должен быть областным сибирским и представить в своих предметах всю Сибирь, во всем ее многообразии.

В Сибири есть и еще десятка полтора музеев, но они значительно уступают минусинскому.

Нужно еще заметить, что помимо образовательного значения всякий музей имеет еще и другое важное значение – научное, так как в нем сосредоточивается огромный материал, способный дать ученому новую тему для исследований и дать ему то, чего он не имеет или даже не знает.

Сделав эти пояснения, комитет усердно просит всех прийти к нему на помощь в качестве сотрудников, для создания общего полезного дела как для настоящего поколения, так и для будущих. Денежная помощь крайне необходима. Как ни щедро отпустила Томская городская дума на постройку здания, но этих средств далеко не хватит для того, чтобы вместить все, чем богата Сибирь. Здесь никогда не будет такого положения, при котором бы можно сказать, что имеющихся средств достаточно. Нет, они всегда будут нужны, приток их должен быть постоянным.

Для большей наглядности приводится список главнейших предметов по каждому отделу музея, какие должны войти

в его состав. Если бы кто-нибудь из пожелавших заняться собиранием предметов встретил какие-либо затруднения в способах собирания, приготовления, сохранения, пересылки и проч., комитет почтет себя обязанным дать эти указания и просит обращаться за ними по адресу: Томск, Александровская ул., д[ом] 42, председателю комитета, управл[яющему] акцизн[ыми] сбор[ами] Том[ской] г[убернии] и Семипал[атинской] обл[асти] Федору Яковлевичу Несмелову³.

Отдел естественной истории

1. Минералогия, геология и палеонтология

Минералы (горный хрусталь, известков[ый] шпат, кварц и проч.), горные породы простые (глина, песок, мергель) и сложные, кристаллические (гранит, порфир, яшма, диорит, сланцы); полезные ископаемые (уголь, магнитн[ый] железняк, медные и др. руды, соль, минеральные воды и пр.). Кости ископаемых животных (мамонта, носорога, быка, оленя и пр.) и окаменелости (отпечатки растений, кораллов, раковин, рыб и т. п. в слоистых горных породах).

2. Ботаника

Высшие травянистые растения, засушенные в полном виде (с корнями, стеблем, листьями и цветами), степные, лесные, солончаковые, водяные, сорные и проч. Низшие растения – мхи, лишайники, грибы. Ветви кустарников и деревьев, полные поперечные срезки стволов их. Плоды, семена и соплодия. Различные уродливости растений (сращения, искривления и проч.); наросты (губа) и шишки на растениях.

3. Зоология

Млекопитающие (чучела, шкуры и заспиртованные; их черепа, скелеты, рога). Птицы (чучела, шкурки, скелеты и черепа; яйца и гнезда). Рыбы (заспиртованные). Гады (змеи, ящерицы, лягушки заспиртов[анные]). Раковины и моллюски, черви, глисты (заспиртов[анные]). Насекомые засушенные (жуки, бабочки, пауки и др.) и их гнезда.

Отдел живой и мертвой старины

1. Антропология

Череп и кости человека.

2. Этнография

Быт и обстановка современного человека – русского и инородца. Жилище, двор и служебные постройки (фотографии, модели, планы, чертежи, рисунки украшений снаружи дома и внутри красками и резьбой и подробное описание, изгороди, бани, мельницы; внутреннее устройство жилых и нежилых построек (столы, скамьи, шкафы, и пр. в описаниях, картины и др. украшения в образцах). Домашняя утварь (бочки, кадки, ведра, коромысла, вальки (при стирке белья, особенно интересны с резьбой), посуда (горшки, солонки, ложки и пр.); осветит[ельные] материалы. Одежда и ее украшения (мужская, женская, праздничная, обрядовая, профессиональная – для охотника, рыбака, кузнеца и т. п.). Техника в народном быту (виды местного производства и способы обработки сырых продуктов – камня, рога, кости, кожи, дерева, металлов, глины, льна и шерсти – и орудия обработки). Способы передвижения (экипажи, седла, сбруя; модели лодок, барок, плотов). Пища и напитки. Занятия и промыслы. Семейный быт (колыбель, описание обрядов при родах, крестинах, сватовстве, свадьбе, смерти и погребении; игры, игрушки, увеселения); музыкальные инструменты. Верования и суеверия (иконы, кресты старинные, дерев[янные] и медные, старопечатные книги, лестовки; приметы, гаданье, заговоры, амулеты; у шаманистов – костюмы шаманов, божки и пр., у буддистов – предметы их культа). Народная медицина (образцы лекарств с описанием способов лечения и назв[аний] болезней) и гигиена (мыло, банные принадлежности, посуда и пр.).

3. Археология

Каменные орудия (долота, скребки, стрелки, точильца), костяные (шилья, стрелки, застёжки, пуговицы), глиняные (горшки, черепки, напояла), стеклянные (бусы), медные и бронзовые (кельты, долота, кинжалы, ножи, стрелы, пуговицы, зеркала, удила), золотые и серебряные (пуговицы, кольца, бляшки), железные и чугунные (топоры, долота, сошники, сабли, кинжалы, ножи, стрелы, кольчуги, удила и т. п.). Каменные изваяния. Фотографии, рисунки, планы, карты – курганов, городищ, надписей и рисунков на утесах и пр.

Церковные древности – иконы (писанные на доске и холсте), резные изображения святых, царские врата, утварь, облачения, колокола, богослужеб[ные] книги, рукописи, документы.

Монеты, медали. Старинная, масляная живопись – портреты, пейзаж, карикатура.

Каждый предмет должен непременно сопровождаться подробной записью о месте, времени и условиях его нахождения. О предметах редких, почему-либо неудобных для приобретения, громоздких, комитет просит сообщать подробно как о лицах и местах, где предмет находится, так и об условиях его приобретения.

Публикуется по: *Сибирский областной музей в г. Томске. Обращение комитета музея ко всем любящим свою страну и желающим помочь ее просвещению. Томск: тип. Дома трудолюбия, 1911. 14 с.*

КОММЕНТАРИИ*

¹ Специальная комиссия Томской городской думы, сформированная в декабре 1910 г., выработала следующее предложение: «День пятидесятилетия гуманнейшего в истории нашего Отечества акта 19 февраля 1861 года комиссия полагает ознаменовать устройством в г. Томске областного Сибирского научно-художественного музея имени царя-освободителя Александра».

² Постановлением Томской городской думы от 3 февраля 1911 г. был учрежден Сибирский областной научно-художественный музей, а для выработки плана музейного строительства, организации сбора и хранения музейных предметов сформирован Городской комитет по устройству Сибирского областного музея в г. Томске. В состав комитета вошли Г.Н. Потанин, Б.А. Аминов, А.В. Адрианов, Ф.Я. Несмелов, Т.Л. Фишель, В.Ф. Оржешко, П.И. Макушин, К.Р. Эман, Е.Л. Зубашев. Члены комитета избрали президиум в составе председателя Ф.Я. Несмелова, его заместителя К.Р. Эмана, казначея П.И. Макушина и секретаря А.В. Адрианова.

³ Федор Яковлевич Несмелов – кандидат юридических наук, действительный член Петербургского археологического института, имел чин статского советника. В 1914 г. он вышел из состава музейного комитета и уехал из Томска.

* Сост. по:

Дмитриенко Н.М.
Первый опыт музейного проектирования в Томске
// Вестник Томского государственного университета. Томск, 2013. № 372. С. 98–100;
Дмитриенко Н.М., Григорьева С.Е.
К истории создания Сибирского областного научно-художественного музея в Томске (1911–1920 гг.)
// Вестник Томского государственного университета. Томск, 2014. № 381. С. 119–122.

А.Я. ТУГАРИНОВ О СТАНОВЛЕНИИ КРАСНОЯРСКОГО МУЗЕЯ

Аркадий Яковлевич Тугаринов (1880—1948), с молодости увлекался ботаникой, составлял гербарии, стал членом Общества естествоиспытателей города Саратова и после окончания Александро-Мариинского реального училища был принят на должность хранителя музея этого общества. В 1905 г. А. Тугаринов перебрался в Красноярск, стал хранителем городского музея и руководил им 21 год; наладил работы по комплектованию и обработке музейных фондов, регулярно совершая научные поездки и экспедиции по Енисейской губернии, обследовал побережье Северного Ледовитого океана, побывал в Монголии и Урянхайском крае (совр. Тыва), занимался орнитологией, археологией и этнографией. А. Тугаринов хорошо рисовал, освоил фотографию, и его фотоснимки сибирских ландшафтов использовались в экспозиционных показах, а также для издания открыток и фотоальбомов. Он стал и первым историком Красноярского музея, инициировал подготовку и издание книги «Двадцатипятилетие Красноярского городского музея» (1915), в которой осветил становление музея и отношение к нему со стороны органов государственной власти и городского самоуправления, с благодарностью назвал имена основателей и жертвователей на нужды музея, охарактеризовал основные направления внутримузейной работы, высказал важные мысли о роли местных музеев и их научном значении.

В 1926 г. А.Я. Тугаринов был приглашен на работу в Зоологический музей Академии наук СССР в Ленинграде, где он продолжил начатые в Сибири орнитологические

исследования, стал доктором биологических наук, получил звание профессора.

Н.М. Дмитриенко

Основание Красноярского музея относится к тому времени, когда среди русского интеллигентного общества конца 70-х и [начала] 80-х годов прошлого столетия* стала усиленно пропагандироваться идея создания местных музеев. Придавая таким учреждениям громадное культурно-просветительное значение в деле поднятия интереса к изучению и ознакомлению с местным краем населения различных уголков страны, один из русских популяризаторов этой идеи, директор Санкт-Петербургского педагогического музея Каховский, указывал на меньшее значение их для целей чисто научных, считая, что местные музеи могут в районе своей деятельности сделать то, что не под силу музеям центральным, обслуживающим всю страну. Однако, как это обычно бывает, всякая извне брошенная мысль только тогда усваивается полно и глубоко, когда подготовлена почва для ее восприятия, когда она, быть может, уже бродила в умах, не получая лишь вполне отчетливой и ясной формулировки или, что самое главное, подготавливалась общим направлением интересов и мысли. Так было и в истории создания местных музеев. Разбросанные в самых глухих уголках провинции отдельные деятели, посвятившие свои силы и знания делу изучения своего края, почувствовав поддержку в своей работе со стороны общества, явились инициаторами основания местных музеев. В частности, для Енисейской губернии такими лицами были: для Минусинска – Н.М. Мартьянов, для Енисейска – А.И. Кытманов. Для Красноярска это выпало на долю супругов Ю.П. и И.А. Матвеевых¹. Уже и ранее ряд лиц из местной интеллигенции работал над исследованием местного края. Так, П.С. Проскуряков² в течение нескольких лет вел палеонтологические и археологические изыскания в окрестностях Красноярска. Ту же работу делали А.С. Еленев³ и И.Т. Савенков; М.Е. Киборт⁴ вел орнитологические наблюдения в окрестностях Красноярска. Наконец, некоторые лица, не посвящая

* То есть XIX в.

своего времени самостоятельным работам, являлись просто интересующимися местным краем, не ограничивая своего интереса платоническим сочувствием, а усиленно, например, коллектируя предметы древности или объекты живой и мертвой природы. Несомненно, немалую роль сыграл и пример Минусинского музея. Его блестящее развитие под руководством Н.М. Мартьянова дало толчок к пониманию задач и роли музеев вообще и значения для местного края в частности. Енисейск в то время также имел музей. Таким образом, когда впервые был официально поднят вопрос об открытии в Красноярске музея, и 17 марта 1888 года рассматривалось в городской думе заявление учредителей об открытии общественного музея и бесплатной библиотеки, то вопрос был уже предрешен. К тому же, городу, в сущности, предлагалось лишь санкционировать то, что уже было сделано: инициаторами была организована подписка на постройку здания для музея и библиотеки, причем записано было пожертвований на сумму 7293 рубля; И.А. Матвеев предлагал для помещения музея «потребное число комнат» в своем доме. Таким образом, будущий музей уже имел для себя приют, а подписка обещала капитал для постройки собственного здания. Думе оставалось лишь отвести для него место. Наиболее крупные суммы подписали: Ю.П. Матвеева — 3000 рублей, И.А. Матвеев — 2000, Е.П. Кузнецова — 1000 рублей, А.П. Кузнецов — 500 рублей, П.И. Матвеев — 200, Е.Д. и Н.К. Переплетчиковы, М.Е и И.К. Педашенко — по 100 рублей. Рассмотрев заявление, городская дума постановила: 1) просить г[осподина] городского голову ходатайствовать в установленном порядке об учреждении музея и бесплатной библиотеки; 2) отвести место земли в потребном количестве по Воскресенской ул[ице] рядом со зданием первого городского училища; 3) согласно доложенному заявлению, избранный в учредительный комитет лиц: председателем — Н.К. Переплетчикова⁵, товарищем председателя И.А. Матвеева, секретарем П.Н. Коновалова, казначеем Н.А. Шепетковского⁶, консерватором П.С. Проскурякова — утвердить в этих обязанностях; 4) поручить учредительному комитету выработать инструкции для заведывания и распоряжения музеем и библиотекой,

каковые и представить затем на утверждение думы, причем теперь же поручить городской управе выдать означенному комитету надлежащие книги на записку денег, вещей и проч., имеющих поступить для музея и библиотеки и, кроме сего, разрешить этому комитету выпустить подписные листы для сбора пожертвований на учреждение музея и библиотеки; 5) лиц, пожертвовавших высказанный капитал 7293 р[убля], благодарить от лица городской думы за их пожертвования, для чего поручить городской управе список жертвователей опубликовать в местных губернских ведомостях.

Прежде чем перейти к изложению истории музея, нелишне будет привести здесь те взгляды на задачи музея, которые высказывались самими учредителями. В письме, поданном на имя красноярского городского головы от 17 мая 1888 года, председатель комитета по устройству музея и библиотеки И.А. Матвеев сообщает, что комитет «поставил озаботиться прежде всего о сельскохозяйственном отделе музея и ассигновал из имеющихся в распоряжении сумм от 2 до 21/2 тысяч рублей для приобретения некоторых сельскохозяйственных орудий, инструментов и т. д.». Далее [сообщалось]: «Комитет решил при первой возможности открыть означенный выше сельскохозяйственный отдел, не дожидаясь скопления материалов других отделов. Рассматривая, так сказать, в проекте будущее музея, его здание и проч., и имея в виду приобретение многих громоздких предметов, которые должны будут помещаться вокруг здания, как, например, юрты татар, тунгусов, якутов и других инородцев Сибири; камни как породы, камни с курганов, корни и самые деревья для ознакомления с наибольшей их натуральной величиной, образцы изгородей, хозяйственных построек, образцы лодок и их постепенное изготовление, полозья, ободья для колес и их первобытного изготовления и т. д. и т. п.; кроме того, имея в виду, что по мере расширения материальных средств, вероятно, приобретутся сельскохозяйственные машины с конными и другими приводами и т. д., что опять-таки потребует много места вне здания, то, имея все это вышеприведенное в виду, комитет пришел к заключению, что под музей должно быть отведено место

в возможно большем количестве и ни в каком случае не менее 20 саж[еней] в длину».

В приведенной выписке характерно указание на то, какое исключительное значение придавалось отделу сельского хозяйства. И если музей, вернее его руководители, брали на себя задачу агрономической помощи населению и, как увидим ниже, до известной степени старались осуществить ее практически, то это являлось делом совершенно новым, не свойственным задачам других музеев и вряд ли в этом не было переоценки собственных сил. Насколько позволяют судить архивные данные, еще до открытия музея, в 1888 году, некоторые из машин были предоставлены местному заводчику И.А. Омелянскому для ознакомления и опытов обработки. Результат получился вполне благоприятный, и в письме от 4 сентября 1892 года г[осподин] Омелянский, представляя на местную выставку эти машины, приносит музею в лице И.А. Матвеева благодарность за «содействие местным сибирским обывателям в употреблении улучшенных земледельческих орудий и машин». По-видимому, впрочем, это был единственный случай пользования машинами, и с тех пор земледельческие машины оставались лишь громоздким объектом сельскохозяйственного отдела музея.

Однако эта указанная утилитарно-практическая задача музея выдвигалась на первый план, видимо, только в самом начале его существования, и позже, когда вырабатывался устав проектированного Общества попечения о музее и библиотеке, цель музея была сформулирована определеннее: «Красноярский городской музей имеет целью собирание и хранение предметов как естественноисторических, археологических и этнографических, так и произведений местной фабрично-заводской и кустарной промышленности и сельского хозяйства – главным образом, Красноярского округа и других округов Енисейской губ[ернии], по возможности, имея в виду, с одной стороны, способствовать наглядному ознакомлению посетителей музея с богатствами природы местного края, с его доисторической и современной культурой; с другой стороны, собирать и объединять богатый материал для самых разнообразных научных исследований».

Ходатайство думы о разрешении на открытие музея и библиотеки было, видимо, встречено вполне сочувственно со стороны высшей администрации края. Более того, по докладу об этом енисейского губернатора иркутскому генерал-губернатору, графу Игнатьеву, последний выразил пожелание скорейшего осуществления дела. Основываясь на заявлении комитета, что уже теперь может быть открыт сельскохозяйственный отдел, городская дума в заседании 27 июня 1888 года решила, не дожидаясь организации других отделов, довести до сведения губернатора, что открытие музея последует при первой к тому возможности.

Прошло, однако, более полугода, прежде чем состоялось открытие музея и библиотеки. К этому времени в музее накопилось достаточное количество предметов. В письме от 7 февраля 1889 года распорядительный комитет сообщает думе о следующих крупных пожертвованиях: А.П. Кузнецов⁷ – коллекция уральских и нерчинских минералов; Н.М. Мартьянов – разнообразные ботанические коллекции; М.Е. Киборт – коллекция чучел птиц Красноярского округа; А.П. Кузнецова – коллекция раковин; П.С. Проскуряков – коллекция минералов и большая серия предметов по археологии; Н.А. Шепетковский – минералы, предметы по этнографии и проч.; Ю.П. и И.А. Матвеевы – коллекция тропических насекомых, главным образом, бабочек; на средства указанных же лиц приобретены сельскохозяйственные машины и орудия; кроме того, И.А. Омелянский прислал коллекцию из 80 с лишним образцов изделий своего стеклоделательного завода. Вместе с тем сообщается, что подписка на музей и библиотеку достигла 7390 рублей. Ответственным лицом по заведыванию музеем и библиотекой комитет избрал И.А. Матвеева.

7 февраля [1889 года] состоялось заседание городской думы, которая, на основании заявления комитета, постановила: назначить на 12 февраля открытие музея и библиотеки, благодарить лиц, сделавших пожертвование, от имени городской думы, опубликовав список жертвователей в губернских ведомостях, утвердить ответственным лицом по заведыванию открываемыми учреждениями И.А. Матвеева.

12 февраля 1889 года состоялось самое открытие музея и библиотеки, в присутствии и[сполняющего] о[бязанности] губернатора В.Н. Булатова, городского головы Н.К. Переплетчикова, его заместителя г[осподина] Ларионова, гласных думы, жертвователей и сочувствующих лиц; епископом Тихоном был отслужен молебен, и в маленьком Красноярске были призваны к жизни два культурных учреждения.

Из приведенных данных видно, с каким общим сочувствием и интересом была встречена мысль об учреждении музея и библиотеки. Денежные и коллекционные пожертвования частных лиц из местной интеллигенции, полное содействие городского самоуправления, сочувствие со стороны представителей высшей власти края – все это создавало ту

* Так в тексте,
правильно – устранивает.

благоприятную обстановку, которая живет и устрояет* всякое общественное дело. Маленькое, но дружное красноярское общество

объединилось на этом новом культурном деле, не жалея ни сил, ни посильных затрат, чтобы положить начало и по мере сил поддержать народившиеся просветительные учреждения. Было сделано хорошее начало, а впереди стояла большая упорная работа, неослабный кропотливый труд. <...>

** Авторская таблица
пересоставлена
в соответствии
с современными
требованиями.

Данных о том, каков был количественный состав музея к моменту его открытия, в архивных материалах не имеется. В отчетах за 1889, 1890 и 1892 годы, каковые были своевременно напечатаны, состояние и рост коллекций выясняется из следующих данных**:

№	Отделы	Количество поступивших музейных предметов				
		1889	1890	1891	1892	Всего
1	Сельскохозяйственный	455	15	1	41	512
2	Естественноисторический	2312	1208	596	588	4704
3	Антропологический	269	164	12	32	477
4	Археологический	358	62	20	2200	2640
5	Промышленный	123	143	145	30	441
6	Образовательный	212	57	-	-	269
7	Нумизматический	670	129	40	89	928
Все отделы		4399	1778	814	2980	9971

Текстовая часть отчетов довольно подробно характеризует состав тех или иных коллекций, снабжая их некоторыми пояснениями или указаниями об условиях находок и поступлений предметов. Наряду с местными коллекциями (в составе приведенных исчислений) значатся и не местные, например, тропические насекомые, птицы, уральские камни, предметы по этнографии курдов или армян. Преподаватель Красноярской учительской семинарии А.С. Еленев, уезжая из Красноярска на место новой службы, передал в музей свои обширные сборы предметов, главным образом, из камня и кости, собранных им на стоянках и в пещерах по р. Бирюсе (Красноярского уезда), стоянках по Ангаре у с. Чадобец, Рыбное и др. Сборы эти фигурировали в августе 1892 года на Международном конгрессе по антропологии и доисторической археологии в Москве. Заметному накоплению музея за 1892 год способствовала также 1-я сельскохозяйственная и промышленная выставка, бывшая в Красноярске с 6 по 17 сентября, с которой ряд выставленных коллекций перешел потом в музей. Музей также принимал участие на этой выставке, экспонируя в сельскохозяйственном отделе земледельческие машины и орудия. О том, как относилась широкая публика к музею, по наличным данным судить довольно трудно. Но деятели музея делали попытки привлечения городского населения к собиранию для музея материалов, о чем свидетельствует, между прочим, документ архива – приглашение посетителей, «сочувствующих такому полезному и важному в научном отношении учреждению, не отказать в своем посильном пожертвовании». С аналогичным призывом обращался 21 февраля 1893 года консерватор музея г[осподин] Киборт в заключительных словах отчета за 1892 год: «Общественное дело требует и дружного участия членов местного и даже неместного общества, содействия и поддержки со стороны всех и каждого, и только при таких условиях какое бы то ни было предприятие и учреждение могут быть гарантированы от всякого риска».

В составе деятелей музея за описываемое время произошли перемены, не прошедшие бесследно для его жизни. Прежде всего, те лица, которые были руководителями дела

и несли различные обязанности в комитете музея, занятые общественной деятельностью, не могли посвящать музею значительной части своих досугов. Из среды общества не выделилось в то же время никого, кто бы посвятил себя исключительно музейной работе. По избранию распорядительного комитета обязанности консерватора с момента основания относил П.С. Проскуряков. Не лишне заметить, что должность консерватора была бесплатной и ничего, кроме усиленных занятий, не давала.

В 1892 году г[осподин] Проскуряков отказался от исполнения обязанностей консерватора, обещав по-прежнему оказывать содействие музею личным трудом. Заместителем П.С. Проскурякова был избран преподаватель учительской семинарии А.С. Еленев, но в декабре того же года, будучи переведен на службу в Иркутск, должен был оставить работу в музее. Его сменил М.Е. Киборт, который исполнял обязанности консерватора в течение ряда последующих лет до 1903 года.

Что касается денежных затрат на содержание музея за эти годы, то из данных городской управы не видно, чтобы средства города расходовались на этот предмет. Те же мелкие траты, которые требовались на текущие надобности, оплачивались И.А. Матвеевым из личных средств, как о том упоминается в отношении консерватора музея М.Е. Киборта от 8 марта 1893 года при сообщении сведений о музее губернскому статистическому комитету*.

**Затраты эти были
весьма невелики:
за 1892 г. они выражались
в 75 руб. 29 коп.
(прим. автора).*

Помещение, в котором находились музей и библиотека, на Старом базаре, в доме наследников купца М. Крутовского, снималось за 300 р[ублей] в год. Из дел не видно, кем уплачивалась эта сумма за 1889–91 годы. Позднее

представителю наследников Крутовского было выдано из кассы управы за 1892, 93 и 94 годы 620 рублей. Научной работой в 1892 году занимались лишь П.С. Проскуряков и Екат. Ник. Вагнер. А.С. Еленев за время своего кратковременного консерваторства – с октября до начала декабря 1892 г. – успел составить опись всей наличности музея.

Такова приблизительно картина существования музея за первое четырехлетие. Волна широкого общественного

сочувствия пала, сменившись безразличием. Подписанные на музей средства частью были израсходованы, но большею частью не были получены, и музей оказался без денег, в тесном помещении, без постоянных рабочих сил*. С музеем повторилась история многих учреждений и обществ русской провинции. Возникший по частной инициативе, он, как новое дело, заинтересовал и привлек внимание местного общества, но увлечение прошло, во главе дела не оставалось никого, кто бы являлся его вдохновителем, развивал его, и интерес пошел на убыль, дело затормозилось, и потянулись годы серого, скучного существования. <...>

Каких-либо данных о состоянии музея за 1893 год ни в делах городской управы, ни в архиве музея мы не находим. Но, видимо, это было состояние, внушавшее некоторую тревогу за судьбу учреждения, так как в следующем году, правда, уже в октябре месяце, городская дума обсуждала вопрос об улучшении положения музея. В то же время работа по составлению устава музея и библиотеки и особого общества попечения о них затянулась. Ввиду этого дума в заседании 19 октября 1894 года, постановила усилить существующий комитет музея новым членом – Р.И. Шнейдером⁸ – специально для выработки устава. Кроме того, было постановлено не отделять библиотеку от музея. Последнее постановление осталось только на бумаге, так как в следующем уже 1895 году местный благотворитель О.А. Данилов пожертвовал специально на постройку помещения для библиотеки 8000 руб[лей], каковая постройка в 1899 году и была осуществлена. Таким образом, как постройкой здания, так и принципиальным согласием на отделение библиотеки городская дума уничтожила свое постановление 19 октября 1894 года**.

Одновременно на должность консерватора музея дума избрала М.Е. Киборта, назначив консерватору начиная с 1895 года ежегодное жалование в 300 рублей, а в вознаграждение за 1894 год — 150 р[ублей], которые были выданы в следующем 1895 году.

*Число сотрудников, которые пополняли коллекции музея, вообще было самое ограниченное, не более 2–3 лиц, сообщалось в отчете за 1892 г. (прим. автора).

** Здесь было темно: не было комнаты для занятий и помещения для прислуги. Печи были устроены так, что мешали расстановке мебели и предметов; урегулировать топку было невозможно. Это помещение оценивалось городской управой по 500 руб. в год (прим. автора).

Наступивший 1895 год внес некоторые перемены в жизнь музея, именно, переход его в новую квартиру. В прежнем помещении, при той наличности предметов (до 14 тысяч), которая накопилась, оставаться было невозможно. Поэтому музей был переведен в помещение, общее с помещением управы на Береговой улице, в дом наследников Светлакова, и занял 3 комнаты нижнего этажа. С переходом этим бывшая теснота несколько была ослаблена, так как площадь увеличилась, но общие условия помещения мало

** Та же судьба постигла и место, назначенное для музея: оно было переуступлено купеческому обществу (прим. автора).
** Вскоре по переезде на новую квартиру, в дом Светлакова, в музей был случай покражи: через окно воры проникли в здание и похитили несколько наиболее ценных предметов этнографии (из меховых одежд), медные изображения Будды, 2 кинжала и проч., всего на сумму 60–70 рублей. Вещи не были, по-видимому, разысканы (прим. автора).*

выиграли*. В этом помещении музей оставался только год, так как в следующем 1896 году он был перемещен в том же здании частью в верхний этаж, частью – в подвальный, так как первое помещение понадобилось для полицейского управления**. О том, почему это случилось, свидетельствует следующий документ, приводимый дословно: «Красноярская городская управа, 27 декабря 1896 года № 2632. Г[осподину] консерватору Красноярского городского музея. Городская дума в чрезвычайном заседании своем, бывшем 23 сего декабря, по рассмотрении вопроса о найме квартиры для городского полицейского управления, признала возможным для помещения полицейского управления отвести нижний этаж занимаемого городским общественным управлением дома, где помещается

городской музей и училище, причем последнее переводится на другую квартиру, а музейные предметы, занимающие среднюю комнату нижнего этажа, предположено перенести в верхний этаж в комнату под остающимися над музеем комнатами и частью в подвальный этаж. Принимая во внимание, что полиция должна перейти на новую квартиру до 1 января наступающего 1897 года, городская управа покорнейше просит Вас, м[илостивый] г[осударь], пожаловать для присутствования при перемещении музейных предметов 27 сего декабря в 11 час[ов] утра. Городской голова Прейн. Городской секретарь С. Потылицин». Документ этот чрезвычайно

рельефно рисует, между прочим, и по своему существу, и по форме, то отношение, какое было в то время к музею со стороны ведавшего его городского самоуправления. В частности, консерватор не мог действовать самостоятельно, а подчинялся тем распоряжениям, которые ему предлагались. Здесь музей просуществовал до конца рассматриваемого периода.

Роль комитета музея за описываемое время остается мало освещенной. Только в 1895 году от имени последнего в городскую думу поступил проект устава музея и библиотеки и общества попечения о них. По мысли этого проекта, оба учреждения должны были перейти в непосредственное заведывание общества попечения о музее и библиотеке, которое представляет ежегодный отчет о деятельности учреждений городской думе. В заседании 18 мая 1895 года дума, с некоторыми незначительными поправками, приняла проект устава в редакции комитета музея и постановила просить Иркутского генерал-губернатора разрешить ныне же образовать общество, не дожидаясь утверждения устава в Министерстве внутренних дел. Однако генерал-губернатор, «не усматривая мотивов, по которым испрашивается разрешение», не нашел возможным удовлетворить ходатайство думы. Переписка затянулась, и только в конце октября 1902 года было сообщено городскому голове об утверждении устава. Музей и библиотека получили свой устав, а также была открыта возможность организовать общество попечения о них. Но за это время условия жизни обоих учреждений совершенно изменились: музей перешел в заведывание подотдела Географического общества⁹, а библиотека, устроившись в специальном здании, находилась в заведывании гласного думы по выбору последней. Устав оказался не нужным.

О том, как и каким путем пополнялся за описываемый период музей, мы имеем данные инвентарных записей, восстановленных по наличным коллекциям в 1905 году, так как инвентари подотделу не были переданы*. В общем пополнение музея шло чрезвычайно медленно.

* Необходимо заметить, что в 1903 г., когда музей перешел в ведение подотдела Географического общества, инвентарная запись их не была передана подотделу и осталась у бывшего консерватора г. Киборта. Таким образом, время поступления не всегда удалось восстановить и приводимые ниже данные не могут претендовать на особую точность (прим. автора).

Всего за описываемое 10-летие музеев накопил около 4 тысяч предметов. Цифра эта, по сравнению с теми 12 с лишним тысячами экземпляров, которые поступили до 1892 года, т. е. за четыре года включительно, представляется очень скромной. 1902 годом заканчивается описанный период жизни Красноярского музея. Следующий год совершенно изменил условия его существования. К обозрению их мы теперь и переходим. <...>

Возникший в январе 1901 года Красноярский подотдел Императорского Русского географического общества с первых же шагов своего существования столкнулся с вопросом о собирании коллекций как материалов, способствующих изучению Енисейской губернии. Экскурсанты подотдела привозили немалое число разнообразных предметов по естествознанию, этнографии, археологии страны. Представлялось чрезвычайно желательным знакомить с этими сборами всех интересующихся. Тем не менее, подотдел не имел достаточных средств, чтобы создать свой музей. Естественно поэтому, что среди деятелей подотдела вскоре же явилась мысль воспользоваться существующим городским музеем для хранения собираемых материалов, что впервые и было высказано в заседании распорядительного комитета подотдела 20 сентября 1904 года председателем его В.Ю. Григорьевым. Изложив свои соображения по этому поводу и разлив их достаточно подробно, В.Ю. Григорьев предложил распорядительному комитету немедленно заняться вопросом и разработать условия, на которых могло бы

состояться соглашение с думой. Предложение это было принято и в заседании 29 октября распорядительному комитету было доложено, что в городскую думу послано заявление*. [В нем говорилось о том, что] «в Красноярске имеется городской музей. Самое возникновение этого музея и затем то обстоятельство, что содержание его производится исключительно на средства города вот уже в течение 12 лет, свидетельствует о том, что городское самоуправление придает достаточно серьезное значение этому научному учреждению. Несомненно,

* Взгляды руководящих лиц подотдела на значение музея и материалы по истории вопроса напечатаны в т. 1, вып. 4 «Известий» (Григорьев В.Ю. О значении местных музеев вообще и Минусинского в частности); т. 2, вып. 3-4 (Краткий обзор Красноярского городского музея).

однако же, также и то, что городское самоуправление, за недостатком научных сил и денежных средств, поставлено в необходимость только поддерживать названное учреждение, но лишено возможности способствовать его обогащению, развитию и такой организации, при которой учреждение отвечало бы своему назначению в культурном и научном отношениях. Ввиду этого являются основания полагать, что, если окажутся в наличии условия, могущие послужить для обеспечения дальнейшего преуспевания музея, то упомянутые условия не будут оставлены городским самоуправлением без должного внимания. В текущем году открыт в Красноярске подотдел Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, который имеет целью изучать Енисейский край в довольно разнообразных отношениях и между прочим в отношениях физическо-географическом и этнографическом. Деятельность общества в указанных направлениях неизбежно связана с собиранием различных коллекций: геологических, зоологических, ботанических, этнографических и др., которые, будучи систематизируемы и определяемы, и явятся материалами для описания края в тех или других отношениях. Чем обильнее будет состав коллекций, конечно, при условии их хорошего подбора, чем лучше будет систематизироваться коллекционный материал, чем лучше будет организована система его определения, тем успешнее будет действовать местное географическое общество, в смысле достижения им своих задач по изучению страны на пользу ее и науки. Но так как материал, составляющий коллекции, ожидается обильный, ибо даже самая небольшая естественноисторическая экскурсия неизбежно обогатит подотдел какими-либо представителями фауны, флоры или предметами ископаемыми, то подотделу необходимо иметь музей, в котором возможно было бы хранить поступающий научный материал, приводить его в систему и подвергать научной разработке. Между тем географическое общество обладает сравнительно ограниченными средствами, в силу чего иметь свой музей оно не может, ибо расход по найму помещения, на жалование консерватору и вообще на содержание музея поглотил бы едва ли не все скромные средства подотдела, коими

он ежегодно может располагать для своей работы. Поэтому естественно возникает пожелание, чтобы с подотдела были сняты расходы по музею, что и возможно только тогда, когда подотдел будет передавать свои коллекции уже существующему музею.

Итак, Красноярское городское управление содержит музей, но, за недостатком средств, не может его обогащать новыми коллекциями, а за отсутствием сил лишено возможности дать ему научную или даже образовательную постановку, хотя, несомненно, сознает безусловную необходимость в развитии своего музея. Географическое же общество, по самому своему существу долженствующее постоянно располагать запасами научных коллекций, при условии наличности в составе общества специалистов, могущих обрабатывать эти коллекции, не располагает помещением для имеющих быть собираемыми материалов и едва ли не лишено средств для содержания музея.

Очевидно из предыдущего, что если бы городское самоуправление в интересах своего музея стало пользоваться услугами подотдела в смысле обогащения музея новыми коллекциями и его организации, а географическое общество явилось бы обеспеченным в отношении возможности помещения коллекций и сохранения их путем предоставления в его распоряжение городского музея, то указанные выше потребности и города, и географического общества были бы удовлетворены, а музей оказался бы поставленным в условия, благоприятные для его развития.

Поэтому распорядительный комитет Красноярского подотдела в целях вообще подъема городского музея, в смысле увеличения его значения в качестве научного и образовательного учреждения, а, в частности, для того: а) чтобы музей, продолжая быть складочным местом для сохранения собственных предметов и коллекций города, служил также складочным местом предметов и коллекций, принадлежащих подотделу и собираемых в пределах Енисейского края, в целях изучения природы и людей последнего; б) чтобы предметы и коллекции, находящиеся теперь в музее и имеющие в него поступить, в качестве музейной собствен-

ности или собственности подотдела, подвергались, по мере возможности, научной систематизации и определению; и в) чтобы музей при посредстве своих коллекций мог, с одной стороны, облегчать изучение Енисейского края различного рода ученым специалистам, а с другой – мог служить к распространению естественнонаучных знаний вообще и в особенности сведений, касающихся бассейна р. Енисея, – имеет честь предложить Красноярской городской думе передать Красноярскому подотделу в полное заведование городской музей, с тем, чтобы городская дума продолжала его содержать, а распорядительный комитет подотдела сделался, в качестве ее уполномоченного, полноправным распорядителем музея. Если городская дума найдет настоящее предложение для себя приемлемым, распорядительный комитет имеет честь просить ее о сем уведомить, дабы он получил возможность немедленно приступить к исполнению принимаемых им на себя по отношению к думе обязательств».

Для выработки условий передачи городского музея в заведование подотдела думой была избрана особая комиссия [в составе] Н.А. Шепетковского, И.А. Матвеева и П.Н. Коновалова; со своей стороны, подотдел также образовал комиссию, в которую вошли председатель общества В.Ю. Григорьев, А.П. Кузнецов и А.А. Яковлев. Названными представителями города и подотдела были выработаны следующие условия соглашения: «1. Красноярская городская дума передает в полное заведование принадлежащий городу музей со всем имуществом в хозяйственном и научном отношении Красноярскому подотделу Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества на неопределенный срок, но с тем, однако, что как городская дума, так и Красноярский подотдел во всякое время могут сложить с себя настоящее обязательство, предупредив за 12 месяцев о своем решении. 2. С момента передачи музея все его коллекции и имущество поступают в полное распоряжение Красноярского подотдела, причем, однако, подотдел не может коллекции и имущество, принадлежащие городу, ни отчуждать, ни передавать, ни обменивать без ведома и разрешения городской думы. 3. Красноярский подотдел

помещает все свои коллекции в городском музее, но ведет им отдельный инвентарь под особыми этикетками, и эти коллекции навсегда остаются принадлежностью подотдела, хотя бы последний отказался впоследствии от заведывания музеем.

4. Красноярский подотдел берет на себя обязательство – все коллекции музея, принадлежащие городу, хранить, заботиться об их систематизации, увеличении и научной обработке.

5. Ежегодно Красноярский подотдел представляет отчет городской думе по музею, как по хозяйственной, так и по научной части, и печатает его в своих трудах.

6. Консерватор музея избирается Красноярским подотделом и подчиняется в своих действиях распорядительному комитету Красноярского подотдела, который и преподает ему для руководства особую инструкцию. Средства на содержание музея отпускает городское общественное управление в распоряжение Красноярского подотдела, внося ежегодно в городскую смету определенную сумму, но не ниже той, которая ассигнуется в настоящее время.

8. Распорядительный комитет ежегодно ко времени составления городской сметы, т. е. к 1 октября, представляет в городскую управу проект сметы по музею на следующий год.

9. Все случайные поступления и пожертвования на музей имеют характер расходного капитала, поступающего в распоряжение распорядительного комитета, наравне с сметными суммами. Пожертвования в основной капитал музея поступают в кассу города и хранятся вместе с городскими капиталами.

10. Распорядительный комитет обязан вести приходо-расходную книгу по музею, инвентарь музейный и имущественный – коллекций и имущества – и отвечает за их целость и сохранность, за исключением тех случаев, которые стоят в зависимости от общих бедствий: пожара, землетрясений и проч.

11. Коллекции музея должны быть доступны обозрению городских жителей не менее одного раза в неделю, за исключением двух летних месяцев, и преимущественно по праздничным дням.

12. Городскому голове или заменяющему его члену предоставляется право общего надзора за музеем, но всякое замечание, которое он хотел бы внести, он должен сообщить председателю подотдела для предварительного обсуждения в распорядительном комитете».

17 декабря 1902 года изложенные пункты соглашения были рассмотрены в заседании думы, которая утвердила предложенные условия.

Тем же представителям города и подотдела, которые вырабатывали условия соглашения, было поручено произвести и фактическую передачу музея. 9 июня 1903 года городская управа уведомила подотдел, что с этого числа она считает городской музей состоящим в ведении подотдела. Затем были составлены инвентари, и состоялась фактическая передача имущества города представителям подотдела. Составленный в 2-х экземплярах инвентарь был подписан представителями города и общества, и каждое из учреждений оставило себе по экземпляру. Кроме того, был составлен акт приема с указанием на состояние, в котором переданы некоторые коллекции, как и музей вообще.

Прежний консерватор М.Е. Киборт покинул службу в музее, и на должность консерватора подотдел пригласил окончившего Геттингенский университет натуралиста И.И. Муромова с ежемесячным окладом жалованья в 50 рублей. Г[осподин] Муромов вступил в отправление своих обязанностей в сентябре-месяце, а через два месяца музей был открыт для публики после приведения в соответствующий вид коллекций. Однако уже первые шаги по упорядочению музея показали, что оставаться в наличном помещении без ущерба для дела не представляется возможным. К тому же рост коллекций чрезвычайно увеличился благодаря организации сбора их подотделом, размещать же эти новые поступления было негде. Естественно возникал вопрос о приискании нового помещения. В этом направлении были начаты переговоры с городским самоуправлением, которое пошло навстречу и обеспечило новое помещение для музея во вновь ремонтировавшемся здании старых гостиных рядов. Это обещало спокойное развитие музею. Но едва наступил новый 1904 год, как жизнь музея снова была нарушена. Консерватор И.И. Муромов был призван из запаса на действительную военную службу и должен был отправиться на войну¹⁰. Вначале распорядительный комитет предполагал сохранить за г[осподином] Муромовым место консерватора, о чем его и уведомил.

* Последнее с весны наступившего 1904 г. было начато перестройкой, а к концу лета было уже готово настолько, что в первых числах августа музей был переведен в новое помещение. Последнее он занимает теперь, почему на описании его необходимо остановиться несколько подробнее. Здание, в которое переходил музей, было построено еще в 1863 г. и предназначалось под торговые помещения; оно находится на Старо-Базарной площади, в южной ее стороне. По внешнему виду это типичный гостиный двор. Все здание имеет в длину 24 саж[ени], в ширину 8 саж[еней]. Подвальный этаж глубоко уходит в землю, холодный, приспособлен для склада товаров. Над ним находится первый этаж, с обоих длинных фасадов имеющий открытую свободную галерею, ограниченную с внутренней стороны стенами лавок, а с наружной, фасадной стороны, рядом колонн. Второй этаж был приспособлен также для склада товаров и состоит из ряда комнат приблизительно 12 кв[адратных] саж[еней] площадью в 9×6 ч[етвертей]), по два в каждой комнате. К тому времени, к которому относится наше описание, городу потребовалось найти помещение для своих учреждений,

Однако война затянулась, и музей, оставался без заведующего; между тем предстоял еще переход в новое помещение*. Распорядительный комитет подотдела пригласил организовать дело перевозки студента А.И. Осташевского, привлекшего себе на помощь 3 лиц из местной учащейся молодежи. Перевозка заняла 4 дня и обошлась в 120 р[ублей] 90 к[опеек]. Названные же лица взяли на себя расстановку предметов. Вскоре вчерне работа по размещению предметов в новом здании была исполнена, и 15 августа [1904 года] состоялось освящение нового помещения, совместно с отведенным здесь же помещением для школ, в присутствии губернатора И.А. Айгустова, городского головы Н.А. Шепетковского, членов управы, представителей подотдела и др. лиц.

в частности для школ. Было решено отремонтировать верхний этаж гостиных рядов, отопить его, устроить железные лестницы, прорубить лишние окна, отштукатурить, перестлатъ полы и т. д. Во вновь отремонтированном таким образом здании предполагалось поместить 4-классное городское училище, начальную школу и конвойную команду. Когда описываемая перестройка была решена и уже приступлено к работам, подотдел Географического общества обратился к городской думе с просьбой уступить ему для музея ту часть здания, которая

предназначалась для конвойной команды, укаывая, между прочим, что соседство музея для школ будет более желательным, чем казармы конвойной команды. Как уже сказано, дума охотно пошла на это предложение, и 3 комнаты левого с выхода крыла здания были уступлены музею. Сравнительно с ранее занимавшимся помещением (35,73 кв[адратных] саж[еней]) новое увеличивало площадь музея на 14,14 кв[адратных] саж[еней]. В связи с переводом музея в новое здание нельзя не коснуться истории капитала, который был собран на постройку специального здания

Впереди для музея стояла очередная работа по приведению его в систематический и законченный вид. Однако по-прежнему учреждение оставалось без заведующего. Не было ни работников, ни лица, которое бы присутствовало в нем в дни открытий. Поэтому в качестве временного заместителя подотдел постановил пригласить А.А. Адриано-ва¹¹, назначив ему месячное вознаграждение в 30 руб[лей]. Кроме того, для отопления и уборки помещения было ассигновано 5 р[ублей] в месяц на наем приходящего служителя*.

Между тем продолжавшиеся хлопоты по приглашению постоянного консерватора привели к положительным результатам, и занять эту должность согласился консерватор музея Саратовского общества естествоиспытателей

при основании музея. Как уже указывалось выше, подписная сумма на этот предмет достигла 7293 рублей. Однако сумма эта не была, видимо, собрана и в качестве таковой нигде в делах городской управы не значится. Тем не менее в 1904 г. музей имел капитал в 2 тысячи с лишком рублей, имевший, впрочем, особое происхождение. Еще в 1891 или 1892 г., как видно из дел городской управы, бывшим городским головой Н.К. Переплетчиковым был заказан заводу Синявина кирпич для здания музея в количестве до 90 тысяч штук, каковой в 1897 г. был поставлен

городу. Следующие за ним 120 руб. были уплачены заводу из сумм, принадлежавших г[осподину] Переплетчикову и хранившихся в управе. Но так как, видимо, приступить к постройке здания для музея дума не имела в виду или по каким-либо иным соображениям, кирпич этот решено было продать. Покупателями его явились А.Г. Смирнов, взявший 20 тыс. кирпича на сумму 400 руб., и комитет по постройке архиерейского дома, взявший остальные 70 тыс. на сумму 1120 руб. Таким образом, за счет г[осподина] Переплетчикова на этой операции городская управа составила

капитал для музея в 1520 руб. Первая из названных сумм поступила 10 декабря 1897 г., а вторая 5 января 1898 г. В том же году Н.А. Шепетковский представил 31 июля в кассу управы 163 руб. 47 коп., собранные ранее по подписке на музей. Образовавшийся таким образом на 1 января 1899 г. капитал был обращен в ренту на сумму 1700 руб. Увеличиваясь, к 30 июня 1904 г. капитал этот вместе с процентами достиг бумагами 2000 руб., по книжке сберегательной кассы 71 руб. 39 коп. и наличными 42 руб. 82 коп., а всего 2114 руб. 21 коп. Так как при приспособлении старых гостиных рядов, куда на место конвойной команды был переведен музей, получился значительный перерасход, то дума постановила покрыть его указанным капиталом. Процентные бумаги были реализованы, составив всего 1956 руб. 71 коп., каковая сумма и была записана в доход города. Такова была история капитала на постройку здания для музея (прим. автора).

* Помещение оказалось холодным: температура в большие морозы спускалась ниже нуля, почему не приходилось думать о спокойной усидчивой работе. Несмотря на усиленную топку печей, оставаться в музее было возможно только в верхнем платье (прим. автора).

А.Я. Тугаринов. В целях возможно всестороннего ознакомления с постановкой музейного дела комитет непосредственно из Саратова командировал А.Я. Тугаринова в Петербург, где последний в течение декабря-месяца работал в Музее при Академии наук, Музее императора Александра III и др. С января следующего [1905] года А.Я. Тугаринов вступил в исполнение своих обязанностей консерватора.

Несмотря на все изложенные, крайне неблагоприятные условия в жизни музея, работа по накоплению материалов продолжалась. Так, 1903 год дал музею 2832 новых предмета, 1904 – 6572. Последняя высокая цифра объясняется, между прочим, пожертвованием обширного гербария флоры южного Енисея, сделанным Н.М. Мартьяновым. Покойный Н.М. отобрал из своих обширных сборов дубликаты всех растений, собранных им за время своих многочисленных разъездов по Минусинскому уезду, Усинскому округу и Урянхайскому краю. Этот ценный дар положил основание ботаническому отделу музея. Из других поступлений следует отметить пожертвования А.В. Адрианова, который дал ряд предметов по этнографии, археологии и геологии Минусинского уезда.

Музей открывался для публики в 1904 году в течение 65 дней, и за это время в нем пребывал 2381 человек.

Подводя итоги только что сказанному, приходится признать, что за 1903 и 1904 годы музей пережил тяжелое время. Не было ни регулярной работы, ни постоянных работников. После долгих лет полузабытого существования он привлек к себе внимание и заботы многих лиц, были сделаны шаги к его реорганизации и поднятию, но все это шло очень медленно, тормозилось, подчас, обстоятельствами, совершенно неожиданно создававшимися и неустранимыми. Но музей, пережив эти дни тяжелого испытания, вскоре же с избытком возвратил потерянные годы.

Публ. по: Тугаринов А.Я. *Исторический очерк Красноярского Музея со времени его основания // Двадцатипятилетие Красноярского городского музея (1889–1914). Красноярск: Енисейская губернская электро-типография, 1915. С. 1–100.*

КОММЕНТАРИИ*

¹ Красноярский купец 2-й гильдии Иннокентий Алексеевич Матвеев и его жена Юлия Петровна, дочь купца-мецената П.И. Кузнецова, предоставили для музея собственный дом, передали в его фонды коллекции птиц, окаменелостей, археологических и этнографических предметов, а также коллекцию тропических птиц и бабочек, картины и предметы китайской культуры.

** Сост. по:
ресурсы Интернета.*

² Павел Степанович Проскуряков (1857–1919), выпускник Императорского Санкт-Петербургского университета, преподавал в Красноярской мужской гимназии, занимался палеонтологическими и археологическими разысканиями. В 1889–1892 гг. служил консерватором (руководителем) Красноярского музея, после отъезда из Красноярска был помощником инспектора студентов в Императорском Томском университете, с 1906 г. преподавал историю и географию в Тюменской женской гимназии.

³ Алексей Сергеевич Еленев (1856 – ?), окончил Императорский Санкт-Петербургский университет, преподавал в Красноярской мужской гимназии и Красноярской учительской семинарии, позже – в Читинской мужской гимназии, с 1897 г. был ее директором. С 1885 г. проводил археологические раскопки по берегам р. Бирюса и Караульная.

⁴ Михаил Ефимович Киборт (1838–1916), учился в Санкт-Петербургской медико-хирургической академии, но как участник подпольной антиправительственной организации был арестован, заключен в Петропавловскую крепость и затем сослан в Якутскую область. Оказавшись в Красноярске, давал частные уроки, служил в городской управе, занимался археологией и орнитологией, вел многолетние наблюдения над отлетом и прилетом птиц. Освоил мастерство таксидермиста (изготовление чучел), собрал и передал в городской музей более 800 образцов сибирской фауны.

⁵ Николай Кириллович Переплетчиков (1849–1893), красноярский купец 1-й гильдии, золотопромышленник; избирался городским головой, много жертвовал на нужды образования и культуры. В 1892 г. удостоен звания почетного гражданина г. Красноярска.

⁶ Николай Александрович Шепетковский (1847–1919), штабс-капитан Русской армии, окончил Санкт-Петербургский кадетский корпус, затем – Военно-юридическую академию. Выйдя в отставку, поселился в Красноярске, служил в Енисейском отделении Государственного банка; избирался гласным Красноярской городской думы, два избирательных срока (в 1898–1905 гг.) был городским головой. Более 25 лет возглавлял Общество попечения о начальном образовании, содействовал открытию начальных школ, городской библиотеки. В 1907 г. ему присвоено звание почетного гражданина г. Красноярска.

⁷ Александр Петрович Кузнецов (1846–?), из семьи красноярских купцов-золотопромышленников, старший брат основательницы Красноярского

музея Ю.П. Матвеевой. Окончил Санкт-Петербургский технологический институт; вкладывал средства в развитие сибирской промышленности, был членом-учредителем акционерного общества «Драга», «Акционерного общества пароходства по Енисею»; много жертвовал на нужды образования и культуры, в том числе – музейного дела.

⁸ Роберт Иванович Шнейдер (1847–1909), выпускник Санкт-Петербургского технологического института, служил управляющим семейного золотопромышленного дела красноярских купцов Кузнецовых. Избирался гласным Красноярской городской думы, принимал деятельное участие в культурно-просветительной работе.

⁹ Красноярский подотдел Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества создан 28 января 1901 г., первым председателем был избран В.Ю. Григорьев, в 1907–1926 гг. подотдел возглавлял А.Я. Тугаринов.

¹⁰ Имеется в виду Русско-японская война (январь 1904 г. – август 1905 г.).

¹¹ Александр Александрович Адрианов (1882–1960), старший сын известного сибирского исследователя и общественного деятеля А.В. Адрианова. Окончил юридический факультет Императорского Томского университета; вместе с отцом занимался археологическими раскопками и передавал собранные коллекции в Минусинский музей. Работал хранителем, затем директором Семипалатинского музея. Был репрессирован, после возвращения из лагерей сотрудничал в Томском областном краеведческом музее.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

вып. – выпуск

г. – год, город

др. – другой

кн. – книга

коп. – копейка

пр., проч. – прочее

прим. – примечание

р. – река

руб. – рубль

с. – село

совр. – современный

см – сантиметр

см. – смотреть

т. – том

т. д. – так далее

т. е. – то есть

т. п. – тому подобное

ч. – часть

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абатай 28
Агапитов 105
Адрианов А.А. 239, 242
Адрианов А.В. 26, 93, 94, 101, 102, 103, 108, 211, 219, 240, 242
Адрианов Г.В. 181
Айгустов И.А. 238
Алаша-хамба 64
Александр II 212
Александр III 166, 240
Александр Великий (Македонский) 114
Александров 98
Аминов Б.А. 219
Амитаба (Абида-бурхан, Амитофо) 38
Андроников Г.З. 181
Анисьин А.Ф. 108
Антонович Н. 171
Анучин 105
Анучин (генерал-губернатор) 134
Аристотель 114, 116
Арсеньев К.И. 153
Арья-бало 39, 40, 41, 63, 74, 75
Аспелин 84, 97
Афонасьев П. 171
Ахтэ 156
Баранов А.П. 203
Барташев Н.П. 190, 192
Барташев П.О. 190, 191, 205
Басов Н.А. 61, 69
Баталин 190
Белоголовый А.А. 48
Берг Ф.Ф. 153
Березовский М.М. 164, 165, 166
Беринг В. 146
Богданович К.И. 163
Боголюбский 101, 102
Бойленг (Бойлинг) П.А. 98, 109
Большаков 71
Брандт Ф.Ф. 151
Брем 92
Бром-стон (Бром-дакши) 27
Брылкин А. 169
Булатов В.Н. 226
Бэр К.М. 151, 153
Вагин В.И. 36, 79
Вагнер Е.Н. 228
Вамбоцэрэнов (Вамбоцернов, Вамбоицэрэнов) И. 32, 33, 43, 69, 80
Витзен 102
Витковский Н.И. 96, 104, 108, 171
Войнич М.Л. 43, 80

- Воробьев А.И. 36, 39, 44, 45, 51, 53,
55, 58, 59, 61, 79
Ворсо Е.-Я. 96
Врангель Ф.П. 153
Вронченко М.П. 153
- Габчебужуй 26
Гагарин 86
Гадалов И.Г. 109
Гамбетта 128
Гацинский 126, 127
Гельмерсен Г.П. 153
Георги И.Г. 149, 150
Герасимов А.П. 181
Герефельд 169
Гильденштет 149
Гиппократ 114
Гладышевский 190
Глазов П.О. 190
Глен П.П. 157
Гмелин И.Г. 101, 146, 148
Гмелин-младший 149
Годлевский В. 171
Голодников К.М. 90, 107
Гомбоев Д.Г. 25, 32, 37, 38, 43, 44,
51, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 64, 65,
67, 69, 73, 74, 76, 77, 78, 79
Гомбоев Н.И. 37, 39, 40, 67, 73, 74, 79
Гомер 113
Гофман Э.К. 156
Гревинг 157
Григорьев В.Ю. 232, 235, 242
Гродеков Н.И. 178
Гру Э. 128, 130, 131, 132, 209
Грубер 29
Гуань-лао-е (Гуань-ди, Гуань-ин) 49
Губанов 173
Гуляев С.И. 190, 204, 209
- Гусев В.Я. 179, 181
Гусев И.Г. 134, 192, 195, 196, 197,
200, 202, 203, 205, 210
Гэндун 26
Гэсэр-хан 49
- Дайчин-ван 26
Даль В.И. 153, 154
Данилов В.А. 205
Данилов Н.П. 193
Данилов О.А. 229
Данте 115
Даранаты 45
Девятов 189
Делиль-де-Крайер 147
Джедамбаев Ц.В. 39
Джу-Адиши 27
Дзержинский 90
Динесс В.А. 32, 45, 56, 57, 80
Дмитриев-Мамонов А.И. 92, 107
Дмитрий (Лжедмитрий,
Гришка) 116
Дмитрий (царевич) 116
Должников П. 192
Должников Ф.А. 190
Должниковы 192
Дуброва Я.П. 34, 68, 70
Дудин 61, 66, 67, 78
Дудников С. 5
Думберг К.Е. 190, 191, 209
Духовской С.М. 176, 177, 178, 180
Дыбовский В.И. 171
Дюлор Ж.А. 33
Дюпон 128
- Евтюгин И.А. 46
Екатерина II 149
Еленев А.С. 221, 227, 228, 241

- Ермак 86
Ефремов В.С. 26, 78
- Жуков Н.Н. 4
- Загоскин М.В. 48, 170
Загоскин Н. 21
Залесский С.И. 181
Зензинов М.А. 147
Змоновский 93
Знаменский М.С. 90, 91, 92, 93, 107
Зонтгаген 168, 169
Зоограф Н.Ю. 84
Зориктуев 26
Зубашев Е.Л. 211, 219
Зуев 149
Зункаба 27, 28, 29, 44, 45, 70, 75
Зырянов А. 84, 85, 86
- Иванов 85, 86
Игнатъев А.П. 36, 79, 225
Иконников В.С. 3
Иоанн (Родионов) 76
Ирдынеев Б. 69
Иринчинов 161
- Каргополов Д.С. 137, 142
Каргополовы 190
Карпинский Л.А. 42, 44, 49, 50, 80
Кастрен 100, 101
Каховский 221
Келлер 159
Кеппен П.И. 153
Кербер 194
Киборт М.Е. 221, 225, 227, 228, 229, 231, 237, 241
Кирхер А. 29
Клапрот 101
- Клеменц Д.А. 4, 99, 100, 101, 110, 185, 195, 196
Клер А.Е. 84
Кличка Ф.Н. 173, 183
Ковальский 156
Козлов П.К. 161, 162, 166
Козьмин М.М. 41
Комаров 36
Кон Ф.Я. 4, 184, 185
Коновалов П.Н. 222, 235
Костров Н.А. 100, 101, 109
Кочетов 169
Кошаров П.М. 94, 108
Краморев 63
Крапоткин (Кропоткин) А.А. 199, 210
Крапоткин (Кропоткин) П.А. 170, 210
Краузе О.О. 38
Крашенинников 104, 147
Крузенштерн И.Ф. 153
Крутовский М. 228
Крылов А.М. 211
Крылов И.А. 145
Крылов И.В. 208
Кузнецов А.К. 4, 143, 144
Кузнецов А.П. 225, 235, 241
Кузнецов И.П. 96, 98, 101, 108
Кузнецов П.И. 192, 195, 204, 210, 241
Кузнецов С.К. 129, 142
Кузнецова А.П. 225
Кузнецова Е.П. 222
Кун М.А. 192, 205
Кытманов А.И. 138, 142, 221
- Лакс А.И. 108
Лаксман Э. 150, 173
Лалит-Вистар 35

- Ланкина Е. 5
 Лао-дао (Лао-цзы) 49
 Ларионов 226
 Леваковский Н.Ф. 188, 190
 Левицкий Н.В. 75, 76
 Левшин А.И. 153
 Леонардо да Винчи 115
 Лепехин 149
 Либей 49
 Линней К. 148
 Литке Ф.П. 153, 155
 Логиновский К.Д. 181
 Лопатин И.А. 83, 169, 170, 190, 191, 204, 209
 Лохвицкий 134
 Лубсан-дамба 28
 Лубсын 27
 Лумбунов Ю.Л. 32, 38, 41, 43, 44, 45, 59, 61, 64, 65, 70, 76, 77, 79
 Лумбунова Х.Д. 38, 62

 Маак Р.К. 168, 169
 Майдель Г.Л. 171
 Майер 157
 Майтрея (Майдари, Шянба) 37
 Майя 35
 Маковецкий 137
 Максимович 193
 Макушин П.И. 127, 142, 211, 219
 Малахов М.В. 84, 85, 86
 Малиев Н.М. 190, 209
 Малинин А.В. 188, 189, 195, 196, 199, 208, 209
 Малков И.П. 46
 Манджушри 38
 Марденских 190
 Мартянов Н.М. 99, 101, 104, 110, 111, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 202, 203, 205, 209, 221, 222, 225, 240
 Масса 102
 Матвеев И.А. 221, 222, 223, 224, 225, 228, 235, 241
 Матвеев П.И. 222
 Матвеева Ю.П. 221, 222, 225, 241
 Мелехин Ф.В. 4
 Мензбир 126
 Меркушов 202
 Мессершмидт Д.Г. 145, 146
 Миддендорф А.Ф. 153
 Милевский П.А. 40, 80
 Миллер Г.Ф. 147, 148
 Милютин В.А. 172
 Михайлов Д.П. 67
 Михайлов К.П. 43, 55, 80
 Мнишек М. 116
 Мозгалецкий А.Н. 192
 Молодых И.А. 190
 Мордовцев Д.Л. 126, 127
 Муравьев Н.М. 153
 Муравьев Н.Н. 156, 168
 Муромов И.И. 237
 Мутгальвани (Молон-тойна) 67, 68
 Мяо 30

 Наван Лобзан 28
 Надеждинский И.А. 192
 Надольский 192
 Нейман К.К. 171
 Некрасов 127
 Несмелов Ф.Я. 211, 217, 219
 Нестеровский 84
 Николай II (Николай Александрович Романов) 138, 179, 180

- Ногон-дара-экэ 43, 44, 75
Норденшильд 206
- Обручев В.А. 144, 166, 171, 183
Одоевский 153
Ольденберг Г. 35, 79
Омелянский И.А. 224, 225
Оржешко В.Ф. 219
Орлов И.А. 50
Осташевский А.И. 238
- Павлищев 74, 75, 76, 77
Паллас П.С. 100, 101, 103, 106, 146, 149, 150, 151
Пальцов 159
Пандер Е.П. 36, 38, 45, 48, 49, 50, 74, 79
Патюков В.И. 174
Пахтинские 88
Певцов М.В. 163
Педашенко И.К. 35, 64, 79, 222
Педашенко М.Е. 222
Переpletчиков Н.К. 222, 226, 239, 241
Переpletчикова Е.Д. 222
Перетолчин В.И. 76
Пермикин Н.Г. 192
Перовский В.А. 153, 155
Першин Н.И. 75
Петр I (Петр Великий) 86, 115, 116, 117, 145, 146, 151
Петухов Н.Н. 93, 108
Пещуров 157
Пиль И.А. 173
Пименов Ф.Н. 190
Плиний 114
Повало-Швейковский 159
Подгорбунский И.А. 4, 23
- Позднеев А.М. 32, 164
Поляков И.С. 90, 170
Попов 94
Попов В.П. 208
Попов Н.И. 199, 205, 206, 207, 210
Потанин Г.Н. 4, 23, 36, 40, 43, 44, 45, 48, 50, 55, 56, 63, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 78, 144, 156, 164, 165, 182, 211, 219
Потанина (Лаврская) А.В. 164, 182, 183
Потылицин С. 230
Поярков В.У. 59, 62, 63
Прейн 230
Пржевальский Н.М. 144, 150, 156, 158, 160, 161, 162, 163
Приклонский В.Л. 36, 38, 40, 41, 54, 66, 71, 79
Проскуряков П.С. 221, 222, 225, 228, 241
Птицын В.В. 34, 36, 39, 40, 41, 45, 46, 52, 57, 58, 59, 61, 62, 68, 73, 74, 78, 79
Птолемей 114
Путятин 88
Пыпин А.Н. 147
- Рабданов Б.Р. 165
Радаков В.Н. 179, 180
Радде Г.И. 157
Радлов В.В. 101
Ратна-вала 26
Рафаилов П.А. 164
Ревушкин С.А. 5
Рикорд П.И. 153
Риттер К. 158
Рихтер Лайос 192, 204

- Роборовский В.И. 156, 160, 161, 162, 166
 Ровинский П.А. 171
 Рогон 137
 Родионов И. 76
 Романов А.М. 177
 Романов К.Н. 154, 179
 Романов Н.М. 154, 155, 177
 Романова А.И. 179
 Рошков 157
 Румянцев 117
 Рычков 149
- Савенков И.Т. 94, 95, 96, 97, 98, 99, 101, 102, 103, 104, 108, 221
 Савицкий 190
 Сайлотов Т.Н. 186, 189, 191, 192, 194, 195, 196, 197, 198, 202, 203, 205, 210
 Сайлотова М.Д. 210
 Салтыков 192
 Самохвал М.Т. 204
 Сантан-джимба 26
 Сафьянов Г.П. 191, 192, 204, 210
 Светлаков 230
 Седаков В.И. 174
 Седов П.Г. 204
 Семенов П.П. 155, 177
 Сенар Е. 35
 Сибиряков И.М. 136, 142
 Сидоров М.К. 83, 107
 Скасси А.И. 26, 27, 29, 30, 34, 37, 66, 78, 165
 Словцов И.Я. 86, 87, 88, 89, 90, 107
 Смирнов А.Г. 239
 Смирнов С. 103
 Смирягин 157
- Смышляев 85
 Соколов 149
 Соловьев С.Ф. 168, 169
 Спасский 97, 100, 101
 Сронг-дзан-хамбо 42, 43
 Станкевич 99
 Старцев А.Д. 36, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 79
 Старцев Д.А. 40
 Стеллер 147
 Степанов А.П. 98, 100, 101, 109
 Степанова Е. 5
 Стражевский 156
 Стрельбицкий И.И. 179
 Струве В.Я. 153
 Стульгинский А.К. 192, 204
 Суворов А.В. 109
 Суддо-дана 35
 Сукачев В.П. 175
 Суслонов А.А. 190, 192
 Сэдэн 26
 Сэрэн 26
- Тандыр 26
 Тарахаева 26
 Телишов 161
 Теофраст 114
 Теплоухов 84, 86
 Тибберт Ф. (Страленберг) 146
 Титов 98, 100, 101
 Тихомиров А.Н. 4
 Тихон (епископ) 226
 Третьяков 189, 191, 192, 195
 Тугаринов А.Я. 4, 220, 240, 242
 Тугултуров Ч. 25
 Туманов С.Б. 32, 79
 Тушету-хан 45, 64
 Тюмен Ф. (Thumen F.) 136, 193

- Уваров А.С. 104
Ундур-геген 28, 44, 45
Усольцев 157
- Фальк 149
Федоров Д.С. 76
Фишель Т.Л. 219
Фишер И.Э. 147, 148
Флоринский В.М. 4, 6, 7, 93, 107
Фурман 168, 169
- Хороших П.П. 4
Хорошхин М.П. 177
Хоян 26
- Цаган-дара-экэ 42, 43, 52, 75
Цыбденов Б. 63
Чарушин Н.А. 26, 27, 29, 30, 31, 32, 33, 57, 64, 66, 71, 74, 78
- Чекановский А.Л. 171
Чернышев 192
Черский И.Д. 104, 171
Чжаян-Чжаппасэн (Джаян-джаппасэн) 26, 66
Чихачев П.А. 153
Чупин Н.К. 85
Чухин М.Е. 59
- Шакьямуни 35, 36, 37, 39, 74
Шаме Шянба 25
- Шатилов М.Б. 4
Шварц Л.Ф. 156, 157, 158, 159
Шебунин 157
Шепетковский Н.А. 222, 225, 235, 238, 239, 241
Шешунов 75
Шлагинтвейт А. 42
Шлагинтвейт Г. 42
Шлагинтвейт Р. 42
Шлагинтвейт Э. 42, 58, 77
Шмид 191
Шмидт Ф.Б. 157, 158
Шмидт Ф.В. 170
Шнейдер Р.И. 229, 242
Штраух 159
Шувалов 117
- Щапов А.П. 170, 171
- Эверсман 186
Эйлер 149
Эклон Ф.Л. 159, 160
Эман К.Р. 219
Эрдени-лама 64
Эрман 98
- Юрацко 194
- Ядринцев Н.М. 4, 81, 107, 171
Яковлев А.А. 235
Ярилова Л.О. 192

СОДЕРЖАНИЕ

Труды сибирских музееведов XIX – начала XX века (Н.М. Дмитриенко, Э.И. Черняк)	3
Проект публичного историко-этнографического музея, разработанный В.М. Флоринским. Публ. А.Д. Дементьева	6
Каталог буддийской выставки в Иркутске. Публ. И.А. Голева	23
Н.М. Ядринцев о поездке по восточным территориям России для обозрения музеев и археологических работ. Публ. Н.М. Дмитриенко	81
Публичная лекция, прочитанная Д.А. Клеменцем в Кяхте. Публ. Э.И. Черняка	110
Речь А.К. Кузнецова, произнесенная по случаю пятидесятилетия Императорского Русского географического общества. Публ. Н.М. Дмитриенко	143
Основание Минусинского музея глазами Ф.Я. Кона. Публ. С.Е. Григорьевой	184
Сибирский областной музей в Томске. Публ. С.Е. Григорьевой	211
А.А. Тутаринов о становлении Красноярского музея. Публ. Н.М. Дмитриенко	220
Список принятых сокращений	243
Именной указатель	244

Научное издание

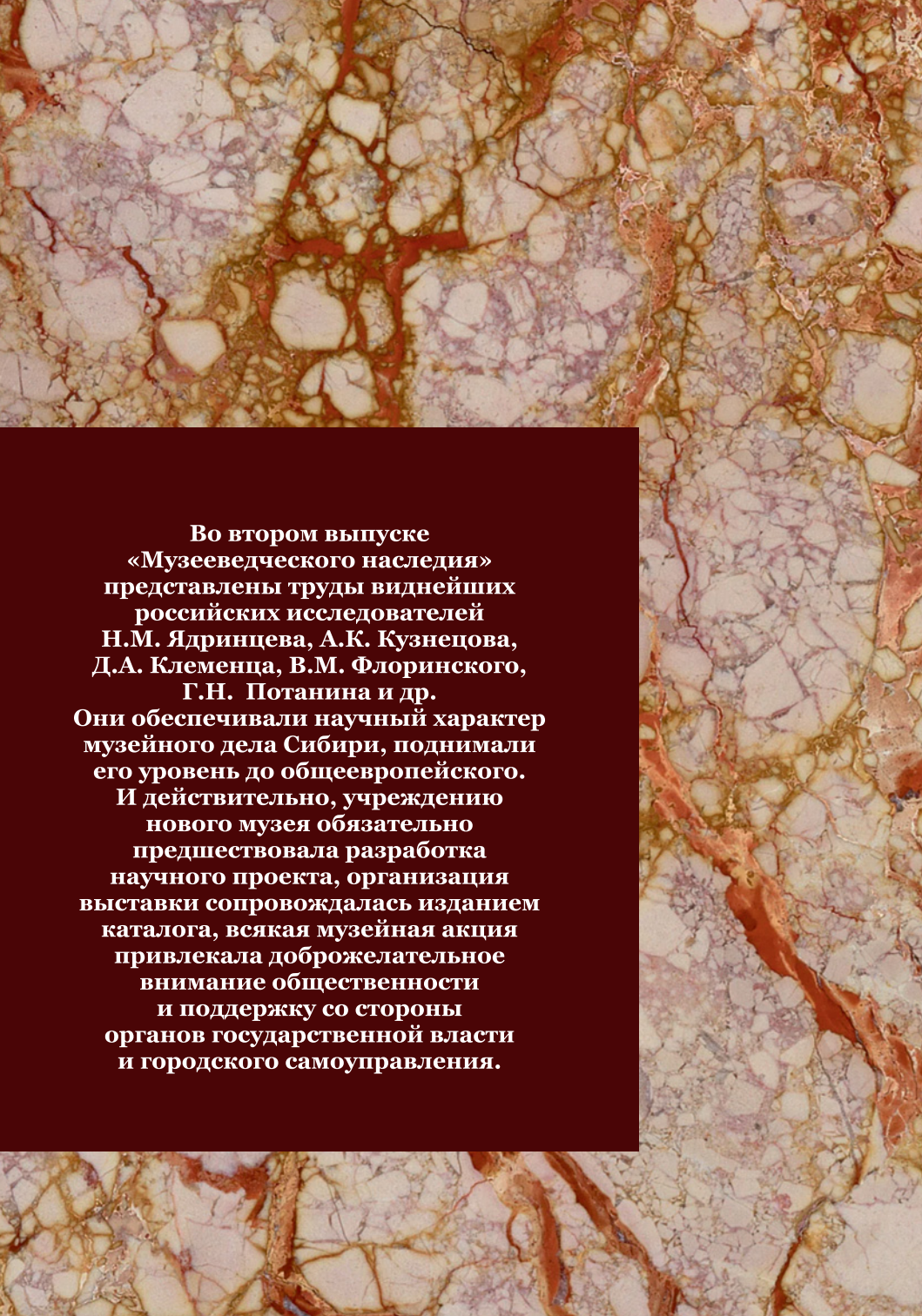
Надежда Михайловна Дмитриенко
Эдуард Исаакович Черняк
Александр Денисович Дементьев
Иван Александрович Голев
Светлана Евгеньевна Григорьева

**МУЗЕЕВЕДЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ СЕВЕРНОЙ АЗИИ.
ВЫП. 2: ТРУДЫ МУЗЕЕВЕДОВ
ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX –
ПЕРВЫХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ XX ВЕКА**

Редактор В.С. Сумарокова
Компьютерная верстка О.Е. и Е.Л. Нечаевых

Подписано в печать 16.12.2019
Формат 60 x 84 1/16. бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Печ. л. 15,75; усл. печ. л. 14,65; уч.-изд. л. 15,85. Тираж 500. Заказ 314

ООО «Издательство ТГУ». 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
izdattgy@mail.tomsknet.ru

The background of the entire page is a marbled paper with a pattern of irregular, light-colored (cream, beige, and light purple) patches separated by veins of reddish-brown and gold. A solid dark red rectangular box is positioned on the left side of the page, containing white text.

**Во втором выпуске
«Музееведческого наследия»
представлены труды виднейших
российских исследователей
Н.М. Ядринцева, А.К. Кузнецова,
Д.А. Клеменца, В.М. Флоринского,
Г.Н. Потанина и др.**

**Они обеспечивали научный характер
музейного дела Сибири, поднимали
его уровень до общеевропейского.**

**И действительно, учреждению
нового музея обязательно
предшествовала разработка
научного проекта, организация
выставки сопровождалась изданием
каталога, всякая музейная акция
привлекала доброжелательное
внимание общественности
и поддержку со стороны
органов государственной власти
и городского самоуправления.**